

Est.
October, 2018

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

OF LEGAL RESEARCH

4 (25) 2023

В этом выпуске:

Калинина Е.Г.

Языки народов Российской Федерации:
трансформация законодательства и
влияние международного права

Машинская А.А. / Орищенко А.С.

«Красота не требует жертв!»: проблемы
квалификации преступных деяний
в сфере косметологии и пластической
хирургии

Окунева В.А. / Профатило К.А.

Частное обвинение как вид уголовного
преследования: проблемы и перспективы
правовой регламентации

Featured:

Ekaterina G. Kalinina

Native Languages of the Peoples
of the Russian Federation: Transformation
of Legislation and the Influence
of International Law

Anna A. Mashinskaya / Anastasia S. Orishchenko

«Beauty Does Not Require Victims!»:
the Problem of Qualification of Acts in the Field
of Criminal Cosmetology and Plastic Surgery

Victoria A. Okuneva / Kristina A. Profatilo

Private Prosecution as a Type of Criminal
Prosecution: Problems and Prospects of
Legal Regulation

Екатеринбург | Yekaterinburg 2023

**4(25)
2023**

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования | Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education

Уральский государственный юридический университет им В.Ф. Яковлева
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Чернигова София Андреевна

Члены редакционной коллегии:

Ангоренова Виктория Александровна
Туркина Диана Андреевна
Тхай Виктория Рудольфовна
Кутырев Александр Александрович
Рыжкова Александра Петровна
Сафронова Екатерина Владимировна
Бандурина Дарья Александровна

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета:

Сергеев Д.Н. – к.ю.н., доц. каф. уголовного права УрГЮУ;

Члены редакционного комитета:

Азаренок Н.В. – к.ю.н., доц. каф. уголовного процесса УрГЮУ;
Васильев А.С. – к.ю.н., доц. каф. гражданского права УрГЮУ;
Козаченко И.Я. – Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф., зав. каф. уголовного права УрГЮУ;
Корте Густаво – доктор наук, директор центра междисциплинар. иссл. (Сан-Пауло, Бразилия);
Лихачев М.А. – к.ю.н., доцент кафедры международного и европейского права УрГЮУ;
Мочалов А.Н. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного права УрГЮУ;
Радостева Ю.В. – к.ю.н., доц. каф. уголовного права УрГЮУ;
Самсон Бенджамин – доктор наук, зам. прокурора г. Манила (Филлипины);
Ярков В.В. – Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф., зав. каф. гражданского процесса УрГЮУ.

Свидетельство о регистрации:

№ ЭЛ № ФС 77-73574 от 31.08.2018 г.

Адрес редакции:

620137, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 23, оф. 307

Editorial Board:

Chief Editor:

Chernigova Sofia Andreevna

Editors:

Angorenova Victoria Alexandrovna
Turkina Diana Andreevna
Thai Victoria Rudolfovna
Kutyrev Alexander Alexandrovich
Ryzhkova Alexandra Petrovna
Safronova Ekaterina Vladimirovna
Bandurina Darya Alexandrovna

Editorial Council:

Editorial Committee Chairman:

Sergeev D.N. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Criminal Law Dep., USLU.

Members of the Editorial Committee:

Azarenok N.V. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Criminal Procedure Dep., USLU
Vasiliev A.S. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Civil Law Dep., USLU;
Kozachenko I.Ya. – Honored Scientist of Russia, Doc. of Jur. Sci., prof., Head of the Criminal Law Dep., USLU;
Gustavo Korte – PhD, Head of the Interdisciplinary Research Center (São Paulo, Brazil);
Likhachev M.A. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the International and European Law Dep., USLU;
Mochalov A.N. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Constitutional Law Dep., USLU;
Radosteva Yu.V. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Criminal Law Dep., USLU;
Samson Benjamin – PhD, Deputy Prosecutor of the Manila (Philippines);
Yarkov V.V. – Honored Scientist of Russia, Doc. of Jur. Sci., prof., Head of the Civil Procedure Dep., USLU.

Registration Certificate:

ЭЛ № ФС 77-73574, 31.08.2018

Address:

620137, Sverdlovsk region, Yekaterinburg,
Komsomolskaya st., 23, off. 307

Содержание:

Бандурина Д.А. / Янковский В.А. Особенности взаимодействия права о конкуренции и трудового права в Европейском союзе	3
Калинина Е.Г. Языки народов Российской Федерации: трансформация законодательства и влияние международного права	11
Аширбакиев Р.М. К вопросу об обязательности участия психолога и педагога в качестве судебных экспертов по уголовным делам с участием несовершеннолетних	18
Машинская А.А. / Орищенко А.С. «Красота не требует жертв!»: проблемы квалификации преступных деяний в сфере косметологии и пластической хирургии	23
Туркина Д.А. / Тхай В.Р. Проблема принятия Конституции Европейского Союза: ее сущность и возможные перспективы	31
Тользак А.Е. Правовая природа складских свидетельств	38
Шульгина Н.Н. Проблемы правового регулирования регуляторных и надзорных технологий	44
Сафронова Е.В. / Скворцова А.В. Винное законодательство Австрии в рамках права Европейского Союза	50
Окунева В.А. / Профатило К.А. Частное обвинение как вид уголовного преследования: проблемы и перспективы правовой регламентации	55
Недоростов Е.П. Несовершеннолетние лица как субъект уголовной ответственности	69
Вострикова А.М. / Руф В.С. О некоторых особенностях исполнения решений международных коммерческих арбитражей на территории Российской Федерации	76
Власова О.М. Медиация как форма защиты гражданских прав: преимущества и недостатки	82

Table of Contents:

Daria A. Bandurina / Vitaliy A. Yankovskiy Features of the Interaction of Competition Law and Labor Law in the Euro- pean Union	3
Ekaterina G. Kalinina Native Languages of the Peoples of the Russian Federation: Transformation of Legislation and the Influence of International Law	11
Rinat M. Ashirbakiev On the Issue of the Mandatory Participation of a Psychologist and a Teacher as Forensic Experts in Criminal Cases Involving Minors	18
Anna A. Mashinskaya / Anastasia S. Orishchenko «Beauty Does Not Require Victims!»: the Problem of Qualification of Acts in the Field of Criminal Cosmetology and Plastic Surgery	23
Diana A. Turkina / Victoria R. Thai The Problem of Adopting the Constitution of the European Union: Its Essence and Possible Prospects	31
Alexey E. Tolzak Legal Nature of Warehouse Certificates	38
Shulgina N. Nastasia Problems of Legal Regulation of Regulatory and Supervisory Technologies	44
Ekaterina V. Safronova / Anastasia V. Skvortsova Austrian Wine Legislation within the Framework of European Union Law	50
Victoria A. Okuneva / Kristina A. Profatilo Private Prosecution as a Type of Criminal Prosecution: Problems and Prospects of Legal Regulation	55
Yegor P. Nedorostov Minors as a Subject of Criminal Liability	69
Anastasia M. Vostrikova / Vladislav S. Ruf On Some Features of the Execution of Decisions of International Commercial Arbitration in the Territory of the Russian Federation	76
Olga M. Vlasova Mediation as a Form of Civil Rights Protection: Pros and Cons	82

4 (25) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 341
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_3

Бандурина Дарья Александровна

bandurina2002@gmail.com
Студент Института государственного
и международного права Уральского государственного
юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Янковский Виталий Алексеевич

vitaliy.yankovskiy@inbox.ru
Студент Института государственного
и международного права Уральского государственного
юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Лунёв Андрей Алексеевич

Преподаватель кафедры международного
и европейского права Уральского государственного
юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Особенности взаимодействия права о конкуренции и трудового права в Европейском союзе

Бандурина Д.А., Янковский В.А. / Особенности взаимодействия права о конкуренции и трудового права в Европейском союзе // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 4. С. 3–10. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_3

Аннотация:

В Европейском союзе распространена практика заключения гражданско-правовых, а не трудовых договоров. Лица, работающие по гражданско-правовым договорам, называются самозанятыми. Авторами проводится анализ рынка рабочей силы в Европейском союзе, делается вывод о том, что за последние двадцать лет на рынке труда изменилось соотношение «традиционных» наемных работников и «самозанятых» работников из-за развития технологий, в том числе информационных, которые позволяют работникам осуществлять свои трудовые функции в условиях, которые не требуют постоянного присутствия на рабочем месте, жесткого контроля со стороны работодателя, строго установленного рабочего времени. Поскольку самозанятые осуществляют экономическую деятельность самостоятельно, на них распространяется законодательство Европейского союза о конкуренции. Вместе с тем, таким лицам предоставляются и основные гарантии реализации трудовых прав, предусмотренные трудовым законодательством. В настоящей статье поднимаются вопросы взаимодействия трудового права и права о конкуренции Европейского союза. Проводится анализ позиций Комитета по свободе объединения МОТ, а также решений Суда Европейского союза, затрагивающих права «самозанятых» работников. Предлагается несколько подходов решения проблемы регулирования объема трудовых прав самозанятых работников. Рассматривается возможность введения нового легального определения понятия «наемный работник» для наиболее точного определения круга лиц, которым должны быть предоставлены трудовые права и социальные гарантии. Анализируется понятие «ложно самозанятых» работников – лиц, которые вынуждены находиться в статусе самозанятых ввиду недобросовестных действий работодателя,

УДК 341
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_3

Daria A. Bandurina

bandurina2002@gmail.com
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of State and International Law, Student

Vitaliy A. Yankovskiy

vitaliy.yankovskiy@inbox.ru
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of State and International Law, Student

Academic Supervisor:

Andrey A. Lunev

Lecturer of the Department of International
and European Law Ural State Law University
named after V. F. Yakovlev

Features of the Interaction of Competition Law and Labor Law in the European Union

Daria A. Bandurina, Vitaliy A. Yankovskiy / Features of the interaction of competition law and labor law in the European Union // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 4. P. 3–10. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_3

Abstract:

In the European Union, the practice of concluding civil law rather than employment contracts is widespread. Persons working under civil law contracts are called self-employed. The authors analyze the labor market in the European Union, and conclude that over the past twenty years, the ratio of «traditional» employees and «self-employed» workers has changed in the labor market due to the development of technologies, including information, which allow employees to perform their labor functions in conditions that do not require constant presence at the workplace, strict control by the employer, strictly established working hours. Since the self-employed carry out economic activities independently, they are subject to the competition legislation of the European Union. At the same time, such persons are also provided with basic guarantees of the exercise of labor rights provided for by labor legislation. This article discusses the issues of interaction between labor law and competition law of the European Union. The article analyzes the positions of the ILO Committee on Freedom of Association, the decisions of the Court of Justice of the European Union affecting the rights of «self-employed» workers. Several approaches to solving the problem of regulating the scope of labor rights of self-employed workers are considered. The possibility of introducing a new legal definition of the concept of «employee» is being considered for the most accurate definition of the circle of persons to whom labor rights and social guarantees should be provided. The concept of «falsely self-employed» employees – persons who are forced to be in the status of self-employed due to unfair actions of the employer, who forces the employee to work not under an employment contract, but under a civil contract – is analyzed. Examples of solving the problem of interaction between labor law and competition law from foreign legislation are given. The points of view of legal scholars of the European Union regarding the

который вынуждает работника работать не по трудовому договору, а по договору гражданско-правового характера. Приводятся примеры решения проблемы взаимодействия трудового права и права о конкуренции из зарубежного законодательства. Исследуются точки зрения ученых-правоведов Европейского союза относительно нынешнего положения самозанятого работника и предоставляемых ему трудовых прав.

Ключевые слова:

право о конкуренции, трудовое право, самозанятый, наёмный работник, Европейский союз.

current situation of a self-employed employee regarding the labor rights granted to him are given.

Keywords:

competition law, labor law, self-employed, employee, European Union.

В современном мире экономические отношения между субъектами хозяйственной деятельности играют ключевую роль в обеспечении благосостояния общества и государства. В условиях рыночной экономики конкуренция является одним из основных факторов, стимулирующих развитие производства и повышение его эффективности. Однако когда конкуренция становится недобросовестной, она может привести к нарушению прав потребителей и других участников рынка. Для предотвращения и пресечения таких действий в Европейском союзе действует законодательство о конкуренции, которое является неотъемлемой частью правового регулирования данного интеграционного объединения.

Трудовое право, регулирующее отношения между работниками и работодателями, также занимает важное место в системе европейского права. Его основная задача – обеспечение справедливых и благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников, а также предотвращение возможных нарушений этих прав со стороны работодателей.

Взаимодействие права о конкуренции и трудового права имеет особое значение для функционирования экономики Европейского союза, поскольку обе отрасли права направлены на поддержание баланса интересов различных социальных групп и обеспечение стабильности экономической системы. Вместе с тем между этими двумя отраслями права могут возникать противоречия, требующие своевременного и адекватного разрешения.

Деятельность в сфере трудового права государств-членов Европейского союза на национальном уровне и взаимодействие этих государств на уровне Европейского союза позволяет выделить из системы международного трудового права отдельно трудовое право Европейского союза. На сегодняшний день трудовое право Европейского союза охватывает сферы индивидуальных трудовых отношений в области свободного передвижения работников, занятости, равенства и запрета дискриминации, индивидуальных трудовых договоров, здоровья и безопасности на рабочем месте, условий труда, прав работников в рамках реструктуризации предприятий, а также коллективных трудовых отношений в области свободы объединения, права на ведение коллективных переговоров и заключение коллективных соглашений, участия работников в управлении предприятием [1, с. 194].

На территории Европейского союза распространена практика работы не по трудовому договору, а на основе гражданско-правовых договоров. Лица, осуществляющие трудовую деятельность на основе таких договоров, называются самозанятыми.

Из-за самостоятельного характера экономической деятельности самозанятых работников на них распространяется законодательство о конкуренции, в частности, запрет проведения коллективных переговоров и заключения коллектив-

ных договоров между самозанятыми. Считается, что реализация данных прав самозанятыми ведет к нарушению добросовестной конкуренции на рынке. В то же время, это препятствует самозанятым осуществлять свои трудовые права.

Целью настоящего исследования является анализ особенностей взаимодействия права о конкуренции и трудового права Европейского союза, а также выявление возможных проблем и противоречий, возникающих в процессе их применения.

В трудовом законодательстве понятия «наемные работники» и «самозанятые» обычно разграничиваются. При этом в законодательстве ряда государств-членов Европейского союза (далее – ЕС), например, Испании, Великобритании, Италии, Германии, Австрии содержатся положения о промежуточных категориях «полузависимых» работников. «Полузависимые» работники обычно понимаются как подкатегории самозанятых. В законодательстве же других государств-членов ЕС, например, Франции, Бельгии, Швеции не содержатся промежуточные категории, но понятие «наемный работник» в этих странах понимается очень широко и включает в себя ряд категорий работников, которые в других правовых системах рассматривались бы как «самозанятые» лица.

Как правило, определение самозанятости в законодательстве подробно не раскрывается и определяется по остаточному принципу: если лицо не соответствует требованиям, предъявляемым к «наемным работникам», то лицо считается «самозанятым». Вследствие использования данного подхода в понятие «самозанятый» включается очень широкий и разнородный круг лиц, оказывающих услуги [2, с. 23-24].

В одном из своих решений Суд ЕС выявил определяющий признак трудовых отношений – факт выполнения лицом в течение определенного периода времени для другого лица и под его руководством определенной деятельности в обмен на вознаграждение¹.

Вследствие развития информационных технологий и распространения, так называемой, «онлайн-работы» возникает неопределенность в формулировке критериев, которые позволили бы судам и органам государственной власти разграничивать «наемных работников» и «самозанятых».

Большинство государств-членов ЕС признают, что даже самозанятые должны быть защищены от дискриминации. Несколько государств-членов ЕС также признают, что свобода собраний и право на ведение коллективных переговоров являются основополагающими, они часто закреплены на конституционном уровне, все работники, в том числе самозанятые, должны пользоваться ими в равном объеме [3, с. 16]. В некоторых странах, например, во Франции, четко выраженные юридические презумпции распространяют основную часть трудовых прав на различные категории самозанятых, таких как внештатные журналисты, артисты-исполнители, модели и т.д. Объем прав, которые гарантируются в странах ЕС категориям «полузависимых» работников, может значительно варьироваться, но в целом объем трудовых прав этой промежуточной категории шире, чем объем прав непосредственно самозанятых, но уже, чем объем прав обычных наемных работников.

Ни один из этих аспектов не отражен в положениях трудового законодательства ЕС. Единственным исключением является право не подвергаться дискриминации, которое распространяется на «условия доступа к работе, самозанято-

1 Решение Суда Европейского Союза по делу C-518/15 «Ville de Nivelles v Rudy Matzak» от 21 февраля 2018 года // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62015CJ0518_SUM (дата обращения: 13.10.2023).

сти и к различным родам деятельности»².

Трудовое законодательство стран ЕС предоставляет широкие возможности для обеспечения создания объединений работников для проведения коллективных переговоров и согласования с работодателями основных условий работы, включая оплату труда и рабочее время. Объяснение такого регулирования обычно сводится к рассуждениям о неспособности работников в ходе индивидуальных переговоров достичь с работодателем согласия относительно установления справедливой оплаты труда: сам факт того, что они являются работниками и вынуждены постоянно продавать свой труд, чтобы зарабатывать на жизнь, свидетельствует о том, что наемные работники в конечном счете находятся в неравном положении в переговорах с работодателем об условиях занятости.

Согласно позиции Комитета по свободе объединения МОТ в силу принципов свободы собраний все работники – за единственным исключением военнослужащих и сотрудников полиции – должны иметь право добровольно создавать объединения и вступать в них, следовательно, основание для определения круга лиц, на которых распространяется это право, не основывается на факте наличия или отсутствия трудовых отношений. Реализация данного права часто ограничивается в отношении самозанятых работников, но это не свидетельствует о том, что данные категории работников должны быть лишены свободы собраний. Согласно позиции Комитета по свободе объединения МОТ право на ведение коллективных переговоров распространяется на самозанятых работников, и ожидается, что государства-члены МОТ примут необходимые меры для: обеспечения того, чтобы самозанятые работники в полной мере пользовались свободой собраний, в частности, правом добровольно вступать в профсоюзы; проведения переговоров по данному вопросу со всеми заинтересованными сторонами с целью нахождения компромисса, чтобы гарантировать самозанятым работникам в полной мере профсоюзные права для продвижения и защиты своих интересов, в том числе путем проведения коллективных переговоров в соответствии с Конвенциями МОТ № 87 и № 98; консультации с заинтересованными сторонами социального партнерства, чтобы определить особенности статуса самозанятых работников, участвующих в коллективных переговорах, что, в свою очередь, позволит при необходимости разработать конкретные механизмы ведения коллективных переговоров с участием самозанятых работников.

Считается, что законодательство о конкуренции может применяться к так называемым «предприятиям», то есть, согласно праву ЕС, субъектам, осуществляющим экономическую деятельность. Под это определение также подходят отдельные лица, предлагающие товары или услуги на рынке, где они несут финансовый риск, связанный с оказанием этих услуг. При этом наемный работник не может быть «предприятием», поскольку он не осуществляет самостоятельную экономическую деятельность. В отличие от наемных работников, самозанятые могут рассматриваться как «предприятия», а их объединения по смыслу законодательства о конкуренции являются объединением предприятий.

В соответствии со статьей 101(1) Договора о функционировании Европейского Союза (в редакции Лиссабонского договора 2007 года)³ и согласно сложившемуся подходу, которого придерживаются суды ЕС, организация, действующая от имени самозанятых лиц, должна рассматриваться как объединение предприятий.

2 Директива Совета Европы № 2000/43/ от 29 июня 2000 года // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2569865/> (дата обращения: 13.10.2023).

3 Договор о функционировании Европейского Союза (в редакции Лиссабонского договора 2007 года) // Право Европейского союза. URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата обращения: 13.10.2023).

Это приводит к тому, что законодательство о конкуренции распространяется на самозанятых работников – антимонопольные органы и суды рассматривают их как «предприятия» в случае, когда: самозанятые стремятся коллективно договориться об условиях предоставления своих услуг; когда в коллективных соглашениях, заключаемых профсоюзами в отношении наемных работников, содержатся положения о минимальной оплате труда, которые также применяются к самозанятым работникам.

В последние годы распространяется идея о том, что трудовое законодательство необходимо применять к некоторым категориям самозанятых работников в процессе коллективных переговоров или в отношении результатов данных переговоров. Это является следствием того, что за последние двадцать лет доля самозанятых на рынке труда ЕС значительно возросла.

Европейский комитет по социальным правам в своем решении по делу № 123/2016 «Ирландский конгресс профсоюзов против Ирландии» указал, что сфера трудовых отношений активно и основательно изменяется из-за распространения гражданско-правовых договоров, которые зачастую заключаются с явной целью избежать заключения трудовых договоров, чтобы переложить экономические риски с работодателя на работника. Это приводит к увеличению числа работников, не подпадающих под определение наемного работника. Эти изменения должны быть приняты во внимание при определении сферы применения норм о конкуренции в отношении самозанятых работников. Это лишь один из примеров, когда на международном уровне подчеркивается то, что в отношении самозанятых должно исключаться применение законодательства о конкуренции.

Законодательство о конкуренции основывается на делении всех субъектов экономической деятельности на «работников» и «предприятия». Если лицо не является экономически зависимым работником, то лицо обязательно будет предприятием. Разрешение предприятиям объединяться друг с другом и устанавливать свои цены справедливо рассматривается как противоречащее фундаментальным принципам законодательства о конкуренции, нарушающее добросовестную конкуренцию, и наносящее ущерб бизнесу и потребителям. Это еще раз говорит о важности определения случаев, когда самозанятых необходимо рассматривать не как «предприятия», а как «работников».

Можно выделить несколько подходов относительно взаимодействия между законодательством о конкуренции и трудовым законодательством.

Известные британские юристы Дагмар Шик и Андреа Гидеон утверждают, что в ряде секторов рынка труда «международные компании стремятся переложить коммерческий риск на экономически зависимых самозанятых лиц», и «при подлинно экономическом подходе к понятию наемного работника признавалось бы, что это перекладывание риска является выражением экономической зависимости со стороны работника или субъекта малого предпринимательства», что непосредственно бы влияло на определение лица как наемного работника [4, с. 13-14]. Иными словами, в случае, если организация-работодатель умышленно заключает гражданско-правовой договор с работником, несмотря на то, что характер деятельности работника предусматривает заключение трудового договора, необходимо обеспечить распространение на такого работника трудового законодательства и не рассматривать такого «вынужденно самозанятого» работника в качестве «предприятия» для применения в отношении него законодательства о конкуренции.

Иной подход подразумевает разработку критериев определения лица как «ложно самозанятого», то есть на самом деле находящегося в положении наемного работника, однако трудящегося на основе гражданско-правового договора, а не трудового.

Например, в Ирландском законе о конкуренции «ложный самозанятый работник»⁴ определяется как физическое лицо, которое:

выполняет для нанимателя в соответствии с договором ту же деятельность или услугу, что и другие работники нанимателя;

находится в отношении подчинения по отношению к нанимателю в течение срока действия договорных отношений;

обязан следовать инструкциям нанимателя относительно времени, места и содержания работы;

не разделяет коммерческий риск нанимателя;

не обладает независимостью в отношении определения графика, места и способа выполнения возложенных на него задач.

Тогда как самозанятый работник определяется как физическое лицо:

которое оказывает услуги другому лицу (независимо от того, является ли лицо, для которого выполняется услуга, также работодателем других работников) в соответствии с договором;

чей основной доход в связи с оказанием таких услуг по договору получен не более чем от 2 человек.

По мнению Европейского Комитета по социальным правам, возможность заключать коллективные договоры и вести коллективные переговоры в сфере труда оправданы сравнительно слабой переговорной позицией отдельного работника при определении сроков и условий их трудового договора. В ситуации, когда самозанятые не имеют существенного влияния на определение содержания договорных условий, им должна быть предоставлена возможность вести коллективные переговоры.

Одним из вариантов решения данной проблемы может быть расширение понятия «наемный работник» для всех областей законодательства ЕС. По сути, для определения того, что лицо является наемным работником, требуется, чтобы работа выполнялась под руководством другого (критерий подчиненности), была оплачиваемой (критерий оплаты) и приравнивалась к подлинной экономической деятельности (критерий подлинной экономической активности).

Ряд правоведов ЕС предлагают следующее определение: «Наемный работник – это лицо, которое нанимается другим для выполнения в течение определенного периода времени в основном личной работы или предоставления услуг, в обмен на которые он получает вознаграждение. Такая работа или услуги могут выполняться под прямым или косвенным контролем работодателя или включать обязанность подчиняться прямым или косвенным указаниям работодателя» [5, с. 321].

Стоит добавить, что в ряде дел Суд ЕС отметил, что не каждое соглашение между предприятиями или соглашением ассоциации предприятий, которое ограничивает свободу действий сторон или одного из них, обязательно подпадает под ограничения законодательства о конкуренции. Для целей применения этого положения к конкретному случаю, прежде всего, необходимо учитывать общие обстоятельства дела, при которых было заключено такое соглашение или то, при каких обстоятельствах проявились последствия такого соглашения. Затем следует рассмотреть вопрос о том, способствуют ли достижению этих целей косвенные последствия, ограничивающие конкуренцию.

4 Закон Ирландии о конкуренции от 10.04.2002 // WIPO Lex. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/8073> (дата обращения: 14.10.2023).

Уже на основе результатов анализа того, ограничивают ли конкуренцию на конкретном сегменте рынка коллективные переговоры самозанятых работников в конкретной сфере, которые по своей юридической конструкции, исходя из понимания самозанятых работников как «предприятия», схожи с юридической конструкцией сговора компаний на рынке, необходимо делать вывод о допустимости ограничения действия законодательства о конкуренции в данном случае, так как главной целью такого ограничения конкуренции в результате коллективных переговоров будет обеспечение надлежащей защиты прав самозанятых работников.

Таким образом, постепенно на практике складывается подход, согласно которому недопустимо распространять на самозанятых работников законодательство о конкуренции без предварительного анализа того, не являются ли такие самозанятые работники по своей сути работниками, экономически зависящими от нанимателя, то есть не находятся ли они в положении, равном положению наемных работников. Данный подход помогает обеспечить предоставление самозанятым необходимого объема трудовых прав.

В заключение стоит отметить, что анализ существующего состояния трудового права ЕС и судебной практики касательно положения самозанятых работников показывает, что постепенно государства-члены ЕС подходят к тому, чтобы ограничивать распространение действия законодательства о конкуренции на самозанятых. Данная тенденция получает распространение ввиду того, что положение самозанятых почти тождественно положению наемных работников, что требует обеспечения самозанятых работников тем же объемом трудовых прав и социальных гарантий, который имеют наемные работники, чтобы предотвратить дискриминацию самозанятых.

Несмотря на то, что чисто юридическая конструкция коллективных переговоров и коллективных договоров самозанятых схожа с монополистическим сговором экономических субъектов, на наш взгляд, самозанятых не стоит рассматривать как «предприятия», равно как и объединения самозанятых не стоит рассматривать как «объединения предприятий», поскольку объем прав работника не должен зависеть от основания возникновения правоотношений (трудовой или гражданско-правовой договор). Объем прав работника и гарантий, предоставляемых работнику, должен зависеть непосредственно от характера его деятельности.

Таким образом, особенность взаимодействия законодательства о конкуренции и трудового законодательства заключается в ЕС в том, что на данном этапе не выработано единого подхода в вопросе о том, в каких случаях к самозанятым должно применяться законодательство о конкуренции, а в каких случаях трудовое законодательство.

4 (25) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

Библиографический список:

1. Европейское право: учебник и практикум для вузов / под редакцией А. И. Абдуллина, Ю. С. Безбородова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. 282 с.
2. *Countouris Cf. N., Stefano V. De.* New Trade Union Strategies for New Forms of Employment // ETUC. 2019. 67 p.
3. *Countouris N., Freedland M.* The Personal Scope of EU Sex Equality Directives // European Network of Legal Experts in the Field of Gender Equality. 2013. 267 p.
4. *Schiek D., Gideon A.* Outsmarting the gig-economy through collective bargaining - EU competition law as a barrier? // CETLS Working Paper Series. 2018. 19 p.
5. *Lianos I., Countouris N., Stefano V. De.* Rethinking the Competition Law/ Labour Law. Interaction Promoting a Fairer Labour Market // European Labour Law Journal. 2019. № 3. pp. 291-334.

References:

1. *Abdullin A. I., Bezborodov Yu. S.* (ed.). (2023). European Law: Textbook and workshop for universities. Moscow: Yurayt Publishing House. p. 282
2. *Countouris Cf. N., Stefano V. De.* (2019). New Trade Union Strategies for New Forms of Employment. ETUC. p. 67
3. *Countouris N., Freedland M.* (2013). The Personal Scope of EU Sex Equality Directives. European Network of Legal Experts in the Field of Gender Equality. p. 267
4. *Schiek D., Gideon A.* (2018). Outsmarting the gig-economy through collective bargaining - EU competition law as a barrier? CETLS Working Paper Series. p. 19
5. *Lianos I., Countouris N., Stefano V. De.* (2019). Rethinking the Competition Law/ Labour Law. Interaction Promoting a Fairer Labour Market. European Labour Law Journal. 3. pp. 291-334

4 (25) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 342.725
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_11

Калинина Екатерина Геннадьевна

catherinekalinina@gmail.com
Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Языки народов Российской Федерации: трансформация законодательства и влияние международного права

Калинина Е.Г. / Языки народов Российской Федерации: трансформация законодательства и влияние международного права // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 4. С. 11–17. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_11

Аннотация:

В 2020 году в Конституцию РФ добавлены взаимосвязанные положения о культуре и сохранении языкового многообразия, поскольку язык – это культурная ценность. Текущий период с 2022 по 2032 год Генеральная Ассамблея ООН провозгласила Международным десятилетием языков коренных народов мира. Сегодня признание важности языка как объекта нематериального культурного наследия происходит синхронно на международном и национальном уровнях. Сфера национального регулирования языков народов продолжает оставаться восприимчивой к тем механизмам поддержки, которые вырабатывает международное сообщество. Учитывая предложенные механизмы, Россия также разрабатывает возможные направления для реализации стратегии по сохранению самобытности российской нации и используемых на территории языков народов РФ. В статье рассматриваются международно-правовые договоры, которые возлагают на Россию обязательства по развитию законодательства в части обеспечения возможности пользоваться культурой и родным языком, а также иные международные документы, влияющие на национальную политику государства в части поддержания языкового многообразия, в том числе замечания и рекомендации универсальных и региональных международных органов. Кроме того, на фоне истории становления национальных правовых актов по исследуемой теме анализируется текущее состояние законодательства и векторы его развития. Автором предложены направления для реформирования отдельных норм с целью активизации правовых ресурсов для сохранения языков народов РФ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева в рамках реализации проекта научной группы № 0202/23 «Трансформация конституционно-правовых институтов в условиях развития цифровых технологий и вызовов глобализации».

Ключевые слова:

языки народов, языковое многообразие, культура, средства массовой информации, национальные меньшинства.

УДК 342.725
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_11

Ekaterina G. Kalinina

catherinekalinina@gmail.com
Candidate of Juridical Sciences, Assistant professor of Constitutional Law department Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Native Languages of the Peoples of the Russian Federation: Transformation of Legislation and the Influence Of International Law

Ekaterina G. Kalinina / Native languages of the peoples of the Russian Federation: transformation of legislation and the influence of international law // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 4. P. 11–17. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_11

Abstract:

In 2020 during the constitutional reform the interrelated provisions on culture and the preservation of linguistic diversity were added to the Constitution of the Russian Federation, since language is a cultural value. At the same time the period from 2022 to 2032 has been declared by the UN General Assembly as the International Decade for the Languages of the Peoples of the World. Nowadays, the importance of language as an object of intangible cultural heritage recognizes simultaneously at the international and national levels. The sphere of national regulation of people's languages continues to remain receptive to the support mechanisms developed by the international community. Taking into account the proposed mechanisms, Russia is also developing possible directions for implementing a strategy to preserve the identity of the Russian nation as well as the languages of the peoples of the Russian Federation used on the territory. The article enumerates international legal treaties and discloses its provisions that impose obligations on Russia to develop legislation in terms of ensuring the opportunity to support culture and native languages. Besides, the article describes other international documents which have influence on the national policy in terms of maintaining linguistic diversity, including comments and recommendations of universal and regional international bodies. In addition, with respect to the support of native languages the history of the national legal acts' formation, the current legislation as well as the vectors of its development are presented. The author proposes reforms' directions in order to activate legal resources for the preservation of the languages of the peoples of the Russian Federation.

The research was carried out with the financial support of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev as a part of the implementation of the scientific group project No. 0202/23 "Transformation of constitutional and legal institutions in the context of the development of digital technologies and the challenges of globalization."

Keywords:

peoples' languages, linguistic diversity, culture, media, national minorities.

В 2020 году в ходе конституционной реформы текст основного документа страны был дополнен положениями о культуре, уникальном наследии многонационального народа. На высшем уровне государство закрепило конституционную обязанность защитить культурную самобытность, сохраняя, в том числе языковое многообразие¹. Сегодня население в России говорит на 277 языках и диалектах, а в системе образования используется 105 языков², что только подчеркивает актуальность введенных конституционных гарантий. В социолингвистических обзорах можно найти иные разнообразные данные в отношении количества и сфер использования языков народов РФ [1, с. 65-69].

Несмотря на то, что в части 2 статьи 26, части 3 статьи 68 Конституции РФ уже содержались гарантии сохранения и возможности пользоваться родным языком, государство сделало следующий ответственный шаг с целью развития законодательства по защите языков народов РФ.

Начиная с 1990 года, в России было сформировано последовательное нормативное правовое регулирование вопроса использования языков народов РФ.

В 1990 году был принят Закон СССР от 24 апреля 1990 года «О языках народов СССР»³, который закрепил обязанность государства на всех территориальных уровнях принимать программы развития языков народов, обеспечивающие развитие телевидения и радиовещания, издание газет и журналов на языках народов. В 1991 году на общероссийском уровне нормативного правового регулирования высшие органы государственной власти РСФСР продолжили политику союзного регулирования и приняли Декларацию Верховного Совета РСФСР №1808/1-1 от 25 октября 1991 года «О языках народов России»⁴. Одновременно с Декларацией принимается Закон РФ от 25.10.1991 №1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (далее – Закон РФ «О языках народов Российской Федерации»)⁵ [2, с. 16-17], после которого аналогичные законы стали появляться на региональном уровне⁶.

К этому же периоду можно отнести принятие Закона РФ № 2124-1 от 27 декабря 1991 года «О средствах массовой информации»⁷, который устанавливает возможность выпуска средств массовой информации на различных языках, а не только на государственном языке РФ.

До конституционной реформы 2020 года изменения в Закон РФ «О языках

1 Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами о поправках к Конституции от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ): Конституция Рос. Федерации от 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: Указ Президента Рос. Федерации от 19.12.2012 № 1666 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 52. Ст. 7477.

3 Закон СССР от 24 апреля 1990 года «О языках народов СССР» // Российская газета. 1992. №32.

4 Декларация Верховного Совета РСФСР № 1808/1-1 от 25 октября 1991 года «О языках народов России» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1742.

5 «О языках народов Российской Федерации»: закон Рос. Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740.

6 Закон Республики Коми от 28 мая 1992 года «О государственных языках Республики Коми», Закон Республики Бурятия № 221-ХІІ от 10 июня 1992 года «О языках народов Республики Бурятия», Закон Республики Татарстан № 1560-ХІІ от 8 июля 1992 года «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», Закон Республики Саха (Якутия) № 1170-ХІІ от 16 октября 1992 года «О языках в Республике Саха (Якутия)», Закон Республики Хакасия № 11 от 20 октября 1992 года «О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республика Хакасия» и другие // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 27.11.2023).

7 «О средствах массовой информации»: закон Рос. Федерации № 2124-1 от 27 декабря 1991 года // Российская газета. 1992. № 32.

народов Российской Федерации» вносились всего 4 раза, при этом принимались иные акты, точно обеспечивающие регламентационную поддержку [3, с. 118-121].

При этом после принятия базовых нормативных правовых актов в дальнейшем весь механизм и набор инструментов государственной поддержки этнокультурной направленности и языков народов России стал носить обобщенный характер: использовалась общая модель правовой регламентации и, как следствие, универсальные инструменты поддержки. Последнее не помогло избежать проблем нечеткости и противоречивости при определении сферы применения государственного языка и языков народов РФ [4, с. 44-48], равно как решить вопросы об обязательности или факультативности публикации в регионах актов на языках народов РФ [5].

Вместе с тем Россия является государством-участником многих международных договоров, касающихся обеспечения лингвистических прав народов, проживающих на территории. К числу таких международных договоров, участником которых выступает Россия, относятся: Устав ООН 1945 года, Конвенция ООН о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 года, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, а также Конвенция о правах ребенка 1989 года.

Устав ООН (ратифицирован советской стороной в 1945 году) вводит общие положения о запрете языковой дискриминации⁸.

Конвенция ООН о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 года (вступила в силу для СССР в 1962 году), Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года (ратифицирована СССР в 1969 году) раскрывают понятие «дискриминация» с указанием на недопустимость умаления прав по признаку языка. Конвенция ООН о борьбе с дискриминацией в области образования фиксирует право национальных меньшинств осуществлять просвещение на собственном языке одновременно с участием в деятельности общества на общераспространенном языке (пп. «с» п.1 статьи 5)⁹. Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации формирует обязанность государства принимать меры в областях культуры и информации с целью гармонизации отношений между нациями или этническими группами. Меры должны быть немедленными и эффективными (статья 7)¹⁰.

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года (вступил в силу для СССР с 1976 года) народам гарантируется свобода в культурном развитии. Государство должно реализовать меры, необходимые для охраны, развития и распространения культуры (статья 1, 15)¹¹.

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года (всту-

8 Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. XII. 1956. С. 14 – 47.

9 Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (принята 14 декабря 1960 года) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. 44. Ст. 452.

10 Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (заключена 21.12.1965) // Ведомости ВС СССР. 1969. № 25. Ст. 219.

11 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831).

пил в силу для СССР также в 1976 года) закрепляет свободу культурного развития, указывая в статье 27 на право меньшинств пользоваться культурой и родным языком¹².

Конвенция о правах ребенка 1989 года (вступила в силу для СССР 1990 году) требует обеспечивать языковые потребности детей, относящихся к коренному населению или меньшинствам (подпункт «d» статьи 17). Кроме того, в Конвенции отражены классические положения о запрете языковой, национальной дискриминации в отношении детей (статья 2), об обеспечении образования, формирующего уважение к культурной самобытности и языку ребенка (статья 29). Государство обязуется обеспечить ребенка из числа народов страны правом пользоваться культурой и родным языком совместно с другими членами своей группы (статья 30)¹³.

К международным актам РФ регионального характера, возлагающих или формирующих обязанности по поддержке средств массовой информации с целью обеспечения лингвистических прав, относятся Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам 1994 года, Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 года, Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств 1995 года.

Нельзя обойти стороной еще два документа, заключенных в рамках СНГ. Это Модельный закон «Об охране нематериального культурного наследия» 2013 года и Модельный кодекс «О культуре для государств - участников СНГ» 2018 года.

В отличие от ранее названных международных договоров, Модельный закон «Об охране нематериального культурного наследия» 2013 года не возлагает на страны-участницы обязательств, он носит рекомендательный характер. Тем не менее, такие акты регионального характера принимаются к учету для координации внутренней и внешней политики.

Ценность документа заключается в предложенном определении «нематериального культурного наследия». Язык этнической группы рассматривается как объект наследия. При этом речь идет не только о языке в устном общении, но и языке, «зафиксированном на разных видах материальных носителей и хранящемся ... в архивах». Этот перечень видов материальных носителей и мест хранения не является закрытым, в том числе хранение допускается «в иных организациях». Государство – участник формирует гарантии для сохранности языка как объекта нематериального культурного наследия всех проживающих на его территории народов и иных этнических общностей, обеспечивая государственную охрану объектов нематериального культурного наследия. Государственная охрана представляет собой систему «правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных принимаемых органами государственной власти разного уровня в пределах их компетенции мер, направленных на выявление, учет, изучение языка, предотвращение его исчезновения или причинения языку вреда, контроль за сохранением языка»¹⁴.

12 Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17(291).

13 Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. XLVI. 1993.

14 Модельный закон об охране нематериального культурного наследия (принят в Санкт-Петербурге 29.11.2013 Постановлением 39-17) // URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/535.pdf?ysclid=lp2h6qohq32686014> (дата обращения: 14.11.2023).

Модельный кодекс «О культуре для государств - участников СНГ» 2018 года - уникальный по объему проведенной унификации положений международный акт в культурной сфере. Помимо колоссальной работы над глоссарием, в котором присутствуют термины «миноритарные языки», «языки меньшинств», «региональные языки», «национальные языки», в Модельном кодексе определены элементы социально-культурной деятельности государств. В Модельном кодексе предусмотрены такие специфические механизмы поддержки как подготовка и переподготовка преподавателей языков, издание учебной и учебно-методической литературы, осуществление педагогической и научно-исследовательской работы по изучению и развитию языков национальных, региональных, миноритарных языков (языков меньшинств), разработка программ языковой поддержки и языкового обучения трудовых мигрантов в государствах - участниках СНГ (статьи 253, 257)¹⁵.

Все эти международно-правовые обязанности и векторы направления повлияли на акценты, расставленные в ходе российской конституционной реформы. Немалую роль сыграли и комментарии международных органов.

В частности, В 2015 году в Заключительных замечаниях по периодическому докладу РФ Комитет ООН по правам человека выявил проблему «употребления дискриминационных выражений в отношении национальных, этнических, религиозных или других меньшинств» по отношению к лицам неславянского происхождения, включая трудящихся -мигрантов из Средней Азии, Кавказа и Африки, а также лиц народности рома, проживающих на территории России. Комитетом рекомендовано принять меры по проведению информационно-пропагандистских кампаний, усиливая борьбу с такими проявлениями в России (пункт 8)¹⁶. В 2015 и 2022 году Комитет ООН по правам человека просил проконтролировать запрет дискриминации крымских татар и украинцев в получении образования на их языке и участия в политической жизни¹⁷.

Консультативный комитет, контролирующей соблюдение Россией Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств 1995 года, еще в 2003 году сформулировал позицию о необходимости реформирования законодательства «О языках народов Российской Федерации». В 2006 году Консультативный комитет указал, что нормы федерального законодательства упускают вопросы регулирования доступа национальных меньшинств к электронным средствам массовой информации. В законодательстве отдельных регионов России были выявлены ограничения на выпуск средств массовой информации на языках народов.

В адрес РФ Консультативный комитет сформулировал следующие необходимые меры поддержки:

- облегчить доступ меньшинств к существующему государственному финансированию (2011 год);

- реализовать поддержку обучения журналистов и специалистов средств массовой информации, работающих на языках меньшинств или по вопросам, свя-

15 Модельный кодекс «О культуре для государств - участников СНГ», принят на сорок седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ Постановлением от 13 апреля 2018 года №47-5 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=116820 (дата обращения: 14.11.2023).

16 Заключительные замечания по седьмому периодическому докладу Российской Федерации // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fRUS%2fCO%2f7&Lang=en (дата обращения: 14.11.2023).

17 Заключительные замечания по восьмому периодическому докладу Российской Федерации // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fRUS%2fCO%2f8&Lang=ru (дата обращения: 14.11.2023).

занным с меньшинствами (2011 год)¹⁸;

- обеспечить этнически ориентированные средства массовой информации возможностью внешнего финансирования, если такое будет им необходимо; законодательство об иностранных агентах не должно ограничивать такое финансирование (2018 год)¹⁹;

Последние 5 лет международное сообщество привлекает внимание к проблеме утраты языков народа мира, анонсируя знаковые мероприятия.

Так, Резолюцией Генеральной Ассамблеи 2019 год провозглашен международным годом языков коренных народов с целью привлечения внимания к болезненной проблеме исчезновения языков и поощрения сохранения и использования языков в культуре народов²⁰. Период с 2022 по 2032 гг. объявлен Международным десятилетием языков коренных народов мира²¹.

В целях проведения провозглашенного десятилетия языков коренных народов в России был создан Национальный организационный комитет и утвержден План основных мероприятий по проведению в 2022-2032 годах²².

За 2022-2023 год проведены такие мероприятия как Всероссийский этнодиктант на языках коренных малочисленных народов, международные семинары, состоялось заседание Межведомственной рабочей группы по подготовке материалов во Всемирный атлас языков.

Действующие меры по защите языков народов РФ закреплены в нормативных правовых актах преимущественно в общем виде: политические (выработка научно обоснованной политики), экономические (бюджетное и иное финансовое обеспечение) и юридические (установление ответственности)²³. В связи с тем, что языки народов РФ действительно являются частью культуры, государство прорабатывает стратегию дальнейших преобразований для обеспечения языкового многообразия.

Специальные меры поддержки постепенно начинают появляться в законодательстве. Так, в 2021 году Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» обязал Правительство РФ утвердить нормы и правила орфографии и пунктуации языков коренных малочисленных народов РФ. Такие правила утверждены, образована Межведомственная комиссия по языкам коренных малочисленных народов РФ²⁴.

В 2023 году сенаторы и депутаты получили право выступать на заседаниях соответствующих палат Федерального Собрания на государственных языках

18 Third Opinion on the Russian Federation. ACFC/OP/III(2011)010. 2011. Пункт 160 // URL: http://hudoc.fcnm.coe.int/eng?i=3rd_OP_RussianFederation_en-10 (дата обращения: 14.11.2023).

19 Fourth Opinion on the Russian Federation. ACFC/OP/IV(2018)001. 2018. Пункт 96 // URL: http://hudoc.fcnm.coe.int/eng?i=4th_OP_RussianFederation_en-9 (дата обращения: 14.11.2023).

20 Права коренных народов (Резолюция A/RES/71/178 от 31.01.2017) // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/178> (дата обращения: 14.11.2023).

21 Resolution adopted by the General Assembly on 18 December 2019, A/RES/74/135 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/426/26/PDF/N1942626.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.11.2023).

22 ФАДН России // URL: <https://fadn.gov.ru/press-centr/news/aktualizirovan-sostav-nacziionalnogo-organizacziionnogo-komiteta-po-podgotovke-i-provedeniyu-v-2022-%E2%80%932032-godax-v-rossijskoj-federaczii-mezhdunarodnogo-desyatiletiya-yazyikov-korenniyx-narodov> (дата обращения: 24.11.2023).

23 «О языках народов Российской Федерации»: закон Рос. Федерации от 25.10.1991 N 1807-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740.

24 «О Межведомственной комиссии по языкам коренных малочисленных народов Российской Федерации»: приказ Минпросвещения России от 09.12.2021 N 909 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 20.01.2022.

республик или иных языках народов РФ при обеспечении перевода выступления на государственный язык в соответствии с регламентами. Опыт реализации нормы пока не представлен в информационном или правовом пространстве.

Таким образом, сфера национального регулирования языков народов восприимчива к механизмам поддержки, которые вырабатывает международное сообщество, но нуждается в совершенствовании.

С учетом всего вышесказанного, для гармонизации международно-правовых и национальных механизмов поддержки языков народов России и совершенствования правового регулирования, могут быть выдвинуты следующие предложения:

- внести изменения в Закон РФ «О языках народов Российской Федерации», с целью обеспечить доступ к сетевым изданиям на языках народов России;

- посредством подзаконных нормативных актов реализовать международно-правовую установку - поддержку в обучении журналистов и специалистов средств массовой информации, работающих на языках меньшинств;

- посредством подзаконных нормативных актов организовать возможность подготовки и переподготовки преподавателей для обучения поколений на языках народов РФ или обучению таким языкам;

- организовать просветительскую работу со всеми средствами массовой информации этнокультурной направленности на родных языках народов России, включая русский язык, для борьбы с национальной или этнической нетерпимостью в средствах массовой информации.

Предложенные механизмы должны способствовать развитию языкового многообразия и сбережению языков народов как культурной ценности России.

Библиографический список:

1. Кондрашкина Е.А. Проблемы витальности языков народов Российской Федерации в прошлом и настоящем // Научный диалог. 2020. № 5. С. 63-77.
2. Коротич С.А., Мандрикова Г.М. Правовой и функциональный статус языков Российской Федерации // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3(10). С. 13-29.
3. Одинг Н.Ю., Юшков А.О., Савулькин Л.И. Использование национальных языков как государственных в республиках РФ: правовые и экономические аспекты // Terra Economicus. 2019. 17(1). С. 112-130.
4. Белов С.А., Кропачев Н.М., Соловьев А.А. Разработка концепции и нормативно-правовое обеспечение государственной языковой политики Российской Федерации // Вестник СПбГУ. Право. 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 42-61.
5. Васильева Л.Н. Комментарий к Закону Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2007, 88 с.

References:

1. Kondrashkina E.A. (2020). Problems of the languages vitality of the peoples of Russian Federation in past and present. Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue). 5. pp. 63-77
2. Korotich S.A., Mandricova G.M. (2017). Legal and functional status of languages of the Russian Federation. Ecology of language and communicative practice. № 3(10). pp. 13-29
3. Oding N.Y., Yushkov A.O., Savulkin L.I. (2019). The use of the local languages as the official ones in the republics of the Russian Federation: legal and economic aspects. Terra Economicus. 17(1). pp. 112-130
4. Belov S.A., Kropachev N.M., Soloviev A.A. (2017). Working out a concept and the normative legal provision of the state language policy in the Russian Federation. Vestnik SPbSU. Law. vol. 8, issue 1, pp. 42-61
5. Vasilieva L.N (2017). Commentary on the Law of the Russian Federation "On the languages of the peoples of the Russian Federation" (article-by-article). Yusticinform. 88 p

4 (25) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 343.121.5
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_18

Аширбакиев Ринат Маратович

rashirbakiev02@mail.ru
Студент Института прокуратуры Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Зайцева Ирина Ивановна

Доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук

К вопросу об обязательности участия психолога и педагога в качестве судебных экспертов по уголовным делам с участием несовершеннолетних

Аширбакиев Р.М. / К вопросу об обязательности участия психолога и педагога в качестве судебных экспертов по уголовным делам с участием несовершеннолетних // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 4. С. 18–22. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_18

Аннотация:

В настоящей работе подвергается исследованию правовое регулирование участия психолога и педагога в качестве судебных экспертов по уголовным делам с участием несовершеннолетних. Автор приходит к выводу, что в отсутствие прямого указания действующий УПК РФ содержит множество положений, свидетельствующих об обязательности проведения психологических и педагогических судебных экспертиз, как следствие – об обязательности участия психологов и педагогов в качестве экспертов в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних. Предложенные в работе выводы основываются на комплексном и системном толковании ст. 75, 196, 421, 426 УПК РФ, а также разъяснений Верховного Суда РФ. В настоящей работе автором был избран подход по обоснованию выдвигаемых тезисов, который выразился в системном характере приводимых доказательств. Автор отмечает, что в большинстве случаев проведение психолого-психиатрической экспертизы является обязательным, поскольку от её результатов часто зависит наличие самого состава преступления. Так или иначе, практически во всех видах подобных исследований может разрешаться вопрос об уголовной наказуемости деяния несовершеннолетнего, например, в случае обнаружения задержки в психическом развитии. От проведения психиатрической и психологической экспертиз также зависит обоснованность и законность проведения многих следственных действий с участием несовершеннолетних. В ст. 196 УПК РФ установлен ряд условий, при наступлении которых назначение и проведение судебной экспертизы является обязательным. Законодатель к таким условиям относит, в частности, необходимость установления психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, «когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве».

УДК 343.121.5
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_18

Rinat M. Ashirbakiev

rashirbakiev02@mail.ru
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev Institute of Prosecutor's Office, Student

Academic Supervisor:

Irina I. Zaitseva

Associate professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Candidate of Juridical Sciences

On the Issue of the Mandatory Participation of a Psychologist and a Teacher as Forensic Experts in Criminal Cases Involving Minors

Rinat M. Ashirbakiev / On the issue of the mandatory participation of a psychologist and a teacher as forensic experts in criminal cases involving minors // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 4. P. 18–22. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_18

Abstract:

In this paper, the legal regulation of the participation of a psychologist and a teacher as forensic experts in criminal cases involving minors is being investigated. The author comes to the conclusion that in the absence of a direct indication, the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation contains many provisions indicating the obligation to conduct psychological and pedagogical forensic examinations, as a consequence – the obligation to participate psychologists and teachers as experts in criminal proceedings involving minors. The proposed conclusions are based on a comprehensive and systematic interpretation of Articles 75, 196, 421, 426 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as explanations of the Supreme Court of the Russian Federation. In this paper, the author has chosen an approach to substantiate the theses put forward, which was expressed in the systematic nature of the evidence presented. The author notes that in most cases, conducting a psychological and psychiatric examination is mandatory, since the existence of the corpus delicti itself often depends on its results. One way or another, in almost all types of such studies, the question of the criminal punishability of the act of a minor can be resolved (for example, in the case of a delay in mental development). The validity and legality of many investigative actions involving minors also depends on the conduct of psychiatric and psychological examinations. Article 196 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation establishes a number of conditions, upon the occurrence of which the appointment and conduct of a forensic examination is mandatory. The legislator refers to such conditions, in particular, the need to establish the mental or physical condition of the suspect, the accused, «when there is doubt about his sanity or ability to independently defend his rights and legitimate interests in criminal proceedings.»

Ключевые слова:

уголовно-процессуальное право, уголовное судопроизводство, несовершеннолетние, психолог, педагог, психологическая судебная экспертиза, педагогическая судебная экспертиза.

Keywords:

criminal procedure law, criminal proceedings, minors, psychologist, teacher, psychological forensic examination, pedagogical forensic examination.

Одной из распространённых форм участия психолога и педагога в уголовном процессе является их привлечение в качестве судебных экспертов по уголовным делам с участием несовершеннолетних. В данной роли специальные знания указанных субъектов применяются для осуществления психологических и педагогических судебных экспертиз. Подобные экспертизы представляют собой исследования общих и специфических (т.е. проявляющихся в совершении конкретного преступления) психологических характеристик несовершеннолетнего.

Вопросы проведения психологических и педагогических экспертиз по уголовным делам с участием несовершеннолетних основываются на общих положениях главы 27 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). В настоящей работе выдвигается и обосновывается тезис о том, что по уголовным делам с участием несовершеннолетних обозначенные виды экспертиз должны проводиться в обязательном порядке, несмотря на отсутствие на это прямого указания закона. Данный вывод основывается на системном анализе положений УПК РФ.

В науке приводятся различные классификации судебных экспертиз, проводимых педагогами и психологами. Прикладную и важную для практики классификацию приводят Д.А. Сорокотягина и И.Н. Сорокотягин, которые предлагают выделять виды судебных экспертиз в зависимости от характера содержащихся в них выводов [1, с. 159-164]. Подобная классификация позволяет наиболее объёмно представить весь перечень вопросов, которые разрешает педагог или психолог, а значит – оценить сущностное значение их привлечения в уголовное судопроизводство.

В соответствии с позицией обозначенных авторов судебно-психологические экспертизы подразделяются на исследование отставания в психическом развитии несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в целях установления способности осознавать характер совершаемых действий, их общественную опасность, а также возможность управления ими; исследование влияния индивидуально-психологических качеств личности несовершеннолетнего на его поведение во время совершения противоправных действий; исследование способности несовершеннолетних свидетелей и потерпевших давать правильные показания и объективно воспринимать обстоятельства уголовного дела; исследование способности несовершеннолетних потерпевших по уголовным делам против половой неприкосновенности понимать характер совершаемых над ними действий и возможности оказывать сопротивление; исследование мотивации криминального поведения несовершеннолетних; исследование аффективного поведения несовершеннолетнего; посмертная психологическая судебная экспертиза несовершеннолетних; исследование социально-психологической структуры группы с несовершеннолетними участниками.

Таким образом, предложенная классификация даёт наиболее полное представление о вопросах, которые разрешаются психологом или педагогом и которые может поставить перед ними лицо, ведущее расследование, или суд.

Анализ вопросов, выносимых на психологическую или педагогическую экспертизу, позволяет сделать вывод о том, что такое исследование должно проводиться на самых ранних этапах уголовного следствия, поскольку от её результатов часто зависит наличие самого состава преступления. Так или иначе, практически во всех видах экспертиз может разрешаться вопрос об уголовной наказуемости

деяния несовершеннолетнего, например, задержки в психическом развитии. По этому поводу И.Н. Сорочотягин отмечал, что без глубокого анализа уголовно-правовых понятий (терминов), имеющих психологическое содержание, невозможно разрешать вопросы об основаниях уголовной ответственности [2, с. 83-84].

Приведённые выше положения подтверждаются судебной практикой. В апелляционном постановлении Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 12 декабря 2018 г. отмечалось, что в результате проведённой в ходе следствия комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы у обвиняемого С. было выявлено отставание в психическом развитии, которое не связано с психическим расстройством. В связи с этим С. не мог в полной мере осознавать характер и общественную опасность совершаемых им действий, не имел возможности, в силу отставания в психологическом развитии, в полной мере регулировать своё поведение самостоятельно. Таким образом, результаты психолого-психиатрической судебной экспертизы послужили основанием для прекращения уголовного преследования несовершеннолетнего обвиняемого в силу ч. 3 ст. 20 УК РФ¹.

Кроме того, от результатов экспертизы зависит возможность осуществления ряда следственных действий (в частности, допроса несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего), а также приобщения собранных материалов в качестве доказательств по делу. В силу прямого указания закона не отвечают требованию допустимости доказательств показания, основанные на догадке, предположении, слухе, а также в случае невозможности указать на источник осведомлённости (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Представляется, что без проведения соответствующей судебной экспертизы полученные показания несовершеннолетних потерпевших и свидетелей не могут в полной мере соответствовать п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, поскольку, в большинстве своём, несовершеннолетние в силу своего психофизического состояния имеют слабую способность к концентрации, богатое воображение, склонны к фантазированию, легко внушаемы и т.д.

Действующее процессуальное законодательство не устанавливает возрастных рамок для признания лица потерпевшим или свидетелем, поэтому выдвигаемый тезис подлежит масштабированию в зависимости от возраста несовершеннолетнего. По данной причине показания могут представлять собой сведения о несуществующих в реальности событиях и действиях, т.е. приравниваться к слуху, предположению или догадке. Принимая во внимание, что в данном случае нет оснований для построения каких-либо презумпций или императивных правил, стоит отметить, что цели проведения качественного, объективного и всестороннего следствия формируют особую важность привлечения педагогов и психологов в качестве эксперта [3, с. 53].

А.А. Давлетов обращает внимание на ст. 196 УПК РФ, устанавливающую ряд условий, при наступлении которых назначение и проведение судебной экспертизы является обязательным [4, с. 196]. Законодатель к таким условиям относит, в частности, необходимость установления психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, «когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве», а также «психического или физического состояния потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания».

При производстве по уголовному делу о преступлении, совершённом несовершеннолетним, законодатель в ст. 421 УПК РФ закрепил ряд дополнительных об-

1 Апелляционное постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 12.12.2018 № 22К-1880/2018 по делу № 22К-1880/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PRwwYGNar2r/>?ysclid=lpwqot7qqz909503026 (дата обращения: 08.12.2023).

стоятельств, подлежащих выяснению и доказыванию, расширив таким образом перечень общих положений, содержащихся в ст.73 УПК РФ. К таким дополнительным обстоятельствам относятся: возраст несовершеннолетнего, условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности, влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, а также при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливается, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 1 и 2 ст. 421 УПК РФ).

Вопрос о том, какие положения, относящиеся к личности несовершеннолетнего, подлежат дополнительному выяснению указывал и Верховный Суд РФ. В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» Суд указал, что «правовая защита [несовершеннолетних] предполагает необходимость выявления обстоятельств, связанных с условиями жизни и воспитания каждого несовершеннолетнего, состоянием его здоровья, другими фактическими данными, а также с причинами совершения уголовно наказуемых деяний».

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что привлечение психологов или педагогов в качестве экспертов при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетних является обязательным в подавляющем большинстве случаев. Подобное умозаключение следует из системного и телеологического толкования представленных норм УПК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ. Иное осмысление выявленных законоположений означало бы, что в действительности могут быть случаи, когда несовершеннолетний в силу своих психических и физических качеств может самостоятельно защищать свои права и законные интересы, способен правильно осознавать фактические обстоятельства дела и др., а также, что всё это должно быть представлено в реальной совокупности (что представляется маловероятным).

К тому же, как следует из ст. 421 УПК РФ, некоторые обстоятельства, связанные с личностью подростка, подлежат дополнительному выяснению в любом случае, т.е. при расследовании и рассмотрении каждого уголовного дела по преступлению, совершённого несовершеннолетним.

Можно утверждать, что представленная в законодательстве правовая конструкция, «кирпичиками» которой выступают ст. 196 и 421 УПК РФ, достаточно явно свидетельствует об обязательном привлечении психолога или педагога в качестве эксперта в уголовном судопроизводстве. В этой связи роль психолога или педагога в уголовном судопроизводстве при участии несовершеннолетних является одной из ключевых, поскольку без их участия попросту невозможно провести качественное, эффективное и результативное следствие, а также максимально учесть все индивидуальные особенности несовершеннолетнего [5, с. 232]. Выступая в качестве экспертов, педагог или психолог фактически обеспечивают обоснованное и справедливое расследование и дальнейшее судебное разбирательство вплоть до вынесения законного и обоснованного приговора.

В УПК РФ также содержатся косвенные признаки обязательности проведения судебно-психиатрической экспертизы при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего. Так, в ч. 3 ст. 426 УПК РФ следователь или дознаватель вправе не предоставлять для ознакомления несовершеннолетнему те материалы уголовного дела, которые «могут оказать на него отрицательное воздействие». Представляется, что данное законоположение является дополнитель-

ным свидетельством обязательности проведения экспертизы и по следующей причине.

Законодатель, предоставляя следователю и дознавателю подобную дискрецию (предоставлять или не предоставлять материалы несовершеннолетнему), явно стремился защитить уязвимую психику ребёнка от сведений, которые способны навредить его развитию и негативно сказаться на его воспитании. Вместе с тем данное законоположение представляет собой ограничение права несовершеннолетнего на самостоятельное ознакомление с материалами уголовного дела. Баланс между законными интересами ребёнка (права на ознакомление) и конституционной ценностью (защита детей от пагубной информации) будет соблюден лишь в том случае, когда в материалах уголовного дела будет содержаться информация, способная «оказать [на ребёнка] отрицательное воздействие». При этом было бы ошибочно утверждать, что следователь или дознаватель могут самостоятельно с достоверностью определить характер содержащихся в материалах уголовного дела сведений (из цепочки рассуждения, безусловно, исключаются очевидные случаи), поскольку они не обладают, по общему правилу, педагогическими или психологическими знаниями. Однако, такими знаниями обладает педагог или психолог. Поэтому для полноценной реализации ч. 3 ст. 426 УПК РФ представляется необходимым привлекать лиц со специальными знаниями. Представляется, что только в таком случае удастся соблюсти баланс интересов ребёнка и публичных интересов в его защите.

Таким образом, анализ УПК РФ позволяет сделать вывод об обязательности проведения психологической и педагогической экспертизы при производстве по уголовному делу с участием несовершеннолетних и, как следствие, обязательном участии психолога и (или) педагога. Сложившееся правовое регулирование имеет позитивное влияние на судопроизводство с участием несовершеннолетних, обеспечивает обоснованность и объективность предварительного расследования и судебного разбирательства, а также представляет собой одну из правовых гарантий соблюдения прав и законных интересов ребёнка в уголовном процессе.

Библиографический список:

1. *Сорокотягин И.Н.* Судебная экспертиза: Учебник и практикум / И.Н. Сорокотягин, Д.А. Сорокотягина. – 1-е изд.. – М.: Издательство Юрайт, 2015. 288 с.
2. *Сорокотягин И.Н.* Психологическое содержание уголовно-правовых понятий УК РФ / И.Н. Сорокотягин // Российский юридический журнал. 2004. № 1(41). С. 83-96.
3. *Гвоздева И.С.* Поводы назначения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых / И.С. Гвоздева // Альманах современной науки и образования. 2007. № 5. С. 53-55.
4. *Давлетов А.А.* Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Курс лекций. Издание 8-е. Типография: ООО «Издательство УМЦ УПИ». Екатеринбург, 2022. 348 с.
5. Тактика и технология психологического сопровождения несовершеннолетних в ситуации дознания, судебно-психологической экспертизы и в судебном заседании / Л.Ф. Чупров, А.А. Костригин, П.В. Сабанин, Т. М. Хусяинов // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 3. С. 227-239.

References:

1. *Sorokotyagin I.N.* (2015). Forensic examination : Textbook and workshop. Moscow: Yurayt Publishing House. p. 288
2. *Sorokotyagin I.N.* (2004). Psychological content of criminal-legal concepts of the Criminal Code of the Russian Federation. Russian Law Journal. 1(41). pp. 83-96
3. *Gvozdeva I.S.* (2007). Reasons for the appointment of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of juvenile defendants. Almanac of Modern Science and Education. 5. pp. 53-55
4. *Davletov A.A.* (2022). Criminal proceedings of the Russian Federation. A course of lectures. 8th edition. Printing house: LLC «Publishing House of UMC UPI». p. 348
5. *Chuprov L.F.* (2016). Tactics and technology of psychological support of minors in the situation of inquiry, forensic psychological examination and in court session. PEM: Psychology. Educology. Medicine. 3. pp. 227-239

4 (25) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 343.3/7
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_23

Машинская Анна Анатольевна

kostrikova.ann@yandex.ru
Студент Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии

Орищенко Анастасия Сергеевна

anastasiyaorishchenko@yandex.ru
Студент Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии

Научный руководитель:

Комягин Роман Александрович

Старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук

«Красота не требует жертв!»: проблемы квалификации преступных деяний в сфере косметологии и пластической хирургии

Машинская А. А., Орищенко А. С. / «Красота не требует жертв!»: проблемы квалификации преступных деяний в сфере косметологии и пластической хирургии // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 4. С. 23–30. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_23

Аннотация:

На сегодняшний день разнообразие косметических материалов и инструментов достигло своего пика, что обусловило доступность косметологических услуг для населения и, соответственно, рост запросов. Лицо без морщин, идеальная форма губ, густые брови, стройное тело уже не представляются чем-то фантастическим, а вполне могут стать реальностью в обмен на деньги. Как установили аналитики сервиса «Авито Услуги», в феврале 2023 г. спрос на услуги мастеров красоты на всей территории Российской Федерации вырос на 86% по сравнению с аналогичными показателями 2022 года. Современный человек находится в погоне за «улучшающим», то есть стремится к совершенному внешнему виду искусственным путем. При этом он зачастую подвергает собственную жизнь и здоровье необоснованно высокому риску, ведь оказание медицинских услуг изобилует прецедентами наступления отрицательных последствий, которые требуют оперативного вмешательства. К таким последствиям относятся нейропатия, обострение фиброза губ, обезображивание лица и даже смерть вследствие анафилактического шока. В этой связи важно определить границы уголовно-правовых рисков сферы красоты XXI века и рассмотреть проблемы квалификации совершаемых преступлений на основе изучения материалов правоприменительной практики и Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ). В настоящем исследовании представлен уголовно-правовой анализ составов преступлений, предусмотренных в ст.ст. 235, 238 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), определены критерии их разграничения, а также рассмотрены ситуации квалификации

УДК 343.3/7
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_23

Anna A. Mashinskaya

kostrikova.ann@yandex.ru
Saratov State Law Academy Institute of Public Prosecutor's Office, Student

Anastasia S. Orishchenko

anastasiyaorishchenko@yandex.ru
Saratov State Law Academy Institute of Public Prosecutor's Office, Student

Academic Supervisor:

Roman A. Komyagin

Assistant professor of Criminal and Penal Enforcement Law department Saratov State Law University, Candidate of Juridical Sciences

«Beauty Does Not Require Victims!»: the Problem of Qualification of Acts in the Field of Criminal Cosmetology and Plastic Surgery

Anna A. Mashinskaya, Anastasia S. Orishchenko / «Beauty does not require victims!»: the problem of qualification of acts in the field of criminal cosmetology and plastic surgery // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 4. P. 23–30. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_23

Abstract:

The variety of cosmetic materials and tools has reached its peak, which has led to the availability of cosmetic services for the population and, accordingly, the growth of requests – a face without wrinkles, an ideal lip shape, thick eyebrows, a slender body no longer seem to be something fantastic, but may well become a reality in exchange for money. According to analysts of the Avito Services service, in February 2023, the demand for the services of beauty masters across the country increased by 86% compared to the indicators of 2022. Man is in pursuit of «improving», that is, he strives for a perfect appearance artificially. At the same time, he often exposes his own life and health to unreasonably high risks, because the provision of medical services is replete with precedents for the onset of negative consequences that require surgical intervention. Such consequences include neuropathy, lip fibrosis, facial disfigurement, and even death due to anaphylactic shock. In this regard, it is important to define the boundaries of the criminal law risks of the beauty sphere of the XXI century and to consider the problems of qualification of crimes committed on the basis of studying the materials of law enforcement practice and the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. This study presents a criminal-legal analysis of the elements of crimes provided for in Articles 235, 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, defines the criteria for their differentiation, and also considers the situations of qualification of acts according to the totality of crimes. An up-to-date mechanism for regulating the provision of cosmetology services and plastic surgery services is proposed.

деяний по совокупности преступлений. Предложен актуальный механизм регулирования сферы оказания косметологических услуг и услуг пластической хирургии.

Ключевые слова:

косметологические услуги, пластическая хирургия, ответственность медицинских работников, разграничение составов преступлений, совершенствование законодательства.

Keywords:

cosmetology services, plastic surgery, responsibility of medical workers, delineation of the elements of crimes, improvement of legislation.

Оказание услуг в сфере красоты включает в себя косметические, косметологические услуги и услуги пластической хирургии. Косметические и косметологические услуги разграничиваются в ОКВЭД¹. Нормативное правовое регулирование косметических услуг, предоставляемых салонами красоты (макияж, окраска бровей, наращивание ресниц), осуществляется Законом РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»², профессиональными стандартами³, ГОСТами⁴ и др. При этом косметические услуги являются бытовыми, а не медицинскими, в отличие от косметологических и пластических услуг.

При оказании косметологических услуг обязательно соблюдение порядка оказания медицинской помощи населению по соответствующему профилю⁵ и профессионального стандарта⁶, общих положений законодательства в сфере здравоохранения, в частности, ст. 84 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁷ об оказании платных медицинских услуг.

Оказание косметологических услуг включает в себя процедуры: 1) инвазивные, то есть преодолевающие клеточные, тканевые и гуморальные защитные барьеры [1, с. 488] (введение инъекционных тканевых наполнителей, мезотерапия); 2) неинвазивные (депиляция, косметологическая чистка лица)⁸; 3) аппаратные

1 О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014 (КИЕС 2008): Приказ Росстандарта от 31.01.2014 г. № 14-ст (ред. от 16.10.2018 г.) // Экономика и жизнь. 2014. № 21.

2 О защите прав потребителей: закон Рос. Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 04.08.2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

3 Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по предоставлению визажных услуг: Приказ Минтруда Рос. Федерации от 22.12.2014 г. № 1080н // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175020/307ab1223bb3e8145f7a1d452ab3e70abbbbf4/ (дата обращения: 14.10.2023).

4 Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги бытовые. Услуги парикмахерских и салонов красоты. Общие технические условия: ГОСТ Р 51142-2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=26832#1408sxTivEI7e7N9> (дата обращения: 14.10.2023).

5 Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «косметология»: Приказ Минздравсоцразвития Рос. Федерации от 18.04.2012 г. № 381н (ред. от 21.02.2020 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 38.

6 Об утверждении профессионального стандарта «Врач-косметолог: Приказ Минтруда Рос. Федерации от 13.01.2021 г. № 2н // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382177/ (дата обращения: 14.10.2023).

7 Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

8 Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «косметология: Приказ Минздравсоцразвития Рос. Федерации от 18.04.2012 г. № 381н (ред. от 21.02.2020 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 38.

(вакуумный массаж)⁹; к их оказанию предъявляется ряд строгих требований – так, физическое лицо должно получить высшее и послевузовское медицинское образование и пройти аккредитацию¹⁰, а юридические лица и индивидуальные предприниматели (далее – ИП) – пройти процедуру лицензирования¹¹.

В номенклатуре медицинских услуг среди косметологических названы исключительно первичный и повторный приемы врача-косметолога¹². При этом иные перечни услуг, относимых к косметологическим¹³, не являются исчерпывающими. В этой связи возможно выделить критерии, которые позволяют отграничить косметологическую деятельность от косметической. К ним относятся: 1) вид деятельности – медицинские или бытовые услуги; 2) допустимость инвазивного вмешательства в косметологии; 3) направленность деятельности; 4) предъявляемые законом требования. Показателен пример разграничения схожих по наименованию процедур – перманентного татуажа (дермапигментации) и косметического татуажа. Как следует из разъяснения ВС РФ¹⁴, дермапигментация осуществляется путем проникновения через кожу с целью коррекции нарушений и дефектов тканей путем введения красящих веществ (пигментов) в дерму, а значит, является косметологической процедурой.

Пластическая хирургия (ринопластика, блефаропластика, липосакция), как и косметология, является подвидом медицинской деятельности. Однако она сама по себе шире косметологической помощи, поскольку охватывает множество целей: устранение анатомических дефектов тканей, изменение внешнего вида, формы анатомических структур тела исходя из волеизъявления пациента соответствовать общепринятым эстетическим нормам¹⁵. Пластика и косметология различны также по степени вмешательства (путем хирургических разрезов или через анатомические полости), необходимому образованию (специальность подготовки в ординатуре, интернатуре и профессиональной переподготовки).

Как известно, в Особенной части УК РФ содержится несколько общих составов преступлений, которые применяются в том числе в сфере медицины (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ст. 238 УК РФ), и некоторые специальные «медицинские» составы (ч. 4 ст. 122, ст. 123, ст. 124, ст. 235 УК РФ). Специальные составы регулируют частные вопросы неисполнения или ненадлежащего исполнения врачебных обязанностей. Общие составы устанавливают ответственность за врачебные ошибки, которые повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или

9 Об утверждении профессионального стандарта «Врач-косметолог»: Приказ Минтруда Рос. Федерации от 13.01.2021 г. № 2н // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382177/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdadff518/ (дата обращения: 14.10.2023).

10 Об утверждении Положения об аккредитации специалистов: Приказ Министерства здравоохранения Рос. Федерации от 28.10.2022 г. № 709н // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_432926/ (дата обращения: 14.10.2023).

11 О лицензировании отдельных видов деятельности: федер. закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716.

12 Об утверждении номенклатуры медицинских услуг: Приказ Министерства здравоохранения Рос. Федерации от 13.10.2017 г. № 804н (ред. от 24.09.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282466/ (дата обращения: 14.10.2023).

13 Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «косметология»: Приказ Минздравсоцразвития Рос. Федерации от 18.04.2012 г. № 381н (ред. от 21.02.2020 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 38.

14 Решение Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2023 г. № АКПИ23-79 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_444177/ (дата обращения: 14.10.2023).

15 Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «пластическая хирургия»: Приказ Министерства здравоохранения Рос. Федерации от 31.05.2018 г. №298н // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71972580/> (дата обращения: 14.10.2023).

смерть, а также ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Исследователями с советских времен ведется дискуссия о необходимости введения в УК РФ отдельной статьи о причинении вреда при оказании медицинских услуг [2]. Действительно, оценка субъективной стороны деяний медицинских работников крайне сложна, так как необходимо учитывать множество факторов. К таким факторам относятся информированное добровольное согласие [3, с. 82], квалификация сотрудника и его отношение к профессиональным обязанностям, вероятность наступления дефекта медицинской помощи, не зависящего от действий медицинского работника, и др. Однако значение составов преступлений заключается в том, что они воплощают основные и наиболее обобщенные элементы, подлежащие конкретизации в каждом случае. Из этого следует, что общие и специальные составы преступлений, имеющиеся в УК РФ на сегодняшний день, позволяют учитывать указанные выше обстоятельства. Кроме того, санкции соответствующих уголовно-правовых норм многообразны, каждая из них вариативна, что позволяет назначить справедливое наказание каждому медицинскому работнику, виновному в совершении преступления. С учетом изложенного, включение в текст УК РФ специальной статьи не является необходимым.

Относительно причинения вреда при оказании косметологических услуг и услуг пластического хирурга особое внимание устремляется к «ятрогенным» составам преступлений, закрепленным в ст. ст. 235, 238 УК РФ. Так, распространены случаи причинения вреда здоровью либо смерти по неосторожности при оказании услуг, сопряженные с отсутствием лицензии, которые подпадают под действие ч. 1 или ч. 2 ст. 235 УК РФ соответственно. Общий состав содержит неопределенную формулировку последствий преступления, что актуализирует вопрос: какие степени тяжести причиненного вреда здоровью охватываются составом преступления. Исходя из позиции А.И. Рарога [4, с. 10], легкий вред здоровью не охватывается статьей по той причине, что неосторожное его причинение не является наказуемым, неосторожное причинение средней тяжести вреда здоровью по общему правилу также не является преступным, а в случае исключений об этом указывается специально, как в ч. 1 ст. 124 УК РФ. Судебная практика идет по пути квалификации деяния по ч. 1 ст. 235 УК РФ в том числе при легком (ожог менее 1%¹⁶) и средней тяжести (временная деформация верхнего века глаза с его опущением и утолщением¹⁷) вреде здоровью. Думается, что подход судов соответствует цели защиты жизни и здоровья всех потребителей услуги. Иное бы необоснованно сужало круг потерпевших от преступления.

Субъектом преступления выступает любое лицо, осуществляющее медицинскую или фармацевтическую деятельность и обязанное получить лицензию [5, с. 186], но действующее без нее – ИП; руководитель организации; гражданин, не работающий по трудовому договору, действующий без регистрации в качестве ИП. Считается, что работники организации или ИП, осуществляющих свою деятельность без лицензии, в случае наступления указанных последствий несут ответственность по ст. 109, 118 УК РФ [5, с. 186]. Данное утверждение представляется несправедливым, так как объективной стороной охватываются два действия, которые осуществляются одним субъектом в меньшинстве случаев. Зачастую неполучение лицензии является умышленным бездействием руководителя ор-

16 Приговор Ухтинского городского суда Республики Коми от 22.02.2018 г. по делу № 1-14/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MYQ3iRar7N5T/> (дата обращения: 14.10.2023).

17 Приговор Бежецкого городского суда Тверской области от 29.01.2019 г. по делу № 1-1/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qrgdFohK4wJb/> (дата обращения: 14.10.2023).

ганизации, а причинение вреда – неумышленным действием сотрудника. Соответственно, необходимо устанавливать наличие или отсутствие признаков соучастия в каждом случае при расследовании уголовных дел.

Судебная практика свидетельствует о том, что суды не стремятся всесторонне изучить все обстоятельства дела, в том числе свидетельствующие о соучастии. Так, Ухтинским городским судом Республики Коми¹⁸ вынесен обвинительный приговор в отношении Ш.А.Ю., которая, не будучи официально трудоустроенной в салоне, по просьбе его руководителя оказала косметологическую услугу по удалению новообразования (бородавки) и причинила при этом легкий вред здоровью клиента. Подсудимая апеллировала к тому, что фактически она приступила к выполнению трудовой функции в данном салоне по указанию руководителя. Суд, исходя из того, что довод об осуществлении трудовой функции не был доказан, заключил, что оказание услуги в помещении салона, сотрудницей которого Ш.А.Ю. не являлась, не освобождало ее от обязанности исполнить требование законодательства в части обязательного лицензирования деятельности. Думается, что оказание услуг лицом в каком-либо салоне, кроме случаев преступного проникновения в него, всегда свидетельствует о наличии договоренности между руководителем салона и работником. Обязанность доказывания данного обстоятельства не может лежать на подсудимой в силу принципа презумпции невиновности. В рассматриваемом случае суду надлежало всеми возможными процессуальными способами добиться от следователя точного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию.

По мнению А.И. Рарога [4, с. 9-10], субъективная сторона анализируемого состава преступления определена неудачно – умышленное преднамеренное осуществление деятельности без официального на то разрешения причисляется к неосторожным. В судебной практике указанное преступление оценивается как совершенное по небрежности¹⁹, то есть лицо осознает и понимает незаконность осуществляемой им деятельности, не предвидит при этом возможности причинения вреда здоровью, хотя в силу требуемой медицинской квалификации должно и могло предвидеть наступление негативных последствий. Подход законодателя и правоприменителей представляется верным, ведь лицо, оказывающее услуги, точно не желает либо сознательно не допускает наступления преступных последствий. Осуществляя деятельность без лицензии, оно преследует цель стабильного получения денежных средств без прохождения законодательных преград.

Привлечение лиц к уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ связано с деятельностью кустарных косметологических салонов. В 2016 году «на дому» было оказано более 1 млн. косметологических услуг на общую сумму свыше 6 млрд. рублей²⁰. Обвинительные приговоры, вынесенные по ст. 238 УК РФ, свидетельствуют о том, что черный рынок косметологических услуг продолжает существовать. Объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, явля-

18 Приговор Ухтинского городского суда Республики Коми от 22.02.2018 г. по делу № 1-14/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MYQ3iRar7N5T/> (дата обращения: 14.10.2023 г.).

19 Приговор Ялуторовского районного суда Тюменской области от 07.09.2018 г. по делу № 1-140/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wujn3xz7sPrX/> (дата обращения: 14.10.2023 г.); Постановление Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 08.12.2022 г. по делу № 1-582/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3X012nXcdxb/> (дата обращения: 14.10.2023).

20 Почему пошел в рост «серый» рынок косметологических инъекций // VADEMECUM. URL: <https://vademes.ru/news/2018/08/08/delo-lzhe-kosmetologov-obeobrazivshikh-19-patsientok-napravleno-v-prokuraturu/> (дата обращения: 14.10.2023).

ется здоровье населения, то есть общественные отношения, складывающиеся по поводу правильной организации здравоохранения, направленной на обеспечение благополучия граждан в целом. Соответственно, отступление медицинского работника от правил оказания медицинской помощи конкретному пациенту не способно причинить вред таким отношениям. Применение ст. 238 УК РФ возможно только при системном характере медицинских нарушений, когда существует угроза жизни или здоровью неопределенного круга лиц [6]. К таким системным нарушениям судебной практикой²¹ отнесены заведомо неправильная эксплуатация медицинского оборудования; использование ненадлежащих лекарственных средств; отсутствие соответствующего образования. В таких случаях последствия достигают определенное лицо, однако потенциально вред мог быть причинен любому пациенту.

Для того, чтобы констатировать наличие предмета преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, необходимо соблюдение следующих условий²²: 1) косметологические услуги по своим свойствам или качеству не отвечают требованиям, установленным в Законе РФ «О защите прав потребителей», в других федеральных законах и международно-правовых актах, а также в принятых в соответствии с ними иных нормативных правовых актах Российской Федерации; 2) нарушение требований создает реальную опасность причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека. О реальной опасности может свидетельствовать такое качество услуг, при котором их оказание в обычных условиях могло привести к тяжким последствиям²³. Представляется необходимым устанавливать наличие реальной опасности посредством проведения экспертизы.

В качестве субъекта преступления могут выступать руководители юридических лиц и ИП, которые в рамках медицинского профессионального стандарта не осуществили надлежащую организацию внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности; медицинские работники, выполняющие медицинские вмешательства с конструктивными недостатками; лица, фактически осуществляющие оказание косметологических услуг с конструктивными недостатками.

Действия, подпадающие под признаки ст. 238 УК РФ, зачастую сопряжены с совершением иных преступных деяний. Во-первых, возможна ситуация, когда у лица отсутствует лицензия на осуществление медицинской деятельности, и им причинен крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо извлечен доход в крупном (особо крупном) размере. В таком случае действия следует квалифицировать по совокупности соответствующей части ст. 171 УК РФ и ст. 238 УК РФ. Во-вторых, нарушение лицом требований к осуществлению косметологической деятельности, создавшее реальную угрозу причинения вреда здоровью или жизни потерпевшего, нередко связано с подменой дорогостоящего препарата дешевым. Здесь целесообразно вменить в вину лицу совокупность ст.

21 Почему пошел в рост «серый» рынок косметологических инъекций // VADEMECUM. URL: <https://vademece.ru/news/2018/08/08/delo-lzhe-kosmetologov-obezobrazivshikh-19-patsientok-napravleno-v-prokuraturu/> (дата обращения: 14.10.2023).

22 О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 г. № 18 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327674/ (дата обращения: 14.10.2023).

23 О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 г. № 18 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327674/ (дата обращения: 14.10.2023).

ст. 159, 238 УК РФ. К сожалению, процесс установления события преступления применительно к ст. 159 УК РФ может быть затруднен, поскольку преступления в сфере обращения лекарственных средств в целом характеризуются исключительно высокой латентностью [7, с. 18]. По аналогичной схеме следует рассматривать случаи оказания услуг пластического хирурга, не отвечающие требованиям безопасности.

Центральным вопросом выступает разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 235, 238 УК РФ. Данный вопрос актуален для ситуаций, когда: 1) у лица отсутствует лицензия, что создает реальную угрозу жизни и здоровью неопределенного круга лиц, и при оказании услуг оно причиняет вред здоровью пациента любой тяжести; 2) в результате оказания услуги без лицензии пациенту причиняется смерть.

Единой судебной практики по данному вопросу не сложилось. Так, действия косметологов без лицензии, повлекшие по неосторожности причинение вреда здоровью пациента, а также допустивших иные нарушения судами квалифицируются по ч. 1 ст. 235 УК РФ²⁴, ч. 1 ст. 238 УК РФ²⁵ либо по совокупности ст. 235 и п. «а» ч. 1 ст. 238 УК РФ²⁶. Как считает Машкова А.В., действия косметолога в подобных ситуациях следует квалифицировать исключительно по ст. 238 УК РФ [8, с. 337]; отсутствие лицензии может выступать либо как криминообразующий признак состава преступления, предусмотренного ст. 235 УК РФ, либо же как доказательство наличия реальной опасности для жизни и здоровья потребителей оказанной услуги, что позволяет квалифицировать деяние по ст. 238 УК РФ [8, с. 337]. Если руководствоваться подобной логикой, то можно нивелировать смысл существования ст. 235 УК РФ.

Из анализа текста уголовного закона и доктрины следует, что ст. 235 УК РФ является специальной нормой по отношению к общей норме, содержащейся в ст. 238 УК РФ. Специальный состав в данном случае совпадает по своим основным признакам с общим, но выделен из него законодателем в самостоятельную норму вследствие особенностей, присущих объективной стороне (последствию) и определяющих его более высокую степень общественной опасности, что также отражено в санкции.

Соответственно, деяние квалифицируется по ст. 235 УК РФ в случае, если лицо, не имеющее лицензию, по неосторожности причиняет вред здоровью пациента или смерть; при этом возможны и иные нарушения в деятельности «лжекосметолога». Деяние квалифицируется по ст. 238 УК РФ в ситуациях, когда: 1) усматриваются иные нарушения законодательных требований оказания услуг косметолога и пластического хирурга, однако вред здоровью не причиняется; 2) лицензия отсутствует, однако вред здоровью не причиняется.

24 Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово Кемеровской области от 29.12.2020 г. по делу № 1-443/2020 // Актофакт. Архив судебных дел и решений. URL: <https://actofact.ru/case-42RS0008-1-443-2020-2020-10-15-2-0/> (дата обращения: 17.10.2023).

25 Приговор Волгодонского районного суда Ростовской области от 05.02.2016 г. по делу № 1-58/2016 // Актофакт. Архив судебных дел и решений. URL: <https://actofact.ru/case-61RS0012-1-58-2016-1-691-2015-2015-10-30-2-0/> (дата обращения: 17.10.2023).

26 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Хабаровского краевого суда от 02.03.2021 г. по делу № 22-78/2021 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/58237305> (дата обращения: 17.10.2023).

Библиографический список:

1. *Покровский В.И.* Энциклопедический словарь медицинских терминов / гл. ред. В. И. Покровский. – М.: Медицина, 2005. 960 с.
2. *Данилов Е.О.* Юридическая квалификация дефектов медицинской помощи // Актуальные проблемы российского права. № 5. 2021. СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=136160#bi7GsxTCoOXLpQo81> (дата обращения: 14.10.2023).
3. *Волкова А.Ю.* Информированное добровольное согласие физического лица на медицинское вмешательство: биомедицинский и уголовно-правовой аспекты // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 74-83.
4. *Рарог А.И.* Медицинское уголовное право: монография – М.: Проспект, 2022. 576 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Г.А. Есакова. – М.: Проспект, 2021. 274 с.
6. *Сазонова М.* Уголовная ответственность медицинского работника: когда лечение становится преступлением? // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/article/1626099/> (дата обращения: 14.10.2023).
7. Особенности расследования преступлений, связанных с оборотом фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок: методические рекомендации / М.Б. Анисимов, С.А. Васильев, Д.А. Кунёв, Е.Р. Моргунова, В.А. Передерий и др.; под ред. А.М. Багмета. – М.: Московская академия СК России, Главное управление процессуального контроля СК России, Главное управление криминалистики СК России, 2017. 63 с.
8. *Машкова А.В.* Уголовно-правовой аспект оказания косметологических услуг // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2022. №3 (50). С. 331-339.

References:

1. *Pokrovskii V.I.* (ed.) (2005). Encyclopedic dictionary of medical terms. Moscow: Medicine. 960 p
2. *Danilov E.O.* (2021). Legal qualification of defects in medical care. Actual problems of Russian law. 5. SPS «ConsultantPlus». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=136160#bi7GsxTCoOXLpQo81> (accessed 14 October, 2023).
3. *Volkova A.Iu.* (2021). Informed voluntary consent of an individual for medical intervention: biomedical and criminal aspects. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 4 (60). pp. 74-83
4. *Rarog A.I.* (2022). Medical criminal law: monograph. Moscow: Prospect. 576 p
5. *Esakov G.A.* (ed.) (2021). Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Prospect. 274 p
6. *Sazonova M.* (2023). Criminal liability of a medical worker: when does treatment become a crime? The Guarantor. URL: <https://www.garant.ru/article/1626099/> (accessed 14 October, 2023).
7. *Bagmet A.M.* (ed.) (2017). Features of the investigation of crimes related to the turnover of falsified and substandard medicines, medical products and biologically active additives: methodological recommendations // М.: Moscow Academy of the IC of Russia, The Main Department of Procedural Control of the IC of Russia, the Main Department of Criminalistics of the IC of Russia. 63 p
8. *Mashkova A.V.* (2022). Criminal-legal aspect of the provision of cosmetic services // Bulletin of the VSU. Series: Law. 3 (50). pp. 331-339

4 (25) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 341
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_31

Туркина Диана Андреевна

turkina.di@mail.ru
Студент Института государственного и
международного права Уральского государственного
юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Тхай Виктория Рудольфовна

thai.vika2002@gmail.com
Студент Института государственного и
международного права Уральского государственного
юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Лунёв Андрей Алексеевич

Преподаватель кафедры международного и
европейского права Уральского государственного
юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Проблема принятия Конституции Европейского Союза: ее сущность и возможные перспективы

Туркина Д.А., Тхай В.Р. / Проблема принятия
Конституции Европейского Союза: ее сущность и
возможные перспективы // Уральский журнал
правовых исследований. 2023. № 4. С. 31–37.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_31

Аннотация:

Авторами статьи проанализирована история принятия первой в мире Конституции для международной организации наднационального характера, проанализированы важнейшие проблемы первой попытки принятия Конституции ЕС в 2004 – 2007 годы, а также изменения в функциях и структурном образовании институтов ЕС, которые предлагал новый документ. Важное значение имело то, что в Конституцию для Европы предлагалось включить Хартию основных прав Евросоюза, которая охватывает широкий круг прав: от права на равную заработную плату для мужчин и женщин до права получения достойного медицинского обслуживания. Включение хартии в Конституцию означало соединение, подтверждение и систематизация прав и свобод для каждого человека. Следует отметить, что в настоящее время многие ассоциации, некоммерческие организации выступают за принятие единой конституции Европейского Союза. Одной из таких ассоциаций является «EuropeanConstitution.eu», которая убеждена, что содержание и формат конституционного договора привели к его краху, поскольку проект с 448 статьями был нечитаемым. В свою очередь, данная ассоциация в 2020 году предложила свой проект конституции, который состоял из 6 разделов. При рассмотрении возможных перспектив принятия Конституции Европейского Союза в настоящее время, авторы пришли к выводу, что в нынешних реалиях государства Союза еще не готовы к такому большому шагу. Также рассматривая вопрос об истинной природе европейской конституции, авторы считают, что Конституция ЕС является обычным международным договором, поскольку на данный момент единого Европейского государственного народа нет, как нет и единого народного суверенитета, ибо ЕС не является государством.

УДК 341
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_31

Diana A. Turkina

turkina.di@mail.ru
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of State and International Law, Student

Victoria R. Thai

thai.vika2002@gmail.com
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of State and International Law, Student

Academic Supervisor:

Andrey A. Lunev

Assistant professor of the Department of International
and European Law Ural State Law University named
after V. F. Yakovlev

The Problem of Adopting the Constitution of the European Union: Its Essence and Possible Prospects

Diana A. Turkina, Victoria R. Thai / The problem of
adopting the Constitution of the European Union: its
essence and possible prospects // Ural Journal of Legal
Studies. 2023. No. 4. P. 31–37.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_31

Abstract:

The authors of the article analyzed the history of the adoption of the world's first Constitution for an international organization of a supranational nature, analyzed the most important problems of the first attempt to adopt the EU Constitution in 2004 – 2007, as well as changes in the functions and structural formation of EU institutions proposed by the new document. It was important that the Constitution for Europe proposed to include the Charter of Fundamental Rights of the European Union, which covers a wide range of rights: from the right to equal wages for men and women to the right to receive decent medical care. The inclusion of the charter in the Constitution meant the unification, confirmation and systematization of rights and freedoms for each person. It should be noted that currently many associations, non-profit organizations advocate the adoption of a single constitution of the European Union. One of these associations is «EuropeanConstitution.eu», which is convinced that the content and format of the constitutional treaty led to its collapse, since the draft with 448 articles was unreadable. In turn, this association in 2020 proposed its draft constitution, which consisted of 6 sections. When considering the possible prospects for the adoption of the Constitution of the European Union at the present time, the authors came to the conclusion that in the current realities, the states of the Union are not yet ready for such a big step. Also considering the question of the true nature of the European Constitution, the authors believe that the EU Constitution is an ordinary international treaty, since at the moment there is no single European state people, as there is no single national sovereignty, because the EU is not a state.

Ключевые слова:

Конституция ЕС, Европейский Союз, принятие Конституции, референдум, международный договор

Keywords:

EU Constitution, European Union, adoption of the Constitution, referendum, international treaty

В конце XX – начале XXI века ЕС вышел на новый уровень своей трансформации. В результате подписания ряда значимых международных договоров для ЕС таких, как Маастрихского, Амстердамского и Ниццкого договоров, альянс из стран Европы стал все больше укреплять свои силы на фоне мировой политической арены. Интеграционные процессы в Европе приобретали все более масштабный характер, и по мере их развития в Союз начали вступать новые участники. За всю свою историю существования ЕС переживал несколько расширений, но одно из самых крупных является расширение ЕС в 2004 году. Именно в этот год к Евросоюзу хотели присоединиться сразу 10 стран: Кипр, Мальта, Литва, Латвия, Эстония, Словения, Словакия, Чехия, Польша и Венгрия. В связи с растущей динамикой интеграции стран Европы, их объединенными экономическими, политическими и иными интересами, которые являлись предпосылками для дальнейшего перехода Евросоюза на новый этап своего пути формирования и укрепления, стали зарождаться идеи о создании единой Конституции ЕС.

В декабре 2001 г. в г. Лаагене была проведена сессия Европейского совета – общесоюзного органа, курирующего политическую координацию и планирование. Состав Европейского совета включал руководителей всех 15 стран-участниц и председателя Комиссии. В результате проведения данной сессии участники приняли декларацию «Будущее Европейского Союза» (Лаакенская Декларация). Основной целью этой декларации было установить общие дальнейшие направления совершенствования всего механизма работы Союза. В ходе сессии в Лаагене было объявлено о необходимости принятия единой Конституции ЕС, что впоследствии стало большим толчком для популяризации данной идеи.

Для подготовки проекта Конституции и координации переговоров между участниками по поводу предстоящей конституционной реформы в тот же год был создан временный орган, так называемый «Конвент будущего Европы», руководителем которого стал бывший французский президент Валери Жискар д'Эстен. Членами Конвента были представители законодательной и исполнительной власти стран-участниц ЕС, 10 государств-кандидатов (с правом совещательного голоса), а также 16 депутатов Европарламента и 2 члена Европейской комиссии. Уже через 2,5 года Конвентом была представлена первая редакция проекта Конституции ЕС, впоследствии который был отправлен на доработку Межправительственной конференции государств-членов ЕС [1, с. 91].

Окончательная версия проекта Конституции была утверждена в июне 2004 г., хотя по плану Конвента, проект должен был полностью закончен в декабре 2003 г. Во многом причиной данной задержки утверждения проекта были многочисленные разногласия членов Конвента, так как каждое из государств спорило по поводу распределения голосов и мест в руководящих органах ЕС. Так, первоначально Испания и Польша были недовольны с предлагаемым голосованием по принципу квалифицированного большинства.

Для проекта Конституции ее разработчики взяли за основу два значимых документа: Римский договор 1957 г. и Маастрихский договор 1992 г. Всего в проекте было 4 раздела, состоящих из 448 статей:

- институты ЕС;
- компетенция институтов ЕС и ее осуществление;
- политика ЕС в различных областях;

- порядок пересмотра Основного закона.

Конституцией предполагалась внести большие изменения в функциях и структурном образовании институтов ЕС. Одними из основных таких изменений были:

- создание должности президента совета ЕС на двухлетний срок;
- создание должности – аналога министра иностранных дел, по представительству внешней политики ЕС в целом;
- новый порядок голосования в Европейском совете, так называемое «двойное большинство» (для принятия акта необходимо было 55% голосов стран, где проживают не менее 65% населения ЕС);
- пересмотр Конституции предусматривался только единогласным решением и др.

Помимо вышеуказанного, в Конституции предусматривалось создание нормативных актов «нового» Союза из двух категорий: 1) европейские законы, которые действовали бы на всей территории ЕС и не требовали специальной ратификации, т.е. аналоги сегодняшних регламентов Союза, и европейские рамочные законы (аналоги директив ЕС), в соответствии которым участники должны были привести свое национальное законодательство; 2) европейские регламенты, решения, рекомендации и заключения (последние два вида не имеют обязательной юридической силы) [2, с. 70].

Однако, что касается основных прав человека, в Конституцию для Европы предлагалось включить Хартию основных прав Евросоюза, которая охватывает широчайший круг прав: от права на равную заработную плату для мужчин и женщин до права получения достойного медицинского обслуживания. В связи с чем предполагалось также основать Агентство по основным правам в Вене в 2007 г. для обеспечения гарантий уважения ценностей, обозначенных в Хартии.

После всех переговоров членов Конвента 29 октября 2004 г. в Риме был подписан Договор, устанавливающий Конституцию для Европы. Само по себе наименование «Договор» уже дает неоднозначный юридический статус данному документу. Как утверждает Кашкин С.Ю., слово «Договор» в наименовании отражает международно-правовое устройство ЕС, так как данное объединение не является единым государством, а слово «Конституция» отражает элементы государственности в устройстве ЕС. Помимо прочего, в названии имеет фраза «для Европы», которая означала «приглашение» для других стран Европы вступить в ЕС, т.е. сама по себе Конституция также была направлена на перспективу дальнейшего расширения Союза [1, с. 92].

Стоит отметить, что были также разногласия по поводу вопроса о переименовании Союза. В статье 1 проекта Конституции ЕС были прописаны три варианта нового наименования организации: Европейское сообщество, Соединенные Штаты Европы, Объединенная Европа, однако такое полное изменение названия Союза предполагалось допустимым только в случае наличия единого решения о переименовании¹.

Конституция ЕС должна была вступить в силу с 1 января 2007 г. после ратификации всеми странами, входящих в ЕС. Но до расширения Союза 2007 г. в 11 странах конституцию должны были принять на референдуме, а именно в Ирландии, Великобритании, Дании, Польше, Чехии, Франции, Испании, Португалии, Бельгии, Нидерландах и Люксембурге.

1 Перевод проекта Конституции Европейского Союза. Eulaw.edu.ru // URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/instituty-i-organy-evropejskogo-soyuza/perevod-proekta-konstitutsii-evropejskogo-soyuza/> (дата обращения: 14.10.2023).

Однако переломным кризисным моментом процесса принятия Конституции стали результаты референдумов во Франции и Нидерландах.

На референдуме во Франции против Конституции проголосовало 54,9% участников голосования. Несколько дней позже свое «нет» сказали Нидерланды: 61,7% против [3, с. 232].

Избиратели во многом опасались утраты национального суверенитета, а некоторые другие негативно восприняли расширение ЕС, кто-то вообще отрицательно отнесся к ЕС и посчитал его недостаточно демократичным.

В целях предотвращения данного кризиса главы государств-участниц договорились о новых сроках проведения ратификации в странах ЕС, перенеся всю процедуру принятия на 2006 год, однако, как оказалось, провала Конституции ЕС было не избежать.

Однако несмотря на результаты референдумов Франции и Нидерландов, считают, что самым проблемным участником ЕС была именно Великобритания. Премьер-министр Великобритании Э. Блэр планировал проведение референдума, и лишь в случае положительного результата на референдуме правительство внесло бы Конституцию на утверждение в парламент. В итоге кризис сыграл на руку британцам. Конституция ЕС им была не нужна, ведь по сути, что их интересовало уже было закреплено в Ниццком Договоре. Позже правительство Великобритании объявило о «заморозке» референдума.

В итоге попытка принятия единой Конституции ЕС оказалось провальной, и уже в декабре 2007 г. 27 членов ЕС подписали Лиссабонский договор – новое соглашение, которое стало заменой неудачному проекту Конституции ЕС. Позже из текста Конституции были изъяты все положения, которые вели к символическому созданию единого государства ЕС, в частности, положение о таких символах, как флаг, гимн и герб ЕС [2, с. 70].

Впоследствии о Конституции Европейского союза многие ученые в различные периоды времени высказывали свои мнения, как положительные, так и отрицательные. Особенно остро обсуждалась тема конституции в преддверии ее принятия, ведь многие возлагали на нее какие-то свои надежды. Приведем примеры некоторых высказываний.

Стойка-Марку Джорджета – кандидат юридических наук, в 2005 году в диссертации писала: «Конституция упростит механизм функционирования Европейского Союза, сделает его более понятным для простых граждан. Первая единая Европейская Конституция усиливает демократический характер институтов, расширяя prerogatives Европейского Парламента» [4, с. 12]. Действительно, в полномочия Европейского парламента Конституция относилась решение многих проблем, связанных с гражданскими свободами.

Брагина Алена Сергеевна утверждала, что единая Конституция ЕС – это дело будущего, когда страны – члены Европейского Союза достигнут единого высокого уровня экономического развития, и уровень благосостояния населения этих стран, их мировоззрение и правосознание позволит им чувствовать себя гражданами единого государства [5].

Следует отметить, что многие политики в то время были согласны с тем, что ЕС не может дальше опираться только на соглашения, которые должны периодически пересматриваться и ратифицироваться каждой страной-членом хотя бы потому, что это было уже непросто с 15 странами-членами и стало еще сложнее с 25 странами-членами. Однако Шмиттер Филипп К. – профессор ряда европейских и американских университетов высказывал противоположное мнение. Он был убежден, что послышки для создания Конституции были (и остаются) лож-

ными. ЕС не нужна конституция и не только потому, что ему вполне неплохо и с квазиконституцией, основанной на последовательных соглашениях, но и потому, что гибкость, которая обеспечивается отсутствием согласованного распределения компетенций между ним и его странами-членами и особенно отсутствием общего определения его политической цели (т. н. *finalité politique*), это именно то, что потребует ЕС в будущем, когда он столкнется с двойкой задачей приспособления к последствиям валютной унификации и исправления искажений, созданных расширением. Конституционализация Европы не должна быть единовременным событием, необходима новая стратегия с более широкими временными рамками, которая целенаправленно попытается вовлечь заинтересованные группы и широкую общественность в участие на различных этапах процесса. Только сознательная политизация проблем, связанных с Европой в целом, и постепенная выработка ожиданий, связанных с более определенным набором правил относительно гражданства, представительства и принятия решений, позволяет представить успешную конституционализацию ЕС [6, с. 49].

Бирюков Михаил Михайлович – заведующий кафедрой европейского права МГИМО, в 2005 году также высказал негативные последствия возможного принятия Конституции: «Крупные государства-члены ЕС будут недовольны уменьшением их влияния в Комиссии. Возникает вопрос о справедливости представительства в Комиссии населения крупных стран, а значит, и о легитимности данного института» [7, с. 97].

Мы согласны с тем, что конституция сделала бы Европейский Союз более цельным в структурном отношении, учредительные договоры заменились бы на единый кодифицированный нормативно-правовой акт. Однако, как писал Марк Энтин, даже в негативные суждения надо вдуматься, в каждом из них есть свое рациональное зерно, определенное видение Европы.

Возникает вопрос: а возможно ли принятие Конституции в нынешних реалиях?

Многие ассоциации, некоммерческие организации до их пор выступают за принятие единой конституции. Одной из таких ассоциаций является «EuropeanConstitution.eu», которая убеждена, что содержание и формат конституционного договора привели к его краху, поскольку проект с 448 статьями был нечитаемым. Ассоциация «EuropeanConstitution.eu» также утвердила премию Жана Монне, чтобы поощрить конкретные проекты, способствующие европейской интеграции. Следует отметить, что премия организована также под патронажем Европейского парламента.

Ассоциация считает, что европейские институты «застряли», «застопорились» ещё в 2009 году, с подписания Лиссабонского договора. С тех пор было сделано меньше шагов вперед, чем шагов назад. «Национальные государства приняли конституции, отражающие их ценности, и организовали государственные институты. Точно так же на европейском уровне нам нужна конституция, чтобы закрепить то, за что мы выступаем, и создать последовательные, демократические и подотчетные институты, которые мы сами для себя выберем» - предлагает ассоциация.

Ассоциация в новой Конституции ЕС предлагает ввести единую систему голосования, официальный механизм голосования, поскольку на данный момент граждане ЕС не равны, а единой системы голосования не существует. Проведение голосования регулируется на национальном уровне. Например, в Австрии и на Мальте избирательный возраст составляет 16 лет; в Греции – 17; в остальной части Союза – 18; Бельгия, Ирландия и Великобритания разделены на несколько избирательных округов; Польша и Италия имеют единый избирательный округ, но места распределяются по региональным спискам; в других странах есть об-

щенациональные избирательные округа.

В новой системе ко всем европейским гражданам будут применяться следующие критерии: все граждане ЕС, достигшие 18 лет и не лишённые гражданских прав, имеют право голосовать в государстве-члене ЕС; также граждане могут голосовать по месту жительства при условии, что они являются резидентами более трех месяцев и если они не решат зарегистрироваться в государстве-члене ЕС своего происхождения.

Исходя из вышеизложенного, данный документ намного быстрее бы ускорил процесс консолидации ЕС, создав более унифицированную структуру органов ЕС и их деятельность и закрепив взаимодействие между участниками на более высоком уровне, нежели сейчас.

Обобщая весь анализ Конституции ЕС, можно сделать вывод о том, что, несомненно, у принятия Конституции есть свои положительные черты и последствия, которые, возможно, решили бы основные проблемы Союза, связанные с разногласиями стран-участниц. Принятие Конституции во многом облегчило бы и политическую программу ЕС по адаптации к своему расширению остальных стран Европы, не входящих в его состав, что в будущем создало бы основу для преобразования ЕС в более сильный и сплоченный европейский альянс, который мог бы оказывать преимущественно огромное влияние на политические взаимоотношения других государств.

Однако, анализируя прошлый опыт попытки принятия Конституции ЕС в 2004-2007 гг., можем сказать, в нынешних реалиях государства Союза еще не готовы к такому большому шагу. Если говорить о дальнейшем развитии идеи конституциональной реформы Европы, то необходимо брать во внимание внутренние и внешние кризисные ситуации в процессе взаимодействий стран-участниц. На данный момент внутренние проблемы связаны с экономическими и политическими спорами в рамках отдельных стран-участниц и необходимостью оказания им помощи со стороны иных государств. За последние несколько лет ЕС претерпел немало событий и изменений, которые только негативно повлияли на отношения участников Союза, а именно:

- Brexit 2020 года (выход Великобритании из состава ЕС);
- непреодолимые различия между странами в социальной сфере;
- разное отношение стран-участниц к единой валюте – евро, в связи с дифференциальным экономическим и социальным развитием отдельных государств;
- разногласия по вопросам применения санкций к России;
- миграционный кризис из-за беженцев и др.

Кроме того, говоря об истинной природе европейской конституции 2004 – 2007 гг., о двойственном и гибридном характере данного документа, более разумно считать, что с международно-правовой точки зрения как по своему характеру, так и по структуре, Конституция ЕС является обычным международным договором. Как известно, любая демократическая конституция возникает в ходе народовластия, обусловленного наличием народного суверенитета. О принятии Конституции ЕС можно было бы говорить лишь в том случае, если бы все члены Европейского Союза в ходе всенародных референдумов объявили себя новым государством, отказавшись от своих суверенных прав и положив тем самым начало единой европейской государственной нации [8, с. 110]. Однако на данный момент единого Европейского государственного народа нет, ибо ЕС не является государством.

Библиографический список:

1. Кашкин С. Ю. Право Европейского союза в 2 т. Том 1. Общая часть в 2 кн. Книга 1: учебник для вузов / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков; ответственный редактор С. Ю. Кашкин. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. 325 с.
2. Европейское право: учебник и практикум для вузов / А. И. Абдуллин [и др.]; под редакцией А. И. Абдуллина, Ю. С. Безбородова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. 282 с.
3. Каргашина К. В. Французское общество и референдум по «Конституции Европы» в 2005 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 231 – 234.
4. Стойка-Марку Джорджета. Международно-правовая природа европейской конституции: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Российский ун-т дружбы народов (РУДН). Москва, 2005. 17 с.
5. Брагина А. С. Нужна ли европейскому союзу единая конституция // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Научная сессия МИФИ. 2007. Том 6. URL: <https://studylib.ru/doc/3994589/a.s.-bragina-nuzhna-li-evropejskomu-soyuzu-edinaya-konstituciya?yclid=lo4jmm5j2k876612171> (дата обращения: 11.10.2023).
6. Schmitter P. Why Constitutionalise the European Union. The Shape of the New Europe. Cambridge, uk. New York: Cambridge University Press. 2006. p. 46–57.
7. Бирюков М. М. Новый учредительный договор Европейского Союза - «Конституция для Европы» и последние изменения в составе и статусе Европейского Парламента // Журнал российского права. 2005. №5 (101). 160 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-uchreditelnyy-dogovor-evropeyskogo-soyuza-konstitutsiya-dlya-evropy-i-poslednie-izmeneniya-v-sostave-i-statuse-evropeyskogo> (дата обращения: 14.10.2023).
8. Погорельская С. В. От Конституции - к народу? Спорные аспекты европейского конституционного договора // АПЕ. 2005. №4. С. 105 – 122. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-konstitutsii-k-narodu-spornye-aspekty-evropeyskogo-konstitutsionnogo-dogovora> (дата обращения: 16.10.2023).

References:

1. Kashkin S. Yu. (ed.) (2023). The law of the European Union in 2 vols. Volume 1. General part in 2 books. Book 1: textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House. p. 325
2. Abdullin A. I., Bezborodov Yu. S. (ed.) (2023). European Law: textbook and workshop for universities. Moscow: Yurayt Publishing House. p. 282
3. Kargashina K. V. (2021). French society and the referendum on the “Constitution of Europe” in 2005. Izvestiya Saratov University. A new series. History series. International relations. Vol. 21. 2. pp. 231 – 234
4. Stoyka-Marku Georgetta. (2005). The international legal nature of the European Constitution: abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences: 12.00.10. Russian Peoples’ Friendship University (RUDN). Moscow. 17 p.
5. Bragina A. S. (2007). Does the European Union need a single constitution. Actual problems of the humanities. Scientific session of MEPhI. Volume 6. URL: <https://studylib.ru/doc/3994589/a.s.-bragina-nuzhna-li-evropejskomu-soyuzu-edinaya-konstituciya?yclid=lo4jmm5j2k876612171> (accessed 11 October, 2023)
6. Schmitter P. (2006). Why Constitutionalise the European Union. The Shape of the New Europe. Cambridge, uk. New York: Cambridge University Press. p. 46–57
7. Biryukov M. M. (2005). The new founding Treaty of the European Union - “Constitution for Europe” and recent changes in the composition and status of the European Parliament. Journal of Russian Law. 5 (101). p. 160. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-uchreditelnyy-dogovor-evropeyskogo-soyuza-konstitutsiya-dlya-evropy-i-poslednie-izmeneniya-v-sostave-i-statuse-evropeyskogo> (accessed 14 October, 2023)
8. Pogorelskaya S. V. (2005). From the Constitution to the people? Controversial aspects of the European Constitutional Treaty. APE. No. 4. P. 105 – 122. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-konstitutsii-k-narodu-spornye-aspekty-evropeyskogo-konstitutsionnogo-dogovora> (accessed 16 October, 2023)

4 (25) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 347
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_38

Тользак Алексей Евгеньевич

atolzak@mail.ru
Студент Иркутского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры РФ

Научный руководитель:

Сенотрсова Евгения Михайловна

Старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Правовая природа складских свидетельств

Тользак А.Е. / Правовая природа складских свидетельств // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 4. С. 38–43.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_38

Аннотация:

На сегодняшний день складские свидетельства с учетом их реальной товарной наполняемости являются весьма удобным и востребованным инструментом товарооборота, однако вопрос об их правовой природе остается дискуссионным. Несмотря на изучение поставленной проблемы видными цивилистами, единого подхода к правовой природе складских свидетельств и их соотношению с иными правовыми явлениями не выработано. Не вытекает однозначного решения поставленного вопроса и из положений действующего гражданского законодательства. В рамках настоящего исследования предпринята попытка выявления сущности складских свидетельств, их сопоставления с товарораспорядительными и правоустанавливающими документами, ценными бумагами и договором хранения на товарном складе. Автором обосновывается наличие у складского свидетельства качества товарораспорядительного документа и особого вида ценных бумаг. Отсутствие абстрактности и признака публичной достоверности автор рассматривает как особенность складских свидетельств, обусловленную их тесной связью с договором и сложившимися условиями ускоренного товарооборота. Выявлено отличие складских свидетельств от правоустанавливающих документов, поскольку первые не подтверждают возникновение права собственности лица на тот или иной объект гражданских прав и его основание, а лишь создают презумпцию наличия права собственности и содержат требование к товарному складу как обязанному лицу. Аргументировано, что складское свидетельство по своей природе не является договором, а лишь подтверждает его заключение. Вместе с тем при его передаче автоматически осуществляется и перевод долга по договору хранения. Данный факт презюмируется исходя из сложившейся практики, однако прямо в законе не закреплен. Выработаны предложения по совершенствованию гражданского законодательства в соответствующей сфере. В ходе исследования применены методы анализа, синтеза, логический, системный и формально-юридический методы.

Ключевые слова:

складское свидетельство, товарный склад, товарораспорядительный документ, ценная бумага, правоустанавливающий документ.

УДК 347
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_38

Alexey E. Tolzak

atolzak@mail.ru
Irkutsk Law Institute (branch) University of the
Prosecutor's Office of the Russian Federation, Student

Academic Supervisor:

Evgeniya M. Senotrusova

Senior Lecturer of the Department of General Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Juridical Sciences

Legal Nature of Warehouse Certificates

Alexey E. Tolzak / Legal nature of warehouse certificates // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 4. P. 38–43.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_38

Abstract:

To date, warehouse certificates, taking into account their real marketability, are a very convenient and in-demand tool for commodity turnover, but the question of their legal nature remains debatable. Despite the study of the problem posed by prominent civilists, a unified approach to the legal nature of warehouse certificates and their relationship with other legal phenomena has not been developed. There is no unambiguous solution to the issue raised from the provisions of the current civil legislation. Within the framework of this study, an attempt has been made to identify the essence of warehouse certificates, their comparison with title and title documents, securities and a storage agreement in a warehouse. The author substantiates the presence of a warehouse certificate of the qualities of a document of title and a special type of securities. The author considers the absence of abstractness and a sign of public reliability as a feature of warehouse certificates due to their close connection with the contract and the prevailing conditions of accelerated turnover. The difference between warehouse certificates and title documents is revealed, since the former do not confirm the emergence of a person's ownership right to a particular object of civil rights and its foundation, but only create a presumption of ownership and contain a requirement for a commodity warehouse as an obligated person. It is argued that the warehouse certificate by its nature is not a contract, but only confirms its conclusion. At the same time, when it is transferred, the debt is automatically transferred under the storage agreement. This fact is presumed based on established practice, but it is not directly fixed in the law. Proposals have been developed to improve civil legislation in the relevant area. In the course of the research, methods of analysis, synthesis, logical, systematic and formal legal methods were applied.

Keywords:

warehouse certificate, commodity warehouse, document of title, security, title document.

Несмотря на относительную стабильность правового регулирования отношений хранения, существует немало проблем в рассматриваемой сфере, одной из которых является определение правовой природы складских свидетельств. Актуальность поставленного вопроса обусловлена рядом обстоятельств социально-экономического, доктринального и правотворческого характера.

Так, возможные колебания курса валют, вероятный дефицит денежных средств у контрагентов, инфляция, необходимость ускорения товарооборота порождают обоснованный интерес у участников гражданских правоотношений к использованию складских свидетельств. Реальная товарная наполняемость делает складские свидетельства удобным инструментом товарооборота [1, с. 163], позволяет сократить количество совершаемых операций и защищает от излишних расходов [2, с. 39].

Проблемам сущности складских свидетельств в той или иной мере уделялось внимание в научных трудах В. А. Белова [3], Б. М. Гонгало [4], Ю. А. Еминцевой [5], А. А. Котелевской [6], Д. А. Матвеева [1; 7], О. Г. Неверова [8], Б. И. Пугинского [9], В. В. Ровного [10] и иных цивилистов. Вместе с тем, единого подхода к правовой природе складских свидетельств и их соотношению с иными правовыми явлениями не выработано.

Не вытекает однозначного решения поставленного вопроса и из положений действующего гражданского законодательства, что, как думается, обусловлено, в частности, такой особенностью института складских свидетельств как сочетание правил об обороте ценных бумаг и норм об оказании услуг хранения. Попытки совершенствования законодательства в указанной части, предпринятые в 1998 и 2012 годах, не увенчались успехом в силу концептуальных противоречий [7].

С учетом сказанного, позволим себе рассмотреть отдельные вопросы правовой природы складских свидетельств.

Складское свидетельство и товарораспорядительные документы. Понятие товарораспорядительного документа (далее – ТРД) легально не определено. В доктрине под ним понимается документ, доказывающий прием товара по договору и позволяющий «его владельцу получить товар против предъявления документа, либо передать права на соответствующий товар путем передачи документа» [11, с. 21].

Анализ научной литературы и действующего законодательства позволяет выделить следующие признаки ТРД: 1) документ должен быть непосредственно связан с вещью, «быть вещным, а не денежным», являться её «заменителем»; 2) передача документа должна приравняться к передаче вещи; 3) на связь вещи с документом должен прямо указывать закон (санкционирование такой связи законом); 4) вещь, в отношении которой документ выдан, должна быть индивидуально-определённой и обладать всеми свойствами товара (потребительская и меновая стоимость).

Учитывая изложенное, а также принимая во внимание отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), как-то: «держатель складского ... свидетельств имеет право распоряжения хранящимся на складе товаром» (п. 1 ст. 914 ГК РФ), «держатель складского свидетельства ... вправе распоряжаться товаром» (п. 2 ст. 914 ГК РФ), «товарный склад выдает товар держателю складского и залогового свидетельств» (п. 1 ст. 916 ГК РФ), следует сделать вывод о наличии у складского свидетельства признаков ТРД. Этот вывод подтверждается судебной практикой¹ и находит подтверждение в научной литера-

1 Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.06.2003 № А56-36455/02.

туре [3, 12, 13, 14].

Впрочем, отдельными учеными высказывается противоположная позиция. К примеру, Ф.А. Гудков считает, что поскольку в ст. 224 ГК РФ поименован только коносамент, а «для складских свидетельств подобной нормы нет», то и оснований считать последние ТРД не имеется [15, с. 33]. Схожей позиции придерживается И.В. Кравченко, указывая, что «распоряжение товаром через распоряжение складским свидетельством несовместимо и с положениями ст. 128 ГК РФ о принадлежности ценных бумаг к самостоятельным объектам гражданских прав, поскольку приобретение свидетельства ... может преследовать цель не только получение по нему товара, но и дальнейшую перепродажу его как ценную бумагу» [16, с. 18]. На наш взгляд, само по себе использование документа для перепродажи товара, а не его получения не исключает товарораспорядительный характер складского свидетельства. В качестве аргумента также можно привести коносамент, который используется для перепродажи товара, но его товарораспорядительная природа не ставится под сомнение и, более того, прямо указана в законе.

Некоторые сторонники идеи отсутствия товарораспорядительной функции у складских свидетельств, например, Р.Э. Суслов, отмечают, что их правовая природа заключается в *traditio* [11, с. 171]. Однако, думается, *traditio* предполагает отчуждение вещи посредством совершения распорядительной сделки и имеет своей целью переход права собственности на вещь. Следовательно, совершение *traditio* прекращает обязательственные отношения между отчуждателем и приобретателем вещи. Напротив, передача складского свидетельства не влечёт автоматического перехода права собственности на товар, право требования которого подтверждается таким свидетельством. В данном случае первичны изменения в обязательственной сфере, приводящие к смене кредитора, уполномоченного на предъявление требований к профессиональному хранителю. Полагаем, по указанным причинам в ст. 224 ГК РФ обоснованно закреплено положение приравнивания *traditio chartae*, распространения правил передачи вещи на правила передачи товарораспорядительного документа, когда лицо как бы приобретает статус собственника товара и имеет возможность осуществлять все его правомочия. Оговорка «как бы» представляется весьма существенной, поскольку вещь ещё не находится в фактическом господстве лица, он обладает лишь её «юридическим символом», неким «заменителем» в виде ТРД.

Легальное определение понятия правоустанавливающего документа отсутствует, однако можно выделить некоторые его признаки и предпринять попытку поиска таковых применительно к складскому свидетельству.

Во-первых, правоустанавливающий документ подтверждает приобретение права собственности лица на объект гражданских прав и содержит указание на основание такого приобретения. Подобного рода документ не содержит в себе права требования к обязанному лицу, а его значение заключается в уведомлении всех участников оборота о наличии у лица правомочий собственника. Напротив, складское свидетельство подтверждает лишь право требования его владельца о выдаче вещи к товарному складу; само по себе оно не указывает на право собственности на вещь, однако его владелец презюмируется таковым, прежде всего, для профессионального хранителя как стороны в сложившихся договорных правоотношениях.

Во-вторых, термин «правоустанавливающий документ» имеет ограниченную

сферу применения. Строго говоря, он применяется для подтверждения прав на недвижимое имущество², в то время как складское свидетельство выдается в отношении движимых вещей, о чем свидетельствует используемая законодателем терминология («переданные товары», «приемка товаров», «недостача товара» и т.п.).

Документарные ценные бумаги представляют собой документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов.

Основными признаками ценной бумаги являются: 1) удостоверение субъективного гражданского права (легитимация субъекта права). Значимость ценной бумаги заключается в закреплённом праве требования, управомоченного к обязанному лицу, причем это право имеет односторонний характер. Данное право является относительным, поэтому нельзя говорить о праве собственности на право требования [17, с. 124-125]; 2) необходимость предъявления бумаги для осуществления права, закреплённого в ней (презентативность), т.е. наличие документа в физической форме обязательно при реализации закреплённого в ней права. Из этого также вытекает, что «передача права из ценной бумаги требует обязательной передачи документа» [4, с. 207]; 3) возможность требовать только того, что написано в бумаге (литеральность ценной бумаги); 4) абстрактность как юридическая индифферентность основания выдачи ценной бумаги; 5) публичная достоверность при условии наличия остальных признаков.

Складские свидетельства, на наш взгляд, являются ценными бумагами и обладают большинством признаков, которые им присущи: литеральность, легитимация субъекта права, презентативность, публичная достоверность. Однако складским свидетельствам не присущ такой признак как абстрактность, выражающейся в юридической индифферентности наличия или отсутствия сделки, на основании которой бумага выдана, и ее (не)действительности. Складское свидетельство является каузальным и выступает документальным подтверждением заключения договора складского хранения, оно «образует его corpus», т.е. каузой данной бумаги является хранение вещей товарным складом за вознаграждение. Суды справедливо указывают, что «свидетельство является не только ценной бумагой, но и документом, подтверждающим соблюдение письменной формы договора складского хранения»³.

В связи с этим в литературе возникают споры относительно обоснованности отнесения складского свидетельства к ценным бумагам. Так, Б.И. Пугинский отмечает, что «от собственно ценных бумаг надо отличать товарораспорядительные документы, которые лишь по недоразумению иногда именуют ценными бумагами» [9, с. 50]. По мнению О.Г. Неверова, «наделение товарораспорядительных документов свойствами ценных бумаг вызвано сугубо практическими соображениями и не меняет их главной черты, выражающейся в том, что подобные документы являются не имущественным правом требования, а договором» [8, с. 63].

Безусловно, не все ТРД являются ценными бумагами, однако складские свидетельства, на наш взгляд, можно отнести к таковым. Позволим себе предпо-

2 Об утверждении формы, порядка ее заполнения и формата Сведений о зарегистрированных правах на недвижимое имущество (в том числе земельные участки) и сделках с ним, правообладателях недвижимого имущества и об объектах недвижимого имущества: приказ ФНС России от 13 января 2011 г. № ММВ-7-11/11@. // Доступ из справочной-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22 мая 2008 года № Ф08-2025/2008. // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/22136606/> (дата обращения 05.10.2023).

ложить, что отсутствие абстрактности при наличии у складских свидетельств иных признаков ценных бумаг и признака публичной достоверности следует рассматривать как особенность складских свидетельств, обусловленную их тесной связью с договором и сложившимися условиями ускоренного товарооборота.

В доктрине существует дискуссия относительно того, является ли складское свидетельство собственно договором хранения на товарном складе или представляет собой документ, подтверждающий факт его заключения и имеющий признаки ТРД и ценной бумаги. Причины такой дискуссии, на наш взгляд, заключаются, в числе прочего, в недостаточном уровне законодательной техники. Приведем пример. Одним из обязательных реквизитов складского свидетельства является «размер вознаграждения за хранение либо тарифы, на основании которых он исчисляется, и порядок оплаты хранения» (ст. 913 ГК РФ).

В связи с этим может возникнуть сомнение по поводу допустимости отнесения складского свидетельства к ценным бумагам, поскольку на владельце складского свидетельства, исходя из буквального понимания ст. 913 ГК РФ, в случае его предъявления будет возложена обязанность по уплате вознаграждения за оказанные услуги, что противоречит природе ценных бумаг, их содержание исчерпывается правом требования. Вместе с тем, обязанность по уплате вознаграждения вытекает непосредственно из договора складского хранения, а указание на нее в ценной бумаге носит скорее информационный, а не квалифицирующий характер.

Нормы, установленные параграфом 2 главы 47 ГК РФ, прямо не разрешают вопроса, кто именно должен оплачивать такое вознаграждение, следовательно, необходимо руководствоваться общей нормой – ст. 896 ГК РФ, которая обязанным определяет поклажедателя. Исходя из этого, можно сделать вывод, что уплата такого вознаграждения возлагается на лицо, которое одновременно является управомоченным по ценной бумаге – складскому свидетельству и поклажедателем по договору складского хранения. В таком случае возникают определённые основания полагать, что при передаче свидетельства должны соблюдаться правила о переводе долга, чего на практике не происходит. Думается, существо отношений по хранению товаров на складе и повышенная оборотоспособность складских свидетельств предполагают согласие профессионального хранителя на перевод долга. Однако правило о презумпции согласия хранителя на перевод не закреплено в параграфе 2 главы 47 ГК РФ, что составляет законодательный пробел. Полагаем, необходимо внести соответствующие изменения.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о наличии у складского свидетельства качеств товарораспорядительного документа и особого вида ценных бумаг. Отсутствие абстрактности и признака публичной достоверности следует рассматривать как особенность складских свидетельств, обусловленную их тесной связью с договором и сложившимися условиями ускоренного товарооборота. Складские свидетельства следует отличать от правоустанавливающих документов, поскольку первые не подтверждают возникновение права собственности лица на тот или иной объект гражданских прав и его основание, а лишь создают некую презумпцию наличия права собственности и содержат требование к товарному складу как обязанному лицу. Складское свидетельство по своей природе не является договором, а лишь подтверждает его заключение. Вместе с тем, передавая ценную бумагу, также автоматически осуществляется перевод долга. Данный факт презюмируется, исходя из сложившейся практики, однако законодательно не закреплен. На основании этого полагаем, что законодателю необходимо устранить существующие пробелы.

Библиографический список:

1. *Матвеев Д. А.* Складские свидетельства как товарораспорядительные ценные бумаги и особенности их гражданско-правового оборота // Основные направления построения правового государства: проблемы и пути реализации. 2020. С. 160–169.
2. *Бубен С. Б.* Складское свидетельство как инструмент развития взаимной торговли в условиях общего аграрного рынка ЕАЭС // Торговая политика. 2018. № 2 (14). С. 39–49.
3. *Белов В. А.* Ценные бумаги в российском гражданском праве / под ред. проф. Е. А. Суханова. Вступительная статья проф. Е. А. Суханова. – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1996. 448 с.
4. *Гражданское право: учебник. В 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. 511 с.*
5. *Еминцева Ю. А.* Виды договоров хранения // NOVAUM.RU. 2017. № 7. С. 183–186.
6. *Котелевская А. А.* Договор складского хранения и особенности правовой природы складских свидетельств // Журнал российского права. 2006. № 3 (111). С. 95–104.
7. *Матвеев Д. А.* Судьба законопроекта «о двойных и простых складских свидетельствах» // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 10. С. 111–113.
8. *Неверов О. Г.* Товарораспорядительные документы: учебное пособие / О. Г. Неверов. – 2-е изд., исп. и доп. – М.: Зерцало-М, 2002. 176 с.
9. *Пугинский, Б. И.* Коммерческое право России / Б. И. Пугинский. – М.: Юрайт, 2000. 314 с.
10. *Ровный В. В.* Тезисы о передаче вещи (продолжение). Передача юридического символа вещи // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 83–95.
11. *Суслов Р. Э.* Товарораспорядительные документы в российском и английском праве: дис. ... канд. юрид. наук : специальность 12.00.03 / Суслов Роман Эдуардович. – М., 2018. 223 с.
12. *Агарков М. М.* Учение о ценных бумагах / Проф. М. М. Агарков. – М. : Финансовое изд-во НКФ СССР, 1927. 165 с.
13. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права: учебник / Г. Ф. Шершеневич. – 9 изд. – М.: Московское Научное Издательство, 1919. 389 с.
14. *Чурилов А. Ю.* Перспективы цифровизации товарораспорядительных документов // Юрист. 2021. № 2. С. 10–15.
15. *Гудков Ф. А.* Складские свидетельства и коносаменты // эж-ЮРИСТ. 2004. № 2. С. 27–42.
16. *Кравченко И. В.* Договор хранения на товарном складе: проблемы регулирования, квалификации и применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.01 / Кравченко Ирина Викторовна. – М., 2004. 24 с.
17. *Жюллио де ла Морандьер Л.* Гражданское право Франции. Перевод с французского / Л. Жюллио де ла Морандьер; пер. и вступ. ст.: Е. А. Флейшиц. – М.: Иностранная литература, 1960. 742 с.

References:

1. *Matveev D. A.* (2020). Warehouse certificates as commodity-administrative securities and peculiarities of their civil-law turnover. The main directions of building the rule of law: problems and ways of realization. pp. 160–169
2. *Buben S. B.* (2018). Warehouse certificate as a tool for the development of mutual trade in the conditions of the common agricultural market of the EAEU. Trade Policy. 2 (14). pp. 39–49
3. *Belov V. A.* (1996). Securities in Russian civil law. Moscow: Training and Consulting Center «YurInfor». 448 p
4. *B. M. Gongalo (ed.)* (2017). Civil Law. In 2 vol. Moscow: Statut. 511 p
5. *Yemintseva Y. A.* (2017). Types of storage agreements. NOVAUM.RU. 7. pp. 183–186
6. *Kotelevskaya A. A.* (2006). Contract of warehousing and peculiarities of the legal nature of warehousing certificates. Journal of Russian law. 3 (111). pp. 95–104
7. *Matveev D. A.* (2010). Fate of the draft law «on double and simple warehouse certificates». Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10. pp. 111–113
8. *Neverov O. G.* (2002). Goods and administrative documents: a textbook. Moscow: Zertsalo-M. 176 p
9. *Puginsky B. I.* (2000). Commercial Law of Russia. Moscow: Yurait. 314 p
10. *Rovny V. V.* (2018). Theses on the transfer of a thing (continued). Transfer of the legal symbol of the thing. Siberian legal bulletin. 4. pp. 83–95
11. *Suslov R. E.* (2018). Commodity-administrative documents in Russian and English law: diss. ... kand. jurid. nauk. 223 p
12. *Agarkov M. M.* (1927). The doctrine of securities. Moscow: Financial Publishing House of the NKf of the USSR. 165 p
13. *Shershenevich G. F.* (1919). Textbook of commercial law: textbook. Moscow: Moscow Scientific Publishing House. 389 p
14. *Churilov A. Yu.* (2021). Prospects of digitalization of documents of title. Jurist. 2. pp. 10–15
15. *Gudkov F. A.* (2004). Warehouse certificates and bills of lading. ezh-YURIST. 2. pp. 27–42
16. *Kravchenko I. V.* (2004). Contract of storage at the commodity warehouse: problems of regulation, qualification and application : autoref. dis. ... kand. of juridical sciences. 24 p
17. *Jullio de la Morandière L.* (1960). Civil Law of France. Translation from French. Moscow: Foreign Literature. 742 p

4 (25) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 004:336
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_44

Шульгина Настасья Николаевна

shulgina.nasta@yandex.ru
Магистрант Высшей школы государственного
аудита Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Андрианова Наталья Геннадьевна

Старший преподаватель кафедры правовых
дисциплин Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова, кандидат
юридических наук

Проблемы правового регулирования регуляторных и надзорных технологий

Шульгина Н. Н. / Проблемы правового регулирования регуляторных и надзорных технологий // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 4. С.44–49. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_44

Аннотация:

Системное развитие платежной индустрии реализуется посредством применения финансовых технологий, которые необходимо изучить не только на доктринальном уровне, но и осуществить должную правовую регламентацию. На основе научных подходов зарубежного и российского законодательства, динамики развития денежных отношений становится возможным выявить предпосылки и проблемы правового регулирования финансовых технологий, применяемых регуляторами финансового рынка (далее – регуляторами) и иными финансовыми институтами для регулирования и надзора за платежными услугами. В целях совершенствования государственного управления регуляторы применяют технологии RegTech (Regulatory Technology, регуляторные технологии) и SupTech (Supervisory Technology, надзорные технологии). Данная статья посвящена анализу регуляторных и надзорных технологий в контексте их существенных характеристик и модельных рисков. Рассмотрены существующие правовые проблемы в рамках использования SupTech и RegTech-решений, дана оценка модельным рискам, раскрыта необходимость использования регуляторных технологий в современных реалиях. На основе анализа полномочий и деятельности в сфере финансовых технологий регуляторов и иных финансовых институтов по регулированию и надзору за цифровыми платежными услугами выявлена решающая роль регулятора в формировании нормативных правил использования цифровых технологий. Правовое регулирование RegTech и SupTech является одним из наименее развитых элементов их инфраструктуры. Для их положительного воздействия на финансовую систему необходимо начать разработку НПА, закрепить понятие регуляторных и надзорных технологий в законодательстве, сферы применения, риски и ответственность в области RegTech и SupTech, осуществить работу по объединению предпринимателей для развития RegTech-решений (совместная деятельность субъектов, заинтересованных в инновациях, будет эффективна и выгодна), уделить большее внимание подготовке кадров в сфере IT и организовать дополнительное обучение сотрудников-юристов и экономистов в области цифровизации.

УДК 004:336
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_44

Nastasia N. Shulgina

shulgina.nasta@yandex.ru
Higher School of Public Audit, master's student
Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Academic Supervisor:

Andrianova G. Natalia

Senior Lecturer of the Department of Legal Disciplines
Moscow State University named after M.V.
LomonosovCandidate of Juridical Sciences

Problems of Legal Regulation of Regulatory and Supervisory Technologies

Shulgina N. Nastasia / Problems of legal regulation of regulatory and supervisory technologies // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 4. P. 44–49. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_44

Abstract:

The systemic development of the payment industry is realized through the use of financial technologies, which need to be studied not only at the doctrinal level, but also to implement proper legal regulation. Based on the scientific approaches of foreign and Russian legislation, the dynamics of the development of monetary relations, it becomes possible to identify the prerequisites and problems of legal regulation of financial technologies used by financial market regulators (hereinafter referred to as regulators) and other financial institutions for the regulation and supervision of payment services. In order to improve public administration, regulators use RegTech (Regulatory Technology) and SupTech (Supervisory Technology) technologies. This article is devoted to the analysis of regulatory and supervisory technologies in the context of their essential characteristics and model risks. The existing legal problems within the framework of the use of SupTech and RegTech solutions are considered, an assessment of model risks is given, the need for the use of regulatory technologies in modern realities is revealed. Based on the analysis of the powers and activities in the field of financial technologies of regulators and other financial institutions for the regulation and supervision of digital payment services, the decisive role of the regulator in the formation of regulatory rules for the use of digital technologies has been revealed. The legal regulation of RegTech and SupTech is one of the least developed elements of their infrastructure. For their positive impact on the financial system, it is necessary to begin the development of NPAs, consolidate the concept of regulatory and supervisory technologies in legislation, areas of application, risks and responsibilities in the field of RegTech and SupTech, work on uniting entrepreneurs for the development of RegTech solutions (joint activities of entities interested in innovation will be effective and profitable), pay more attention to focus on training personnel in the field of IT and organize additional training for lawyers and economists in the field of digitalization.

Ключевые слова:

регулирование, надзор, технологии, финансовый рынок, регулятор.

Keywords:

regulation, supervision, technology, financial market, regulator.

Финансовый сектор является сферой, где информационные технологии стали занимать особое место для нормального функционирования и развития экономики. Технологические решения — это результат прогресса в IT отрасли. Обработка массивов числовых данных вручную расходует множество временных и трудовых ресурсов, цифровизация данного сектора позволяет повысить их эффективность, именно с этой целью регуляторы оцифровывают и автоматизируют внутренние и внешние процессы взаимодействия. Совокупность таких технологических решений называется FinTech.

Регуляторные технологии — это понятие, разрабатываемое регуляторами или при их содействии и применяемое для определения соблюдения финансовыми организациями требований Центрального Банка путём минимизации затраченных ресурсов. Развитие данного института стартовало в начале 2010 года и продолжается до сих пор [1, с. 19].

Использование RegTech можно обнаружить в различных финансовых отраслях, например, в сфере комплаенса в части автоматизации своевременного поступления необходимой информации от поднадзорной организации регулятору. Данное технологическое решение способствует минимальному риску появления ошибок к минимуму риск ошибок, связанных с человеческим фактором.

Для взаимодействия с контрагентами на финансовом рынке необходима полная и надежная информация о структуре организации, ее финансовом положении и деятельности. С помощью идентификационного блока регуляторных технологий становятся возможными оцифровка информации об организации и сбор необходимых данных о ней. Собранная информация послужит основанием для выявления подозрительных операций и позволит своевременно пресечь такого рода активность в целях борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путём.

RegTech также эффективен в сфере управления рисками. Регуляторные технологии позволяют автоматически выявлять риски с помощью искусственного интеллекта или машинного обучения и реагировать на угрозы.

Для своевременного выявления и пресечения попыток манипулирования на финансовом рынке, а также раскрытия мошеннических схем был создан институт мониторинга транзакций RegTech-решение, позволяющее отслеживать подозрительные транзакции в режиме реального времени.

Таким образом, проанализировав сферы применения регуляторных технологий, можно прийти к выводам о том, что данные финансовые технологии направлены на автоматизацию процессов на финансовом рынке и выявление нарушений, осуществляемых поднадзорными организациями.

Надзорные технологии (Supervisory Technology, SupTech) – это информационные средства, используемые регуляторами для повышения эффективности надзора за деятельностью участников финансового рынка.

Исходя из опроса, который был проведён Институтом финансовой стабильности, среди регуляторов и технологических компаний в сфере надзорных технологий выделяют два основных института: сбор данных и анализ данных.

Сбор данных представляет собой совокупность некоторых элементов: автоматизация отчётности; проверка достоверности данных, включающих в себя

проверку их получения, полноты и правильности; визуализация полученной информации с помощью интерактивных систем и графиков для упрощения восприятия.

Автоматизация отчетности заключается в применении датацентричного подхода [2, с. 215]. Отчетность имеет ключевое значение в надзорной деятельности регулятора в отношении финансовых институтов. На сегодняшний день реализовать датацентричный подход можно двумя путями. Во-первых, с помощью оформления поднадзорными организациями в процессе своей деятельности информации о ней в соответствии с заранее определенными регулятором стандартами и направления таких данных в централизованную базу. Такой подход позволит сделать отчетность унифицированной и удобной для ее контроля. Во-вторых, посредством поступления данных от подконтрольных организаций регулятору с помощью автоматизированных процессов. Таким образом, полученная информация будет приводиться в необходимую форму [3, с. 23]. Преимуществами обоих способов является возможность регулятора отслеживать деятельность участников финансового рынка в настоящее время, а также предоставление информации в машиночитаемом виде.

Виртуальные помощники или «чат-боты» — технология, позволяющая сократить время сотрудников регулятора на обработку однотипных запросов. Технологическое решение такого рода сможет отвечать на типовые вопросы, а также направлять потребителей к уполномоченным работникам в случае сложного запроса, ответ на который не заложен в систему.

Анализ данных — другая область применения SupTech, которая также состоит из некоторых структурных элементов: анализ нарушений; выявление связанных сторон и событий; микропруденциальный надзор; макропруденциальный надзор.

Анализ нарушений позволяет идентифицировать подозрительные транзакции с целью пресечения отмывания денежных средств. Микропруденциальный надзор способствует оценке кредитных рисков с помощью автоматизированных алгоритмов. Макропруденциальный надзор — технология, позволяющая предсказать изменения уровня инфляции и цен на недвижимость.

SupTech-решения главным образом направлены на выявление правонарушений, унификацию отчетности и автоматизацию взаимодействия с поднадзорными организациями.

В силу того, что регуляторные и надзорные технологии являются новшеством, а также непосредственно относятся к сфере ИТ и регулируют такую сложную и многогранную сферу, как финансы, для них свойственен ряд серьезных рисков, которые необходимо учитывать как при разработке соответствующих технологий, так и при их применении. Можно выделить несколько категорий рисков, сопровождающих процессы внедрения и использования SupTech и RegTech.

Модельные риски, связанные с настройкой информационной системы, возникают вследствие совершения ошибок или допущения неточностей при кодировании соответствующих устройств или создании систем и инструментов, с помощью которых непосредственно реализуются финансовые технологии на рынке. Модельные риски опасны тем, что их тяжело выявить сразу при создании системы, дальнейшая некорректная функционирование технологии искажает полученные результаты анализа финансовой информации.

Репутационные риски напрямую зависят от модельных и характерны на стадии внедрения финансовых технологий. Искажение изначально верных данных в силу некорректной работы автоматизированных систем в силу их недорабо-

танности может негативным образом повлиять на деловую репутацию пользователей соответствующих технологий.

Создание регуляторных и надзорных технологий требует знаний в области программирования, аналитике данных и в сфере деятельности регулятора или поднадзорной организации, соответственно, лица, которые будут разрабатывать такие технологии, должны обладать соответствующими навыками в указанных областях. Рынок испытывает недостаток таких специалистов, так как перечисленные сферы деятельности обширны и разносторонни, поэтому требуют внушительного количества времени для должного освоения. Также стоит отметить, что помимо знаний сотрудникам необходим внушительный опыт для разработки регуляторных и надзорных технологий, так как они играют значительную роль в государственном управлении.

Финансовые технологии — сфера, связанная с угрозами хакерских атак. Новые технологии, недавно введенные в эксплуатацию, в значительной степени им подвержены [4, с. 8]. Существует необходимость не только разработки RegTech и SupTech решений, но и обеспечения их безопасного функционирования.

Риски недобросовестной деятельности. Несмотря на то, что автоматизация систем предоставления и обработки данных способствует сокращению вмешательства человека в эти процессы, нельзя исключать вероятность попыток мошеннического манипулирования новыми технологиями особенно на первоначальной стадии их внедрения, когда ряд рисков не выявлен, а сами технологии уязвимы. Для предотвращения неправомерных действий разработчикам необходимо проанализировать аналогичные сценарии действий мошенников относительно других видов финансовых технологий, сформулировать алгоритмы пресечения такой деятельности с учетом специфики RegTech и SupTech, внедрить их в соответствующие системы, а также после запуска новых технологий осуществлять мониторинг новых мошеннических схем для их своевременного предупреждения.

После кризиса 2008 года регуляторные финансовые технологии стали развиваться со стремительной скоростью, еще более интенсивной разработка стала в период пандемии. Для исследования RegTech предлагаю обратиться к опыту некоторых зарубежных стран.

Австралия. В Австралии в 2010 года был предложен способ агрегирования данных. С 2009 года на территории государства возросло количество регуляторных требований, что послужило основной причиной создания RegTech решения по сбору данных. Так, в связи с большим объемом информации, которую необходимо предоставить регулятору, повысились издержки, направленные на выполнение поставленных задач. Предоставляемые данные являлись объемными и негибкими, их перенос из одних систем учета в другие приводил к искажениям, которые в свою очередь искажали процесс надзора.

Для решения данной проблемы семь крупнейших банков Австралии приняли решение об объединении в консорциум для разработки нового способа отчетности. К 2013 появился проект «смарт-куб». Данная модель представляла собой платформу, имеющую структурированное цифровое хранилище. Проект консорциума был подготовлен на базе двух разработанных ранее программ. Программы именовались: «Abaacus» и «GMP». Первая представляла стандартизированные модули отчетности, тогда как вторая являлась платформой для сбора. По итогам их объединения сформировалась ситуация, при которой информация в «кубы» направляется напрямую от поднадзорного института регулятору в той форме, в которой та необходима для последующего контроля. Данные помещаются в цифровую ячейку, из которой уполномоченный орган может извлечь не-

обходимую информацию.

Такое технологическое решение позволяет еще на этапах сбора данных привести их в унифицированный вид и передать регулятору для дальнейшего изучения. Результатом функционирования такой системы стало повышение качества предоставляемых данных, снижение ряда связанных с процессом сбора данных издержек.

США. Для финансовой стабильности и защиты прав инвесторов Комиссия по ценным бумагам и биржам США анализирует информацию, которую акционерные общества и профессиональные участники рынка обязаны раскрывать, а также их финансовую отчетность.

В 2009 сразу после экономического кризиса 2008 года Комиссией по ценным бумагам и биржам США был создан Департамент экономики и анализа рисков. Департамент осуществляет деятельность в пределах полного цикла: от проектирования, сбора данных, обработки отчетности до аналитики предоставленной информации.

RegTech созданный Комиссией позволяет определять смысловое содержание финансовой отчетности поднадзорного объекта, для распознавания определенных структурных элементов используется специализированный словарь терминов. Комиссия по ценным бумагам и биржам США на основании анализа терминов и информации из финансовой отчетности, который проводится с использованием технологий машинного обучения, получает данные об отклонениях, проводит взаимосвязь между выявленными нарушениями и изменениями финансового состояния на рынке.

Созданное Комиссией технологическое решение регуляторного характера способствует, используя методы машинного обучения, эффективно обработать массивы информации, ускорить ряд процессов, возникающих в ходе анализа поднадзорных организаций, сформировать стратегию экономической политики на будущий период.

На основании изученных материалов и опыта зарубежных стран в сфере регуляторных технологий можно сделать следующие выводы: RegTech направлены на автоматизацию процессов на финансовом рынке, своевременное выявление нарушений поднадзорными организациями; основными разработчиками регуляторных решений становятся лица, заинтересованные во внедрении инноваций, развитии в экономическом и техническом плане. Ряд российских технологических решений в области RegTech и SupTech характеризуется высоким уровнем разработки. Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что RegTech и SupTech в России определенно ждет развитие. Насколько быстрым и успешным оно будет – покажет время. На сегодняшний день мы видим реальную заинтересованность государственного и частного сектора в развитии соответствующих технологических решений [5, с. 119]. Это отражается и в наличии документов стратегического планирования, и в реальных разработках, и в зачатках формирования правовой основы инноваций.

Библиографический список:

1. Пискарев Д. М. Управление рисками участников цифрового финансового рынка // Современные технологии управления. 2020. № 2. 19 с.
2. Курносов А. В. SupTech- и RegTech-инициативы: анализ базовых характеристик и модельных рисков // Russian Journal of Economics and

References:

1. Piskarev D. M. (2020). Risk management of digital financial market participants. Modern management technologies. 2. p. 19
2. Kurnosov A.V. (2021). SupTech- and RegTech-initiatives: analysis of basic characteristics and model risks. Russian Journal of Economics and Law. 4. pp. 215-216

4 (25) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

- Law. 2021. № 4. 215 с.
3. *Попондопуло В. Ф., Петров Д. А.* Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков и профилактики правонарушений // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2020. № 1. 23 с.
  4. *Калабихина И. Е., Досиков В. С., Волошин Д. А.* Внутренние заинтересованные пользователи финансовой и интегрированной отчетности российских компаний // Проблемы рыночной экономики. 2016. № 4. 8 с.
  5. *Халитова А. З., Растегаева Ф. С.* XBRL как новый формат цифровой отчетности экономических субъектов // Современные технологии управления. 2020. № 3 (93). 119 с.
  3. *Popondopulo V. F., Petrov D. A.* (2020). Compliance as a legal instrument for minimizing risks and preventing offenses. Bulletin of St. Petersburg State University. 1. pp. 8-10
  4. *Kalabikhina I. E., Dosikov V. S., Voloshin D. A.* (2016). Internal interested users of financial and integrated reporting of Russian companies. Problems of market economy. 8 (79). p. 23
  5. *Khalitova A. Z., Rastegaeva F. S.* (2020). XBRL as a new format of digital reporting of economic entities. Modern management technologies. 3 (93). p. 119

4 (25) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 341
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_50

Сафронова Екатерина Владимировна

katia.safronowa@yandex.ru
Студент Института государственного и
международного права Уральского государственного
юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Скворцова Анастасия Владимировна

skv.anastasia71@gmail.com
Студент Института государственного и
международного права Уральского государственного
юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Лунёв Андрей Алексеевич

Преподаватель кафедры международного и
европейского права Уральского государственного
юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Винное законодательство Австрии в рамках права Европейского Союза

Сафронова Е.В., Скворцова А.В. / Винное
законодательство Австрии в рамках права
Европейского Союза // Уральский журнал правовых
исследований. 2023. № 4. С. 50–54.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_50

Аннотация:

Вино — это алкогольный напиток, который повсеместно известен и популярен, в силу чего винная индустрия весьма обширна. Сконцентрирована она преимущественно в Европе. Именно там зародилась достаточно специфическая отрасль права — винное право. Винное право является неотъемлемой частью культуры и истории Европы. Актуальность работы заключается в изучении нормативных актов, составляющих винное право, что позволит оценить особенности развития и взаимодействия винодельческих регионов, а также выделить важность и роль традиций в производстве и потреблении вина, их отражение в европейском законодательстве. В этой статье рассматриваются основные аспекты винного права в Европе, включая исторические корни, современное состояние, а также законодательные основы и тенденции развития. Европа — разнообразный винный регион, где виноделие существует несколько тысячелетий. Винное право здесь обладает богатой историей. Начиная от первых законов по регулированию производства и продажи вина, до современных норм и стандартов, направленных на сохранение качества и аутентичности вин. В рамках данного исследования проведен анализ основных этапов развития винного законодательства в Европе, а также ключевых факторов, влияющих на его формирование. В частности, рассмотрим действующее законодательство в этой сфере на примере Австрийского винного закона, который направлен на регулирование виноделия и повышение качества вин в регионе, а также изучим предпосылки его издания. Целью статьи является изучение исторического развития винного права, его современного состояния, а также выявление закономерностей, особенностей его функционирования и тех проблем, которые сейчас стоят перед Европейским Союзом в вопросе регулирования данной отрасли права.

УДК 341
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_50

Ekaterina V. Safronova

katia.safronowa@yandex.ru
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of State and International Law, Student

Anastasia V. Skvortsova

skv.anastasia71@gmail.com
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of State and International Law, Student

Academic Supervisor:

Andrey A. Lunev

Assistant professor of the Department of International
and European Law Ural State Law University named
after V. F. Yakovlev

Austrian Wine Legislation within the Framework of European Union Law

Ekaterina V. Safronova, Anastasia V. Skvortsova /
Austrian wine legislation within the framework of
European Union law // Ural Journal of Legal Studies.
2023. No. 4. P. —. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_50

Abstract:

Wine is an alcoholic beverage that is universally known and popular, which is why the wine industry is very extensive. It is concentrated mainly in Europe. And it was there that a rather specific branch of law was born — wine law. Wine law is an integral part of the culture and history of Europe. The relevance of the work lies in the fact that the study of normative acts that make up wine law will allow us to better understand the peculiarities of the development and interaction of wine regions, as well as the importance and role of traditions in the production and consumption of wine and their reflection in European legislation. In this article we will look at the main aspects of wine law in Europe, including historical roots, current state, as well as legislative foundations and development trends. Europe is one of the oldest and most diverse wine regions in the world, where winemaking has existed for thousands of years. Wine law here has a rich history, starting from the first laws regulating the production and sale of wine, to modern norms and standards aimed at preserving the quality and authenticity of wines. This study will analyze the main stages of the development of wine legislation in Europe, as well as the key factors influencing its formation. In particular, we will consider the current legislation in this area on the example of the Austrian Wine Law, which is aimed at regulating winemaking and improving the quality of wines in the region, and also study the prerequisites for its publication. The purpose of the article is to study the historical development of wine law, its current state, as well as to identify patterns, features of its functioning and the problems that the European Union is currently facing in the regulation of this branch of law.

Ключевые слова:

Европейское право, вино, винное право, Австрийский винный закон, Европейский Союз.

Keywords:

European law, wine, wine law, Austrian Wine Law, European Union.

Европейское винное законодательство начало формироваться после Второй мировой войны. Формированию данной области права послужило перепроизводство вина из-за внедрения технологических инноваций, которые привели к увеличению производства вина, в то время как спрос оставался прежним. Тогда Европейское экономическое сообщество (далее – ЕЭС) вмешалось в регулирование рынка с целью обеспечить гарантии продаж вина и сохранить большие площади виноградников. Данная политика ЕЭС только усугубила проблему перепроизводства вина. Большая часть истории винного законодательства была связана именно с проблемой перепроизводства вина [1, с. 45].

В 1978 году введен запрет на увеличение площади виноградников, были созданы требования об обязательной перегонке излишков вина в технический спирт.

В это же время в ведущих винодельческих странах внутреннее потребление недорого вина стало снижаться. Стало понятно, что часть виноградников не может производить вино необходимого качества, и в 1980-х годах было введено финансовое стимулирование по выкорчевыванию «низкосортных» лоз. Это позволило уменьшить перепроизводство вина [2, с. 91].

В 1999 году Постановлением Совета Европейского Союза (далее – ЕС) № 1493/1999¹ были определены законы, регулирующие виноградарско-винодельческий потенциал; винодельческие приемы и процессы; обозначение, оформление и защиту продукции; состав качественного вина и др.

Однако реформа 1999 года не привела к желаемым результатам. И ЕС снова вернулся к сокращению производства вина. В 2008 году было принято Постановление Совета ЕС № 479/2008², целью которого являлось поднятие конкурентоспособности производителей вина стран-участниц ЕС и сохранение лучших традиций виноделия. Это Положение о рынке вина ЕС было интегрировано в 2009 году в Единую систему регулирования рынка. В данном положении регламентируются основы винодельческого права, обязательные для всех стран-членов ЕС. Например, система законов о закладке виноградников, инструментальная субсидирования и рыночных интервенциях (дистилляция, корчевание и т.д.), а также разрешенные методы виноделия, защита происхождения и регламент маркировки вин.

Национальные законы о виноделии стран-членов ЕС формируют «мост» между общей системой регулирования и условиями производства вина в конкретной стране.

Австрийский винный закон входит в структуру законодательства ЕС в области виноделия. Данный закон в дополнение к Постановлению Совета ЕС № 479/2008 о рынке вина содержит следующие положения:

- Производство и правильная экологическая обработка вина, а именно регу-

1 Council Regulation (EC) No 1493/1999 of 17 May 1999 on the common organisation of the market in wine // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A31999R1493> (дата обращения: 15.10.2023).

2 Council Regulation (EC) No 479/2008 of 29 April 2008 on the common organisation of the market in wine, amending Regulations (EC) No 1493/1999, (EC) No 1782/2003, (EC) No 1290/2005, (EC) No 3/2008 and repealing Regulations (EEC) No 2392/86 and (EC) No 1493/1999 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02008R0479-20081216> (дата обращения: 15.10.2023).

лируются процессы шапталлизации³, понижения кислотности, купажирования и др.

- Определение уровней качества.
- Места происхождения вин, использование традиционных обозначений.
- Регулирование контроля за винодельческим сектором (отчеты, ведение реестре виноградников и др).
- Субсидирование винодельческой промышленности.
- Ответственность за нарушение правил виноделия (пени, штрафы).

Австрийский Винный закон также, как и законодательство ЕС различает вина с указанием географического места происхождения и без него[3].

1. Вино без географического указания:

а) Вино (Wein) – данный термин заменяет ранее использовавшийся термин «Tafelwein», что означает столовое вино. Напиток с маркировкой «Wein» может поступить в реализацию при соблюдении следующих условий:

- допустимая маркировка места происхождения: «Австрия», «австрийское вино», «вино из нескольких стран Европейского союза». Более точное указание места происхождения не допускается;
- для вин такого сорта запрещается использование сортов винограда с защищенным наименованием места происхождения или географическим указанием, например, «блауфренкиш»;
- вино должно отражать характеристики, которые являются типовыми для данного сорта винограда и года урожая;
- вино не должно иметь дефектов внешнего вида, запаха и вкуса.

б) Австрийское игристое вино (Österreichischer Sekt). Под таким названием вино может продаваться только в случае, если оно произведено исключительно из 40 сортов винограда. Данное вино относится к категории вин без защищенного наименования места происхождения либо географического указания с обозначением сорта винограда или года урожая. Поэтому на таком вине место происхождения может быть указано следующим образом: «австрийское игристое вино» или «произведено в Австрии».

2. Вино с защищенным географическим указанием. К таким винам относят местное вино (Landwein). Для вин данной категории разрешено использовать наименования винодельческих регионов. В реализацию такое вино поступает при соблюдении следующих условий:

- произведено из винограда, который собран в одном из винодельческих регионов: Вайнланд, Штайрерланд, Бергланд;
- произведено из сортов винограда, разрешенных к использованию для изготовления качественного вина;
- в виноградном соке содержится минимальная плотность сусла 14° по шкале КМВ (Клостернойбургской таблицы веса сусла)⁴, а фактическое содержание спирта составляет менее 8,5% об.;
- кислотность должна составлять не менее 4 г/л;
- не должна быть превышена максимальная урожайность с гектара (7500 л

3 Шапталлизация – прием винодельной техники, предложенный в 1800 г. знаменитым французским химиком Шапталем, который состоит в подсахаривании виноградного сусла, полученного из незрелого винограда и одновременно в уменьшении кислотности сусла при помощи нейтрализации части кислот углекислой известью в виде мрамора или мела.

4 Клостернойбургская таблица веса сусла (КМВ) и Шкала Эксле (Ö)Клостернойбургская таблица веса сусла была разработана в 1896 году для определения содержания сахара в винограде господином Фрайхер фон Бабо. Таблица указывает содержание сахара в процентах по весу, например, 1°КМВ соответствует 1% сахара.

на гектар или 10 000 кг винограда на гектар);

3. Вино с защищенным наименованием места происхождения.

а) Qualitätswein (качественное вино). Такое вино поступает в реализацию при соблюдении следующих условий:

- вино произведено исключительно из винограда, который был собран в одном винодельческом регионе, а производилось в винодельческой области данного винодельческого региона;
- вино должно быть произведено только из тех сортов винограда, которые разрешены к использованию в производстве качественных вин;
- плотность сусла 15° по шкале Клостернойбургской таблицы веса сусла;
- вино должно отвечать минимальным требованиям для присвоения государственного номера при проведении экспертизы;
- не должна быть превышена максимальная урожайность с гектара;

Такое вино поступает в продажу только после проверки государственной дегустационной комиссией, а на этикетке должен быть указан государственный контрольный номер.

б) Австрийское игристое вино (качественное игристое вино, Зект) с защищенным наименованием происхождения. Условия использования обозначения качественного игристого вина с защищенным наименованием места происхождения:

- сбор винограда проходит в федеральной земле Австрии;
- выдержка на осадке не менее 9 месяцев;
- максимальное содержание спирта – 12,5 % об.;
- обязательно указание федеральной земли в качестве защищенного наименования места происхождения.

Обязательным критерием для всех категорий вин является то, что вино не должно иметь дефектов вида, запаха и вкуса.

Таким образом, законодательство Австрии регулирует не только действующую по всей Европе классификацию по месту происхождения. Винные законы Австрии содержат требования к происхождению и сорту винограда, разрешенные методы виноделия. Законы Австрии о вине регулируют урожайность винограда, отсутствие шаптализации, общую кислотность вина и плотность сусла [4]. Компетентными органами по контролю за всеми винами являются Федеральная винодельческая инспекция и Федеральное управление виноградарства в городе Айзенштадт, а также Высшая Федеральная школа и Федеральное управление виноградарства и плодоводства в городе Клостернойбург.

Такому строгому регулированию винного права послужил Австрийский диэтиленгликолевый винный скандал. В 1985 году несколько австрийских виноделен незаконно использовали в своих винах токсичное вещество диэтиленгликоль (далее – ДЭГ)⁵, чтобы придать винам более сладкий вкус и плотность вин, как у более позднего урожая. Австрийские вина экспортировали в Германию, где все вина, которые поступали в продажу, проходили контроль качества в винных лабораториях. Именно при такой проверке нарушение закона австрийскими виноделами было раскрыто. Все вина, в которых был обнаружен ДЭГ были изъяты из продажи, а виноделы Австрии и Германии были приговорены к заключению, некоторым назначены крупные штрафы. Результатом этого скандала стала потеря репутации всей австрийской винодельческой промышленности. Австрии потребовалось более десяти лет, чтобы восстановить «винную» репутацию.

В заключение стоит сказать, что винное право является важным элементом

5 Диэтиленгликоль – второстепенный ингредиент в некоторых марках антифриза.

культуры и экономики Европы, имеющим богатую историю и традиции. Оно отражает не только отношение к данному направлению промышленности, но и демонстрирует специфику правовой природы Европы в целом.

Винное право имеет долгую историю, которая началась еще в древние времена. С тех пор законодательство постоянно менялось, адаптируясь к новым условиям и требованиям. На то влияло множество факторов: появление новых технологий на производстве, социальные и экологические требования к продуктам данной индустрии. Но, несмотря на многочисленные изменения, в приоритете всегда остается сохранение и поддержание традиций винодельческой культуры и производства. Правовое регулирование винной индустрии играет ключевую роль в этом вопросе.

В статье рассмотрены основные аспекты винного права в Европе. Были изучены исторические корни и законодательное регулирование виноделия, а также на примере Австрийского винного закона рассмотрены современные тенденции и способы регулирования винодельческой промышленности региона.

Мы можем говорить о том, что сегодняшнее развитие винного права направлено на обеспечение качества и безопасности продукции, поддержку местных производителей и сохранение традиций. Законодательство постоянно совершенствуется, учитывая новые технологии и требования потребителей.

Однако, несмотря на то, что винное право как отрасль в Европе существует продолжительное время, оно не лишено своих проблем. Ключевая из них — формирование общего рынка вина в Европейском Союзе [5, с. 319]. Несмотря на наличие общих правил, винное производство каждой страны, входящей в ЕС, имеет некоторые отличительные особенности в силу специфики винодельческого региона, сорта сырья, технологии производства и других факторов. Сейчас приоритетная цель современного винного права состоит в создании единообразного, целостного нормативного регулирования вопросов, касающихся соответствующей индустрии.

Библиографический список:

1. *Табаринцева-Романова К.М.* Формирование общего рынка вина ЕС: этапы и динамика // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2015. №1. С. 45-48.
2. *Сидамон-Эристави А.Д.* Европейское виноделие в условиях Единой аграрной политики (ЕАП) ЕС в конце XX — начале XXI вв. // Сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 19-22.
3. *Симонова-Хитрова М.Ю.* Современная система регулирования виноделия стран ЕС // Торговая политика. 2017. №2. С. 112-129.
4. *Берзин В.А.* Государственная политика в области винодельческого виноградарства, производства, оборота и потребления винодельческой продукции: монография. - М. 2010. С. 603.
5. *Табаринцева-Романова К.М.* Перспективы формирования общеевропейского рынка вина // Интеграция России в мировую экономику: новые парадигмы экономической культуры: материалы V Международной научно-практической конференции: в 4-х ч. Екатеринбург: УрФУ, 2011. Ч. 1. С. 317-324.

References:

1. *Tabarintseva-Romanova K.M.* (2015). Formation of the common EU wine market: stages and dynamics // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 1. pp. 45-48
2. *Sidamon-Eristavi A.D.* (2018). European winemaking in the conditions of the Unified Agrarian Policy (EAP) of the EU at the end of the XX — beginning of the XXI centuries. // collection of articles of the XVII International Research Competition. Penza: ICNS "Science and Education", pp.19-22
3. *Simonova-Khitrova M.Yu.* (2017). The modern system of regulation of winemaking in the EU countries // Trade Policy. 2017. 2. pp. 112-129
4. *Berzin V.A.* (2010). State policy in the field of wine viticulture, production, turnover and consumption of wine products: Monograph. Moscow. p. 603
5. *Tabarintseva-Romanova K.M.* (2011). Prospects for the formation of a pan-European wine market // Integration of Russia into the world economy: new paradigms of economic culture: materials of the V International Scientific and Practical Conference: in 4 parts, Yekaterinburg: UrFU. Part 1. pp. 317-324

4 (25) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 343.13
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_55

Окунева Виктория Александровна

vic.okuneva22072001@yandex.ru
Студент Юридического института Вятского государственного университета

Профатило Кристина Александровна

profatilo2001@mail.ru
Студент Юридического института Вятского государственного университета

Научный руководитель:

Коновалова Алла Борисовна

Доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Юридического института Вятского государственного университета, кандидат юридических наук

Частное обвинение как вид уголовного преследования: проблемы и перспективы правовой регламентации

Окунева В. А., Профатило К. А./Частное обвинение как вид уголовного преследования: проблемы и перспективы правовой регламентации // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 4. С. 55–68. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_55

Аннотация:

Обеспечение безопасности личности, общества и страны является основой каждого правового государства. Данная деятельность осуществляется, в частности, посредством закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) составов посягательств, признаваемых преступными, и механизма выявления и привлечения лиц к установленной законом ответственности, который регламентируется уголовно-процессуальным законодательством, требующим вмешательства со стороны государства. Однако уголовное преследование может осуществляться не только в публичном порядке. Законодатель наделил граждан в определенных случаях правом самостоятельного инициирования уголовного преследования по делам частного обвинения. Частное обвинение как вид уголовного преследования является наименее распространенным в структуре уголовного судопроизводства и охватывает всего три состава преступления, предусмотренных ч.1 ст.115, ч.1 ст.116.1 и ч.1 ст. 128.1 УК РФ. В ходе анализа правоприменительной практики приходится констатировать, что количество возбужденных дел невелико, но это не значит, что права и законные интересы граждан не нарушаются. В данной работе рассматриваются проблемы законодательной регламентации, влекущие неэффективность осуществления частного обвинения как процессуального института, рассогласованность правоприменительной практики, ошибки, допускаемые частными обвинителями при осуществлении уголовного преследования, защите своих прав, в том числе при подаче заявления в суд, доказывании правомерности притязаний на восстановление нарушенных прав, возмещение причиненного вреда. Данные проблемы влияют на количество рассматриваемых дел и практически превращают институт частного обвинения в правовую фикцию. После проведения анализа уголовного и

УДК 343.13
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_55

Victoria A. Okuneva

vic.okuneva22072001@yandex.ru
Vyatka State University
Institute of Law, Student

Kristina A. Profatilo

profatilo2001@mail.ru
Vyatka State University
Institute of Law, Student

Academic Supervisor:

Alla B. Konovalova

Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security, Law Institute of Vyatka State University, Candidate of Juridical Sciences

Private Prosecution as a Type of Criminal Prosecution: Problems and Prospects of Legal Regulation

Victoria A. Okuneva, Kristina A. Profatilo / Private prosecution as a type of criminal prosecution: problems and prospects of legal regulation // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 4. P. 55–68. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_55

Abstract:

Ensuring the security of the individual, society and country is the basis of every legal state. This activity is carried out, in particular, by enshrining in the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation) the elements of offenses recognized as criminal, and the mechanism for identifying and bringing persons to responsibility established by law, which is regulated by criminal procedural legislation that requires intervention from the state. However, criminal prosecution can be carried out not only in public. The legislator has given citizens in certain cases the right to independently initiate criminal prosecution in cases of private prosecution. Private prosecution as a type of criminal prosecution is the least common in the structure of criminal proceedings and covers only three elements of crime provided for in Part 1 of Article 115, Part 1 of Article 116.1 and Part 1 of Art. 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the course of analyzing law enforcement practice, it must be noted that the number of cases brought is small, but this does not mean that the rights and legitimate interests of citizens are not violated. This work examines the problems of legislative regulation that entail the ineffectiveness of private prosecution as a procedural institution, inconsistency in law enforcement practice, mistakes made by private prosecutors when carrying out criminal prosecution, protecting their rights, including when filing an application in court, proving the legitimacy of claims for the restoration of violated rights, compensation for harm caused. These problems affect the number of cases being considered and practically turn the institution of private prosecution into a legal fiction. After analyzing criminal and criminal procedural legislation, and a number of other laws, we have proposed ways to optimize the institution of private prosecution. However, we came to the conclusion that such optimization will not entail an increase in the efficiency

уголовно-процессуального законодательства, ряда других законов, нами предложены пути по оптимизации института частного обвинения. Однако мы пришли к выводу, что такая оптимизация не повлечет за собой увеличения эффективности данного института, поэтому предлагаем аннулировать частное обвинение как самостоятельный вид уголовного преследования и трансформировать дела частного обвинения в частно-публичное осуществление уголовного преследования.

Ключевые слова:

частное обвинение, уголовное преследование, потерпевший, сторона обвинения, уголовное судопроизводство.

of this institution, therefore we propose to abolish private prosecution as an independent type of criminal prosecution and transform private prosecution cases into private-public criminal prosecution.

Keywords:

private prosecution, criminal prosecution, victim, prosecution, criminal proceedings.

Уголовное судопроизводство является публичной отраслью права, т.е. уголовное преследование осуществляется от имени государства уполномоченными на то субъектами, а также в интересах государства и для восстановления публичной законности, которые выражаются в изобличении и привлечении виновного лица к уголовной ответственности, разрешении и рассмотрении уголовного дела по существу, назначении наказания или освобождении от уголовной ответственности, восстановлении нарушенных прав участников судопроизводства, возмещении причиненного ущерба.

Несмотря на то, что уголовный процесс является публичной отраслью права, ему также присущи диспозитивные начала, выражающиеся в приоритете частных интересов над общественными и государственными. К элементам диспозитивности относятся: институт частного обвинения, возможность потерпевшего и его представителя участвовать в уголовном преследовании обвиняемого по всем преступлениям, правомочие выступать в качестве частного обвинителя, примириться с обвиняемым и ряд других.

Под частным обвинением понимается один из видов уголовного преследования, осуществляемый потерпевшим и (или) его законным представителем путём подачи заявления в суд для привлечения к уголовной ответственности в соответствии с ч.1 ст.115, ч.1 ст.116.1, ч.1 ст.128.1 УК РФ¹. С момента принятия судьей заявления к своему производству лицо становится частным обвинителем, обладающим определенными правами и реализующим возложенные обязанности, в частности, самостоятельно инициировать уголовное преследование от своего имени без проведения предварительного следствия или дознания, что не вписывается в концепцию уголовного процесса как публично-правовой деятельности [1].

Нами были проанализированы итоговые и промежуточные решения, выносимые при производстве по уголовным делам частного обвинения мировыми судьями судебных участков г. Кирова.

В г. Кирове за период с 2012 по 2022 год было подано 662 заявления по делам частного обвинения. Из них по 359 заявлениям было вынесено постановление об отказе в принятии заявления к своему производству. Данное промежуточное решение выносится в том случае, когда в поданном заявлении не указаны данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, поскольку в данном случае согласно ч.4 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), такое уголовное дело может быть возбуждено руководителем

1 Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022). // Собр. Законодательства Рос. Федерации.1996. № 25. Ст. 2954.

следственного органа, следователем или с согласия прокурора дознавателем в соответствии с их подследственностью². Тем самым практически половина дел частного обвинения возбуждается и расследуется должностными лицами, что свидетельствует о подмене частного обвинения частно-публичным.

Постановление о возвращении заявления лицу, его подавшему, было вынесено в отношении 37 заявлений, составленных с нарушением требований процессуальной формы, в частности, из-за отсутствия в данном заявлении подписи потерпевшего, а также в связи с отсутствием списка свидетелей, которым необходимо явиться в суд.

При вынесении мировым судьей постановления об отказе в принятии заявления к своему производству или о возвращении заявления лицу,

отсутствует законодательно закрепленная обязанность суда разъяснить заявителю порядок обжалования этих промежуточных решений. Согласно ч.3 ст. 389.2 УПК РФ вышеуказанные постановления подлежат самостоятельному обжалованию (могут обжаловаться при отсутствии итогового решения) в течение 15 суток со дня вынесения данных постановлений, и апелляционная жалоба подается через суд первой инстанции, вынесший обжалуемое решение. Из-за отсутствия у заявителя должных знаний и в случаях, когда судом не было разъяснено данное право, возникают сложности с подачей жалобы, нарушаются сроки обжалования, а в последующем в их восстановлении может быть отказано ввиду неуважительности причины пропуска срока апелляционного обжалования. Фактически конституционное право на обжалование не реализуется или его реализация существенно затруднена.

В отношении 39 дел было вынесено постановление о передаче уголовного дела по подсудности. По общему правилу, заявление подаётся в суд по месту совершения преступления, в данных случаях это правило не было соблюдено потерпевшим. При нарушении правил о подсудности во время подачи заявления потерпевшим, УПК РФ не регламентированы дальнейшие действия судьи по данному заявлению. В ст. 319 УПК РФ предусмотрены следующие основания для вынесения судьей постановления об отказе в принятии заявления к своему производству:

отсутствие в заявлении данных о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;

указание в заявлении в качестве лица, привлекаемого к уголовной ответственности, «специального» субъекта, относительно которого должно вестись особое производство в отношении отдельной категории лиц. При этом мировой судья вправе вынести вышеуказанное постановление как в момент рассмотрения заявления, так и в ходе судебного заседания.

Из буквального толкования уголовно-процессуального законодательства усматривается отсутствие такого основания для отказа в принятии заявления, как нарушение правила о подсудности потерпевшим, в тоже время, ни одна из норм главы 41 УПК РФ не отсылает к общей норме, предусмотренной ст. 34 УПК РФ, что ведёт к противоречивой судебной практике.

Таким образом, некоторые судьи руководствуются аналогией закона и в соответствии со ст. 34 УПК РФ выносят постановление о передаче заявления по подсудности. Другие же судьи отказывают в принятии заявления к своему производству.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023)(с изм. и доп., вст. в силу с 11.08.2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 52 (часть 1). Ст. 4921.

Мы предлагаем два альтернативных пути устранения данного пробела в праве:

Внести изменения в ст. 319 УПК РФ, а именно добавить ч.1.3 и изложить ее в следующей редакции: «В случаях, если заявление подано с нарушением территориальной подсудности, предусмотренной ст. 32 настоящего Кодекса, мировой судья выносит постановление о направлении данного уголовного дела по подсудности». Однако на практике возможно возникновение проблем, связанных с тем, что суд, рассматривающий заявление, и суд, к подсудности которого отнесено законом данное уголовное дело, могут находиться на значительном расстоянии друг от друга, поэтому появляется проблема в передаче данного заявления, финансировании при его отправке, возможной затруднительности для потерпевшего являться по вызовам ввиду значительной удаленности его местонахождения от суда и состояния здоровья;

Внести изменения в ст. 319 УПК РФ, а именно добавить ч.1.3 и изложить ее в следующей редакции: «В случаях, если заявление подано с нарушением территориальной подсудности, предусмотренной ст. 32 настоящего кодекса, мировой судья отказывает в принятии заявления к своему производству».

Постановление о прекращении уголовного дела было вынесено по 120 делам. Данное итоговое решение выносится в случаях, предусмотренных ст. 24-25.1 УПК РФ. Нередко уголовные дела прекращаются в связи с неявкой частного обвинителя без уважительной причины в судебное заседание, в то время как неявка государственного обвинителя в каждом случае влечет за собой отложение судебного разбирательства. На законодательном уровне не установлен перечень причин, которые являются уважительными [2]. В каждом конкретном случае судья, руководствуясь субъективным усмотрением, решает вопрос о том, является ли причина таковой, что может привести к произволу и незаконному прекращению уголовного дела. Так, по уголовному делу №10-110/2017 (1-34/17 (81) Советский районный суд г. Красноярск 13 октября 2017 года вынес апелляционное постановление, которым отменил решение нижестоящего суда о прекращении уголовного дела на основании п.5 ч.1 ст. 24 УПК РФ (в связи с неявкой без уважительной причины частного обвинителя в суд)³. Основанием для принятия судом первой инстанции данного постановления послужили неоднократность неявки в судебное заседание частного обвинителя, а также отсутствие доказательств, подтверждающих наличие уважительных причин. При этом суд апелляционной инстанции указал на то, что при решении вопроса о прекращении уголовного дела по п.5 ч.1 ст. 24 УПК РФ нижестоящий суд должен был удостовериться в наличии или отсутствии уважительных причин, а также разъяснить частному обвинителю необходимость предоставить доказательства и результаты исследования, оценки доказательств. При этом, как указал судья Советского районного суда, в каждом случае необходимо устанавливать наличие у лица нежелания поддерживать частное обвинение.

В целях недопущения незаконного и необоснованного прекращения уголовного дела в связи с неявкой без уважительной причины частного обвинителя в суд, считаем необходимым дополнить ст. 319 УПК РФ ч.7 и изложить ее следующим образом: «В случае неявки частного обвинителя, извещенного надлежащим образом, к назначенному времени в судебное заседание, мировой судья должен принять решение об отложении судебного заседания и направить частному обвинителю уведомление о необходимости представить доказательства,

3 Апелляционное постановление Советского районного суда г. Красноярск от 13.10.2017 г. по делу №10-110/2017 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.05.2023).

подтверждающие наличие у него уважительных причин неявки, в срок, установленный судом. В случае непредставления таких доказательств, мировой судья принимает решение о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному п.5 ч.1 ст. 24 УПК РФ».

Также находим целесообразным внести изменения в ч.7 ст. 318 УПК РФ и дополнить ее обязанностью мирового судьи не только разъяснять частному обвинителю его права и обязанности, предусмотренные ст. 42 и 43 УПК РФ, но и указать ему на последствия неявки в судебное заседание без уважительной причины.

Уголовные дела частного обвинения довольно часто прекращаются в связи с примирением сторон, вследствие чего среди ученых и практикующих юристов ведётся дискуссия по поводу необходимости включения и использования в уголовно – процессуальной деятельности института медиации. Дискуссию начал профессор Московской академии Следственного комитета РФ, академик Международной славянской академии, д.ю.н. Юрий Голик, который отметил положительные черты введения данного института, а именно:

Упрощение уголовного процесса, выражающееся в отсутствии необходимости проведения судебного заседания, исследования и оценки доказательств, назначения наказания, распределения процессуальных издержек и т.п.;

Удешевление всей системы уголовного судопроизводства.

Мы поддерживаем мнения ученых, которые высказывались за нецелесообразность введения медиации в уголовное судопроизводство, и, в частности, по делам частного обвинения. Наша позиция основана на практике применения института медиации в гражданско-процессуальном праве, которая выявила ряд недостатков данного института.

Во-первых, до сих пор нет единой точки зрения по поводу того, какие требования должны предъявляться к образованию медиатора. Анализируя профессиональный стандарт, часть правоведов указывает, что медиатор должен иметь высшее юридическое образование, поскольку в рамках процесса решаются правовые вопросы, однако другие ученые придерживаются мнения, что данное лицо должно иметь образование психолога, потому как во время процедуры медиации необходимо помочь сторонам в преодолении спора и найти компромисс.

Во-вторых, в УК РФ и УПК РФ существует институт освобождения лица от уголовной ответственности, разновидностями которого являются: примирение сторон, в частности, по делам частного обвинения; прекращение уголовного дела в связи с возмещением вреда; прекращение уголовного дела с возложением обязанности по уплате судебного штрафа и т.п., поэтому введение процедуры медиации лишь усложнит сложившуюся правоприменительную практику и усложнит реализацию процедур, подтвердивших свою практическую значимость десятилетиями правоприменительной деятельности.

По результатам рассмотрения 662 дел только по 43 заявлениям были вынесены как обвинительные, так и оправдательные приговоры суда.

На основании данного анализа можно сделать вывод, что большинство дел не доходят до стадии судебного разбирательства и тем самым не рассматриваются по существу. Кроме того с введением Федерального закона «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 27.12.2018 № 509-ФЗ (последняя редакция) ст. 116.1 УК РФ исключена из подсудности мирового судьи и передана районным судам, что на практике приводит к тому, что потерпевшие не знают, в какой суд необходимо подавать заявление для привлечения к уголовной ответственности в соответствии со статьей

116.1 УК РФ⁴. Также районные суды отказывают в принятии данного заявления, поскольку отсутствует норма, регламентирующая его полномочия по поступившему уголовному делу частного обвинения.

Мы считаем, что данная проблема связана с тем, что заявитель является лицом, не обременённым юридическими познаниями, навыками профессиональной правоприменительной деятельности. Если по делам частного-публичного и публичного обвинения уголовное преследование осуществляют лица, обладающие профессиональными знаниями в области юриспруденции (следователь, дознаватель, прокурор и т.д.), то по делам частного обвинения его осуществляет «обыватель» [3]. Также на эту проблему влияет частичное нарушение принципа состязательности и равноправия сторон, заключающееся в предоставлении юридической помощи в лице адвоката (в том числе по назначению) обвиняемому, в то время как частный обвинитель должен самостоятельно защищать и отстаивать свои права при отсутствии у него должного понимания основ ведения уголовного преследования. Согласно статье 48 Конституции РФ право на получение квалифицированной юридической помощи гарантируется каждому гражданину,⁵ однако, у лиц, пострадавших от действий виновного, в большинстве случаев отсутствуют денежные средства на квалифицированную юридическую помощь, вследствие чего они не могут воспользоваться данным правом в связи с затруднительностью или невозможностью несения финансовых затрат.

Отсутствие у потерпевшего знаний в области юриспруденции на практике ведёт к их обращению не в суд по месту совершения преступления, а в ближайший отдел полиции Управления министерства внутренних дел. Как правило, данные лица обращаются с заявлением к участковому уполномоченному полиции для осуществления им предварительной проверки и принятия решения по данному заявлению, что не входит в круг его полномочий. Однако настойчивость граждан «вынуждает» должностное лицо принять данное заявление, произвести проверку и при наличии признаков преступлений передать данное заявление в соответствующий следственный орган или орган дознания для последующего принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении.

Нередки случаи, когда участковый уполномоченный полиции приобретает процессуальный статус и полномочия дознавателя путем вынесения приказа, например, начальником РОВД. В связи с этим, у него появляется право на возбуждение и расследование уголовных дел, что на практике вызывает ряд проблем. Данное должностное лицо не обладает необходимыми знаниями для расследования уголовных дел и проведения следственных и иных процессуальных действий, так как одной из его основных функций является проверка сообщений о совершении лицами административных правонарушений и привлечение данных лиц к административной ответственности.

Также законодатель наделяет обвиняемого правом на отказ от защитника при судебном производстве у мирового судьи в соответствии со ст. 52 УПК РФ и возможностью осуществления защиты лицом, о допуске которого ходатайствует подсудимый. Иным лицом может являться любой гражданин, в том числе, не обладающий знаниями в области юриспруденции. Таким образом, в процессе

4 О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 27.12.2018 г. № 509 - ФЗ (ред. 27.12.2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 53 (часть 1). Ст. 8435.

5 Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами о поправках к Конституции от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ): Конституция Рос. Федерации от 12 декабря 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31.

по делам частного обвинения появляются три субъекта, не обладающих специальными юридическими познаниями, не способных в полной мере защитить свои права и законные интересы, что делает институт частного обвинения менее эффективным.

На практике также возникают проблемы при собирании доказательств частным обвинителем, ввиду затруднительности определения предмета, пределов и средств доказывания. Так, например, статья 128.1 УК РФ предусматривает ответственность за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. На практике доказывание факта того, что сведения, распространенные виновным лицом, были заведомо ложными, вызывает трудности не только у потерпевшего, но и у должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование.

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Крым по уголовному делу о распространении заведомо ложных сведений № 22-952/2017 была оставлена без удовлетворения апелляционная жалоба частного обвинителя, а оправдательный приговор без изменения⁶. Маметов Н.А. выдвинул в отношении Король В.И. и Король Т.Г. обвинение по ч.1 ст. 128.1 УК РФ. В ходе судебного заседания частным обвинителям были даны показания, в которых он утверждал о том, что подсудимые, имея единый умысел, распространили о нём заведомо ложные сведения, т.е. обвинили Маметова в хищении электроэнергии. Рассмотрев уголовное дело по существу и не установив наличия в действиях Король В.И. и Король Т.Г. состава преступления, суд первой инстанции постановил оправдательный приговор. Маметов Н.А. принёс апелляционную жалобу по основанию несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела.

Суд апелляционной инстанции не согласился с доводами апелляционной жалобы, в связи с отсутствием достоверных доказательств факта распространения подсудимыми именно заведомо для Король В.И. и Король Т.Г. ложных сведений с целью опорочения чести и достоинства потерпевшего Маметова Н.А., что послужило основанием для оставления жалобы без удовлетворения, а оправдательного приговора без изменения.

Также в соответствии со ст. 86 УПК РФ частный обвинитель не является субъектом собирания доказательств. В законодательстве не предусматриваются процессуальные способы получения частным обвинителем сведений, которые являются доказательствами. Кроме того, частный обвинитель не обладает властными полномочиями, следовательно, у граждан и организаций не возникает обязанности предоставлять запрашиваемую информацию или материалы.

Также стоит отметить, что частный обвинитель в связи с отсутствием у него должных знаний уголовно-процессуального законодательства не всегда знает об условиях процессуальной доброкачественности собранных сведений. Согласно ст.88 УПК РФ все доказательства должны быть относимыми (иметь значение для данного уголовного дела), допустимыми (собранными законным путём) и достоверными (имеющие источник подтверждения), а в совокупности - достаточными для того, чтобы подтвердить или опровергнуть обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Исходя из анализа рассмотренных нами судебных решений, можно сделать вывод, что, в частности, доказательства, представленные частным обвинителем как участником со стороны обвинения, не обладают такими свойствами как

6 Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым г. Симферополь от 13.04.2017 г. по делу № 22-952/2017 // URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 14.06.2023).

допустимость и достоверность, а также не отвечают требованию достаточности.

Однако частный обвинитель вправе ходатайствовать об оказании содействия судом в собирании таких доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно. Но в то же время, необходимо понимать, что суд не вправе самостоятельно собирать или истребовать доказательства, а равно указывать частному обвинителю или обвиняемому на то, какая доказательственная база должна быть представлена, поскольку в соответствии со ст. 15 УПК РФ суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. При самостоятельном истребовании доказательств или инициативном оказании помощи какой-либо стороне суд становится на сторону обвинения или защиты, что является недопустимым и влечет за собой принятие незаконного приговора или иного итогового решения[4]. В свою очередь, нарушение принципа состязательности может повлечь отмену приговора или иного судебного решения с назначением нового судебного заседания, а также признание доказательств, собранных с нарушением данного принципа, недопустимыми.

Хотя в законе предусмотрено полномочие суда оказывать содействие в собирании доказательств, частному обвинителю затруднительно реализовать указанное правомочие ввиду незнания, какую именно доказательственную базу ему нужно собрать для поддержания обвинения в суде, каким образом формализовать имеющиеся материалы. Исходя из этого, частный обвинитель не собирает необходимые доказательства, не предоставляет их в суд и тем самым не может доказать причастность лица к совершенному им деянию (виновность лица).

Для подтверждения сделанных нами выводов, приведем пример. Так, по делу № 1-2/2018-2 приговором от 10.05.2018 года мировым судьей судебного участка №2 Северодвинского судебного района Архангельской области был оправдан по п.2 ч.2 ст.302 УПК РФ гражданин Беляков М.М., обвиняемый в причинении лёгкого вреда здоровью, предусмотренного ч.1 ст.115 УК РФ⁷. Из показаний частного обвинителя стало известно, что 18.10.2016 года в промежутке между часом и двумя ночи из соседней квартиры доносилась громкая музыка, в связи с этим он вышел на лестничную площадку и постучал в дверь, затем её открыл гражданин Беляков М.М. и после фразы: «Ты чего, сосед?», нанес потерпевшему несколько ударов кулаком в лицо. Впоследствии из квартиры обвиняемого выбежали ещё трое мужчин и начали наносить удары потерпевшему. Частный обвинитель от ударов испытал острую физическую боль.

В судебном заседании со стороны обвинения была предоставлена следующая доказательственная база: рапорт оперативного дежурного дежурной части ОМВД; протокол осмотра места происшествия; заключение эксперта, согласно которому у потерпевшего выявлена ушибленная рана верхней губы, оцениваемая как причинение лёгкого вреда здоровью; вызваны 2 свидетеля, в их числе, супруга частного обвинителя и сосед.

Со стороны защиты были предоставлены следующие доказательства: запись акта судебно-медицинского освидетельствования, подтверждающая отсутствие у Белякова каких-либо повреждений на руках, а также были вызваны 3 свидетеля, находящиеся в ту ночь в гостях у обвиняемого.

Исходя из предоставленных доказательств, суд пришёл к выводу о непричастности Белякова М.М. к инкриминируемому деянию. Однако, факт причинения частному обвинителю лёгкого вреда здоровью нашёл своё подтверждение, как и

7 Приговор Мирового судьи судебного участка № 2 Северодвинского судебного района Архангельской области, г. Северодвинск от 10.05.2018 г. по делу № 1-2/2018- 2 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.05.2023).

факт наличия конфликта и драки.

Таким образом, мы видим, что в связи с отсутствием специальных знаний и навыков профессиональной юридической деятельности частный обвинитель не смог, во-первых, собрать достаточную доказательственную базу, во-вторых, осуществить уголовное преследование в отношении лица, которое действительно виновно в причинение лёгкого вреда здоровью.

Также, согласно статье 86 УПК РФ представитель, в качестве которого может выступать адвокат, частного обвинителя и сам потерпевший не вправе проводить опрос лиц с их согласия, в то время, как защитник подсудимого обладает данным полномочием. Согласно ст. 45 УПК РФ представитель наделен теми же процессуальными правами, что и частный обвинитель. Защитник же подсудимого обладает более широким кругом процессуальных прав, что ставит сторону обвинения и защиты в неравное положение при собирании доказательственной базы по соответствующему уголовному делу. Как нами было отмечено, защитником и представителем могут выступать адвокаты, чья деятельность, в том числе и в сфере доказывания по уголовному делу, регламентирована не только УПК РФ, но и Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 63-ФЗ⁸. В соответствии с п.2 ч.3 ст. 6 данного закона адвокат имеет право проводить опрос лиц с их согласия, безотносительно от его процессуального статуса в судопроизводстве.

На наш взгляд, данная проблема решается путем дополнения ст. 86 УПК РФ частью 2.1, предлагаем изложить ее в следующей редакции: «Представитель частного обвинителя, потерпевшего вправе собирать доказательства путём опроса лиц с их согласия».

Еще одной проблемой является то, что сторона обвинения вправе подать встречное заявление. Данное заявление соединяется в одно производство с заявлением потерпевшего постановлением мирового судьи до начала судебного следствия. Исходя из этого, лица, подавшие их, участвуют в уголовном судопроизводстве одновременно в качестве частного обвинителя и подсудимого. То есть лицо, являвшееся изначально потерпевшим, становится также и обвиняемым. Теперь данному лицу необходимо не только доказать причастность лица к совершенному им деянию (виновность лица) и, как следствие, нарушение его прав и законных интересов, но и доказывать свою невиновность по встречному заявлению. Кроме того, частному обвинителю разъясняется обязанность давать правдивые показания, а также его предупреждают об уголовной ответственности за заведомо ложные показания, предусмотренную ст. 307 УПК РФ. Вместе с тем, подсудимый не предупреждается об ответственности по данной статье и вправе при даче показаний сообщать ложные сведения либо вообще отказаться от дачи показаний в соответствии со ст. 46 и 47 УПК РФ. Не совсем ясным является момент перехода лица из одного процессуального статуса в другой в рамках самого судебного заседания. При исследовании судом доказательств, в частности, при даче показаний в соответствии со ст. 321 УПК РФ лицо допрашивается по правилам допроса потерпевшего об обстоятельствах, изложенных в первоначальном заявлении, а об обстоятельствах, указанных во встречном заявлении, – по правилам допроса подсудимого, большей конкретизации законодатель не дал, что ведёт к проблемам, связанным с дачей ложных показаний.

Также если по уголовному делу о преступлении небольшой и средней тяжести подсудимый ходатайствует о том, чтобы дело рассматривалось в его отсутствие,

8 Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 г. № 63 - ФЗ (ред. 24.07.2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

данный вариант в соответствии со статьей 257 УПК РФ может быть допущен. Возникает проблема при рассмотрении данного дела при неявке им в суд, если было подано встречное заявление, так как он приобретает два процессуальных статуса – потерпевшего и подсудимого. Исходя из этого, при неявке в суд дело по встречному заявлению прекращается в соответствии со ст. 249 УПК РФ.

В уголовно-процессуальном законе не закреплены требования, предъявляемые к встречному заявлению, а также порядок проведения судебного заседания, то есть не формализована процессуальная форма судебного следствия, прений сторон, что также затрудняет процесс подготовки к данным судебным заседаниям.

Также бывают случаи подачи встречного заявления в связи с оказанием потерпевшим «отпора» нападающему лицу, который считает, что действия первого также являются преступными. Данная ситуация вызвана нежеланием мировых судей выяснять, кто первый начал драку и имелись ли в действиях потерпевшего признаки необходимой обороны. На практике ни одна из сторон не освободалась от ответственности при взаимном нанесении побоев или причинении лёгкого вреда здоровью по мотивам нахождения в состоянии необходимой обороны. В то же время Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) даёт разъяснения о том, что лицо, действуя в состоянии необходимой обороны, может нанести вред, соразмерный характеру и опасности преступного посягательства, а в случае неожиданности нападения обороняющийся вправе нанести вред, превышающий характер опасности и степень преступного посягательства⁹. Исходя из положений, предусмотренных УК и УПК РФ, частному обвинителю лучше не оказывать сопротивление нападающему лицу и фактически подвергнуться побоям, чтобы в последствии не стать обвиняемым и не «получить» судимость.

По общему правилу, частный обвинитель может подать ходатайство об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого, применении обеспечительных мер. Лица, которые привлекаются по уголовным делам данной категории, чаще всего не представляют большой общественной опасности для общества, а также нередки случаи, когда в отношении обвиняемого избирается мера пресечения в виде подписки о невыезде, что нецелесообразно, ведь исходя из проведенного нами анализа дел частного обвинения, можно сделать вывод, что они редко заканчиваются вынесением обвинительных приговоров[5]. Поэтому лицо может быть безосновательно подвергнуто ограничениям его прав и законных интересов на весь срок рассмотрения уголовного дела, которое может длиться продолжительное время (например, 1 - 1,5 месяца), а затем быть признанным невиновным в совершении преступления.

Так, по делу № 1-15/2018 приговором от 29.05.2018 года мировой судья судебного участка № 37 Шабалинского судебного района оправдал подсудимую К. на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ. Частный обвинитель обвинял К. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.115 УК РФ¹⁰.

В судебном заседании было установлено, что 09.07.2017 года в промежуток времени между часом и двумя часами ночи в помещении кафе «Встреча», в ходе ссоры гражданка К. ткнула потерпевшую 1 раз в глаз, от чего последняя испы-

9 О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: Постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 27.09.2012 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 11.

10 Приговор Мирового судьи судебного участка № 37 Шабалинского судебного района, пгт. Ленинское от 29.03.2018 г. по делу № 1-15/2018 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.05.2023).

тала физическую боль. Своими действиями К. причинила частному обвинителю садину конъюнктивы правого глаза, повлекшую легкий вред здоровью.

Однако, потерпевшей не было предоставлено достоверных и допустимых доказательств виновности К. в умышленном причинении лёгкого вреда здоровью. По сути, обвинение строилось исключительно на показаниях самого частного обвинителя. Не усмотрев умысла в действиях К., суд пришёл к выводу об отсутствии состава преступления.

На период рассмотрения данного уголовного дела в отношении К. была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде. С момента начала судебного заседания и до момента вступления приговора в законную силу, отменяющего данную меру пресечения, прошло чуть больше месяца, что повлекло за собой необоснованное ограничение прав человека, а именно права на свободу передвижения и выбор места пребывания, которое предусмотрено ст. 27 Конституции РФ.

Ещё одной проблемой является то, что при установлении во время рассмотрения уголовного дела в судебном заседании обстоятельств, свидетельствующих о совершении лицом более тяжкого преступления, чем предусмотрено в заявлении потерпевшего, но предусмотренного ч.2 ст. 20 УПК РФ, дальнейшие действия суда не регламентированы в УПК РФ. Например, частный обвинитель привлекает к уголовной ответственности по ч.1 ст. 116.1 УК РФ, а в ходе судебного следствия выясняется, что виновный причинил потерпевшему лёгкий вред здоровью, повлекший кратковременное расстройство здоровья, что требует переквалификации его деяния на ч.1 ст.115 УК РФ. На практике возможны два варианта решения данного вопроса:

мировой судья выносит постановление о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному п.5 ч.1 ст. 24 УПК РФ, т.е. за отсутствием заявления потерпевшего. В дальнейшем потерпевший имеет право повторно обратиться с заявлением в мировой суд о привлечении лица к уголовной ответственности, но уже по более тяжкому преступлению. Данный вариант является более благоприятным для потерпевшего.

судья постановляет оправдательный приговор в связи с отсутствием в деянии подсудимого состава преступления, после чего потерпевший утрачивает возможность подачи заявления по обвинению лица в более тяжком преступлении на основании п.4 ч.1 ст. 27 УПК РФ (в связи с наличием вынесенного в отношении подсудимого неотменённого процессуального решения).

В то время, как частный обвинитель ограничен в своих правах на переквалификацию деяния, по делам частного-публичного и публичного обвинения в случае необходимости переквалифицировать деяние на более тяжкое суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе принимает решение о возвращении уголовного дела прокурору для квалификации действий лиц как более тяжкого преступления (п.6 ч.1 ст. 237 УПК РФ).

Выше нами были рассмотрены проблемы, возникающие при реализации института частного обвинения. На основании анализа статистических данных при обращении к уголовным делам частного обвинения, мы выяснили, что данный вид уголовного преследования является неэффективным и не позволяет в полной мере защищать нарушенные права и законные интересы потерпевших, что в корне не соответствует назначению уголовно-процессуального законодательства. Заявления по делам частного обвинения в большинстве случаев либо не принимаются судьей к своему производству, либо после принятия заявления производство завершается прекращением уголовного дела. Как мы выяснили, это происходит из-за коллизий правового регулирования, отсутствия закреплённых норм, регулирующих отдельные аспекты института частного обвине-

ния, юридической неграмотности заявителя и отсутствия бесплатной помощи со стороны государства частному обвинителю в лице адвоката.

В качестве возможного варианта разрешения сложившейся ситуации можно предложить:

Аннулировать частное обвинение как самостоятельный вид уголовного преследования;

Трансформировать дела частного обвинения в частно-публичное осуществление уголовного преследования;

Передать полномочия по возбуждению уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ч.1 ст. 115, ч.1 ст. 116.1, ч.1. ст. 128.1 УК РФ, дознавателю органов внутренних дел.

Данное предложение уже было выдвинуто в качестве законопроекта в Государственную Думу Российской Федерации Пленумом Верховного Суда. В том числе, председатель Верховного Суда Вячеслав Лебедев предложил перевести уголовные преступления, предусмотренные ч.1 ст. 115, ч.1 ст. 116.1, ч.1. ст. 128.1 УК РФ в разряд дел частно-публичного обвинения.

Однако среди адвокатов данный законопроект не нашел положительного отклика. Изучив доводы адвокатов, мы выделили основные причины их несогласия с «ликвидацией» института частного обвинения.

Советник Федеральной палаты адвокатов РФ Евгений Рубинштейн утверждает, что Верховный Суд РФ избрал простой путь – уничтожение института частного обвинения, в то время, как он считает, необходимо идти по сложному пути и разработать нормативную регламентацию обновленного института с пересмотром концепции отнесения к нему отдельных составов преступлений и порядка оказания содействия со стороны государства в доказывании обстоятельств преступления.

Мы не согласны с мнением Евгения Рубинштейна. При введении новых норм в уголовно-процессуальное законодательство возможно преодоление ранее существовавших пробелов в праве, однако это не исключает появление новых пробелов и коллизий в законодательстве, а также внесение поправок не гарантирует повышения эффективности института частного обвинения. При предоставлении содействия лицам со стороны государства возможен переход к частно-публичному порядку уголовного судопроизводства, а также возникает проблема в определении круга лиц, которые должны будут оказывать данное содействие и финансовом обеспечении данной процессуальной деятельности.

Адвокат АК «Рязанцев Лигал Групп» Александр Рязанцев считает, что данный законопроект является вмешательством в сферу частных интересов граждан. Также он отмечает, что при внесении изменений в законодательство поменяется порядок прекращения уголовных дел «бывшего» частного обвинения в случае примирения с потерпевшим: решение будет приниматься судом не безусловно, а с учетом всех обстоятельств дела и сведений об обвиняемом.

Необходимо отметить, что лица, которые привлекаются к ответственности за побои по ст. 6.11 КоАП РФ, находятся в более невыгодном положении, чем те, кто должен подлежать ответственности по ст. 116.1 УК РФ. Привлечение к административной ответственности осуществляется исключительно в публичном порядке и не зависит от заявления и позиции потерпевшего лица. Такую же параллель можно провести в отношении некавалифицированной клеветы и оскорбления (ст. 5.61 КоАП)¹¹.

11 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023г.) (с изм. и доп., вст. в силу с 01.10.2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Исходя из всего вышесказанного, считаем возможным внести изменения в статью 20 УПК РФ и изложить ч. 1 в следующей редакции: «1. В зависимости от характера и тяжести совершенного преступления уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляется в публичном, частно-публичном порядке».

Часть 2 считаем возможным упразднить, а часть 3 изложить в следующей редакции: «3. Уголовные дела частно-публичного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат, за исключением ч.1 ст. 115, ч.1 ст. 116.1, ч.1. ст. 128.1 УК РФ. К уголовным делам частно-публичного обвинения относятся уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 115 частью первой, 116, 116.1 частью первой, 128.1 частью первой, 131 частью первой, 132 частью первой, 137 частью первой, 138 частью первой, 139 частью первой, 144.1, 145, 146 частью первой, 147 частью первой, 159 частями пятой - седьмой Уголовного кодекса Российской Федерации...»

Из части 4 исключить словосочетание «часть вторая».

Часть 5 изложить в следующей редакции: «5. Уголовные дела, за исключением уголовных дел, указанных в части третьей настоящей статьи, считаются уголовными делами публичного обвинения».

Также считаем необходимым внести изменения в ряд статей УПК РФ, регулирующие рассмотрение дел частного обвинения.

Из статьи 22 УПК РФ исключить права частного обвинителя на выдвижение и поддержание обвинения в установленном законом порядке. В данной статье предлагается оставить только право потерпевшего и его законного представителя или представителя участвовать в уголовном преследовании.

Кроме того, предлагаем признать ст. 43 УПК РФ утратившей силу.

Также предлагаем изменить название и содержание ст.147 УПК РФ. По нашему мнению, данная статья должна именоваться следующим образом «Возбуждение уголовного дела частно-публичного обвинения», а также необходимо признать утратившими силу части 1 и 2 данной статьи. Из части 4 убрать словосочетание «часть вторая», поскольку она относится к частному обвинению.

Данные изменения носят «точечный» характер и направлены на разрешение проблем построения законодательных конструкций института частного обвинения, указанных в нашей научной работе, необходимо полное, последовательное и комплексное изменение правовой модели осуществления уголовного преследования преступлений, посягающих на личные неимущественные права граждан, отнесенных действующей редакцией законодательства к делам частного обвинения.

Социальным последствием по законодательному урегулированию указанных проблем будет являться повышение уголовно-правовой защиты лиц, пострадавших от преступного посягательства, в связи с трансформацией производства по уголовным делам частного обвинения в частно-публичное. В результате аннулирования института частного обвинения появляется такое экономическое последствие, как освобождение заявителя от несения финансовых расходов по отстаиванию своей правовой позиции по делу, а также процессуальная экономия и разумное сокращение времени уголовного судопроизводства. Юридическими же последствиями станут изменения уголовно-процессуального законодательства в данной области, в частности, изменится порядок возбуждения уголовных дел, предусмотренных ч.1 ст. 115, ч.1 ст. 116.1 и ч.1 ст. 128.1 УК РФ, процессуальные основы осуществления уголовного преследования на досудебных и судебных

стадиях уголовного судопроизводства, уровень обеспечения прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступных посягательств, реализации права на судебную защиту.

Библиографический список:

1. *Дорошков В. В.* Частное обвинение и этапы его развития в России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 66-69.
2. *Степанова В. Г.* Отказ частного обвинителя от обвинения как основание прекращения уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 4(63). С. 22-29.
3. *Гачечиладзе Н. Д.* Проблемы и пути решения производства по делам частного обвинения // Вестник магистратуры. 2020. № 2-3 (101). С. 88-93.
4. *Набиуллина Р.Г.* Проблемы собирания доказательств по делам частного обвинения // Вестник магистратуры. 2016. № 7-2 (58). С. 194 - 196.
5. *Муртазин Р. М.* Применение мер пресечения по делам частного обвинения // Вестник Удмуртского университета. 2012. № 2. С. 131 - 133.

References:

1. *Doroshkov V.V.* (2015). Private prosecution and stages of its development in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 3. pp. 66-69
2. *Stepanova V. G.* (2012). Refusal of the accusation by a private prosecutor as a basis for termination of criminal proceedings in cases of private prosecution. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 4(63). pp. 22-29
3. *Gachechiladze N. D.* (2020). Problems and solutions to private prosecution proceedings // Magistracy Bulletin. 2-3 (101). pp. 88-93
4. *Nabiullina R.G.* (2016). Problems of collecting evidence in private prosecution cases // Magistracy Bulletin. 7-2 (58). pp. 194 - 196
5. *Murtazin R. M.* (2012). Application of preventive measures in cases of private prosecution // Bulletin of the Udmurt University. 2. pp. 131 – 133

4 (25) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 343.2
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_69

Недоростов Егор Павлович

e.p.nedorostov@gmail.com
Аспирант, Уральский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ»

Научный руководитель:

Гришин Денис Александрович

Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уральского института управления – филиала ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ» доцент, кандидат юридических наук

Несовершеннолетние лица как субъект уголовной ответственности

Недоростов Е. П. / Несовершеннолетние лица как субъект уголовной ответственности // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 4. С. 69–75. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_69

Аннотация:

В данной статье автором анализируется специфика правового статуса несовершеннолетних в рамках привлечения их к уголовной ответственности. Автором поддерживается обоснованный подход о дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних, в том числе исходя из принципов уголовного права, в частности раскрывается принцип гуманизма и реализация принципа справедливости в отношении несовершеннолетних. Обосновывается, что это закономерный процесс, заключающийся в разграничении и установлении разных видов ответственности для правонарушителей, исходя из их возраста, характера совершенного преступления и иных обстоятельств. Он направлен, в том числе на защиту и реабилитацию несовершеннолетних, с учетом их возрастных особенностей и возможности исправления, в том числе данный подход позволяет устанавливать различные меры эффективного уголовно-правового воздействия. Она призвана способствовать восстановлению правопорядка и формированию социально ответственного поведения у лиц, не достигших 18-летнего возраста. В силу специфики правового статуса законом предусматриваются особенности назначения наказаний, порядка применения принудительных мер воспитательного характера, освобождения от уголовной ответственности, а также исчисления сроков давности. Автор статьи считает, что наказания для детей должны учитывать их возрастные и психологические особенности для достижения целей исправления и реабилитации. Поясняется важность выделения особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних в отдельный раздел Уголовного кодекса РФ, обусловленная их социально-психологическими особенностями, конформизмом, преступностью и значимостью проблемы в обществе. В заключении указывается на необходимость точной правовой регламентации уголовной ответственности и освобождения от наказания несовершеннолетних.

Ключевые слова:

уголовная ответственность несовершеннолетних, субъекты уголовной ответственности, дифференциация уголовной ответственности, уголовный закон, несовершеннолетние лица.

УДК 343.2
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_69

Yegor P. Nedorostov

e.p.nedorostov@gmail.com
Ural Institute of Management, Branch Russian Presidential Academy, of National Economy and Public Administration, Postgraduate

Academic Supervisor:

Denis A. Grishin

Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Ural Institute of Management, Branch Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Associate-professor, Candidate of Juridical Sciences

Minors as a Subject of Criminal Liability

Yegor P. Nedorostov / Minors as a subject of criminal liability // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 4. P. 69–75. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_69

Abstract:

In this article, the author analyzes the specifics of the legal status of minors in the framework of bringing them to criminal responsibility. The author supports a reasoned approach to the differentiation of criminal liability of minors, including based on the principles of criminal law, in particular, the principle of humanism and the implementation of the principle of justice in relation to minors are revealed. It is proved that this is a natural process consisting in the differentiation and establishment of different types of responsibility for offenders, based on their age, the nature of the crime committed and other circumstances. It is aimed, inter alia, at the protection and rehabilitation of minors, taking into account their age characteristics and the possibility of correction, including this approach allows you to establish various measures of effective criminal legal impact. It is designed to contribute to the restoration of law and order and the formation of socially responsible behavior among people under the age of 18. Due to the specifics of the legal status, the law provides for the specifics of the imposition of punishments, the procedure for the application of compulsory educational measures, exemption from criminal liability, as well as the calculation of the statute of limitations. The author of the article believes that punishments for children should take into account their age and psychological characteristics in order to achieve the goals of correction and rehabilitation. The importance of highlighting the features of juvenile criminal liability in a separate section of the Criminal Code of the Russian Federation is explained, due to their socio-psychological characteristics, conformism, crime and the significance of the problem in society. The conclusion indicates the need for precise legal regulation of criminal liability and exemption from punishment of minors

Keywords:

criminal liability of minors, subjects of criminal liability, differentiation of criminal liability, criminal law, minors.

Уголовный кодекс Российской Федерации, введенный в действие Федеральным законом Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (далее по тексту – Уголовный кодекс РФ), содержит Раздел V, устанавливающий особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних лиц, совершивших преступление. Это единственный раздел Общей части Уголовного кодекса РФ, состоящий из одной главы и 10 статей.

Содержательно, что данный раздел включает в себя: (1) виды, особенности и порядок назначения уголовных наказаний несовершеннолетним; (2) содержание и порядок применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних; (3) порядок освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних; (4) порядок условно-досрочного освобождения от отбывания уголовного наказания несовершеннолетним; (5) особые правила по исчислению сроков давности и сроков погашения судимости несовершеннолетним лицам, совершившим преступление.

С точки зрения теории уголовного права, нормы права, регламентирующие специфику уголовной ответственности несовершеннолетних, являются специальными материалами и процессуальными правилами.

Специфика правового регулирования не исключает распространения на несовершеннолетних общих положений уголовного закона, в частности оснований уголовной ответственности, принципов уголовной ответственности и иных положений [1, с. 55]. Применение уголовного закона к несовершеннолетним осуществляется через призму специальных норм, вместе с тем при подчинении базовым общим положениям.

В научной литературе отмечается, что включение в уголовный закон положений Раздела V обусловлено принципом гуманизма [2, с. 57]. В частности, Э. Ю. Латыпова и Е.В. Нечаева полагают, что проявление принципа гуманизма к несовершеннолетним проявляется в том, что реальное лишение свободы отбывают только около 16-18% несовершеннолетних [3, с. 83]. Соответственно, позиция авторов заключается в том, что система назначения наказаний к несовершеннолетним более гуманна, нежели к совершеннолетним лицам. Предполагается, что с точки зрения исправления несовершеннолетнего осужденного, иные виды уголовного наказания более эффективны. Российское уголовное законодательство стремится учитывать особенности и интересы несовершеннолетних, а также принцип гуманизма.

Между тем, с нашей точки зрения, причины дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних заключаются в соблюдении принципа справедливости. В силу части 1 статьи 6 Уголовного кодекса РФ наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Именно указанный принцип предполагает учет личности виновного при назначении наказания, тогда как возраст является именно критерием личности [4, с. 356]. Реализация принципа справедливости в отношении детей является важным аспектом российского уголовного права. Основная цель состоит в том, чтобы обеспечить справедливое и гуманное обращение с лицами, не достигшими 18-летнего возраста, учитывая их возрастную и психологическую особенности, а также способствовать их реабилитации и интеграции в общество. Российское уголовное законодательство также признает степень вины несовершеннолетних. В случае совершения ими преступлений, их возраст, степень развития и психические особенности могут быть учтены при определении наказания.

Необходимость выделения и последующего закрепления особенностей уголовной ответственности и уголовного наказания несовершеннолетних лиц, в самостоятельный раздел и главу Уголовного кодекса РФ, обусловлено следующими факторами:

1) наличием социально-психологических особенностей лиц, находящихся в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, совершивших преступление. Их еще не окончательно сформировавшая психика не позволяет им проанализировать и оценить последствия своих поступков;

2) высоким уровнем конформизма, поскольку несовершеннолетние обычно совершают преступления в кругу сверстников, под воздействием групповой психологии и на фоне социальной незащищенности [5, с. 2];

3) направление несовершеннолетних в места лишения свободы вместе со взрослыми преступниками может привести к ухудшению их психического состояния и повышенной рецидивной активности после освобождения;

4) спецификой преступности несовершеннолетних;

5) значением, которое общество придает этой проблеме (преступности несовершеннолетних);

6) спецификой реализуемой уголовно-правовой политики, а также мер, применяемых в отношении несовершеннолетних;

7) необходимостью точного закрепления правовой регламентации отступлений от общих правил уголовной ответственности, назначения и освобождения от уголовного наказания [6, с. 3].

Поэтому, дифференцирование уголовной ответственности несовершеннолетних позволяет определить их социально-юридический статус, а также разработать более эффективные и безопасные меры пресечения и реабилитации их криминальной активности.

Дифференцирование уголовной ответственности несовершеннолетних является важным инструментом, который позволяет более точно определить социально-юридический статус. Дети, находящиеся в разных возрастных группах, обладают различной степенью развития и понимания морально-правовых норм. Поэтому применение одинаковых мер уголовной ответственности для всех может быть несправедливым и неэффективным.

С точки зрения социально-юридического статуса, дифференцирование уголовной ответственности позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого несовершеннолетнего и строить более эффективные и подходящие меры воздействия на них. Законодательство разных стран может предусматривать различные возрастные границы для уголовной ответственности несовершеннолетних, учитывая особенности их психофизического развития и способности понимать последствия своих действий.

Дифференцирование уголовной ответственности может осуществляться через применение разных мер наказания, таких как подростковые суды, программы реабилитации, социальная адаптация, специализированные центры и т.д. Целью данных мер является не только наказание, но и возможность реабилитации и интеграции несовершеннолетних обратно в общество.

Важно отметить, что дифференцирование уголовной ответственности несовершеннолетних должно осуществляться с учетом научных исследований, опыта практики и общественного консенсуса. Необходимо учитывать их особенности развития, воспитания и взаимодействия с окружающим миром. Только таким образом можно создать справедливую и эффективную систему уголовной

ответственности, способную защитить интересы несовершеннолетних и общества в целом.

Наличие особых правил в отношении несовершеннолетних по назначению и освобождению от уголовного наказания в действующем российском законодательстве, в том числе обусловлено состоянием преступности несовершеннолетних лиц. Так, можно представить следующую официальную статистическую информацию, содержащуюся на портале правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации (см. Приложения, Диаграмма № 1)

С одной стороны, можно выявить положительную динамику снижения числа выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступления за период с 2010 по декабрь 2022 г., с другой стороны преступность несовершеннолетних сохраняется на достаточно высоком уровне. Несомненно, преступность несовершеннолетних имеет место быть в реалиях современной российской действительности, что нежелательно для государства и общества в целом, поэтому нуждается в эффективной государственной политике по её предупреждению. основополагающие принципы предупреждения преступности являются фундаментом предупреждения преступности среди несовершеннолетних.

В силу того, что несовершеннолетние лица имеют психофизиологические особенности отличающих их от других возрастных групп, в том числе имеется в ряде случаев специфика совершаемых преступлений, необходимо обозначить специальные меры предупреждения преступлений, которые должны применяться в отношении несовершеннолетних лиц.

Управлением Министерства внутренних дел России по Омской области разработаны и внедрены следующие направления совершенствования профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних:

- 1) гуманизация превентивной практики, преобладание защитных мер над мерами наказания и принуждения;
- 2) профессионализация в воспитательно-профилактической и защитной деятельности, подготовка специальных кадров социальных работников, социальных педагогов, психологов, специализирующихся на практической работе по коррекции отклоняющегося поведения детей и подростков, оздоровлению условий их семейного и общественного воспитания;
- 3) усиление роли медико-психологической помощи и поддержки в коррекции отклоняющегося поведения детей и подростков, реабилитации несовершеннолетних с различными формами социальной и психической дезадаптации;
- 4) признание семьи в качестве ведущего института социализации детей и подростков, осуществление социальных мер социально-правовой, социально-педагогической и медико-психологической помощи семье, прежде всего семьям группы социального риска;
- 5) строгое разграничение воспитательной и профилактической компетенции между государственными социальными службами, правоохранительными органами, общественными объединениями при их тесном взаимодействии и максимальном участии в реализации государственной молодежной политики [7, с. 65-69].

Возрастные границы субъектов, которые могут быть участниками тех или иных правоотношений в отраслях российского законодательства различны, как следствие, неодинакова совокупность их прав и обязанностей. Например, если говорить о правовом положении в сфере гражданских отношений, следует учесть, что гражданское законодательство, использует два термина: «малолетний» – которым является физическое лицо, с момента рождения до достижения

им четырнадцатилетнего возраста [8, с. 98], а также «несовершеннолетний» – которым является физическое лицо, в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет [8, с. 98]. Данная законодательная возрастная градация обусловлена различным объемом предусмотренных законом субъективных прав и юридических обязанностей, самостоятельно реализовывать которые могут субъекты, в силу психологического развития и возраста лица.

В свою очередь, если говорить об их правовом положении в сфере уголовно-правовых правоотношений, следует отметить, что уголовное законодательство под «несовершеннолетним» понимает физическое лицо, которому ко времени совершения общественно опасного деяния (преступления) исполнилось четырнадцать лет, но не исполнилось восемнадцати лет. При этом термин «малолетние» в уголовном законодательстве не упоминается, но используется понятие «совершеннолетние», то есть это физические лица, которые достигли восемнадцатилетнего возраста.

Проанализировав действующее уголовное законодательство, можно прийти к выводу, что фактически существует три возрастные группы лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Рассмотрим их более подробно.

Первая возрастная группа субъектов – физические лица, достигшие к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста (часть 1 статьи 20 Уголовного кодекса РФ). Данная группа субъектов может быть привлечена к уголовной ответственности и является самой объемной по числу составов преступлений.

Вторая возрастная группа субъектов – физические лица, которые к моменту совершения преступления, достигли четырнадцатилетнего возраста. Согласно руководящим разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по его истечении, то есть с нуля часов следующих суток. При этом, в случаях установления возраста несовершеннолетнего днем его рождения считается последний день того года, который определен экспертами, а при установлении возраста, исчисляемого числом лет, суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица.

Третья возрастная группа субъектов – лица, привлекаемые к уголовной ответственности по таким преступлениям, по которым несовершеннолетние лица не могут нести уголовную ответственность вообще, в связи с особенностями конкретного состава преступления. Квалифицирующие признаки преступления порождают иной объем ответственности виновного лица за содеянное деяние, чем при преступлении, совершенном без них, что, в свою очередь, позволяет дифференцировать уголовную ответственность и уголовное наказание.

Подход дифференциации уголовной ответственности в зависимости от возраста свойственен не только российскому законодательству (в том числе с точки зрения истории), но и зарубежному. В особенности, на международном уровне выработаны рекомендации Организации Объединенных Наций, связанные с отправлением правосудия в отношении несовершеннолетних – так называемые «Пекинские правила»¹.

Цели международно-правовой регламентации отправления правосудия в отношении несовершеннолетних касаются мировой социальной политики в це-

1 Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 06.10.2023).

лом и направлены на оказание максимального содействия обеспечению благополучия несовершеннолетних, что сведет до минимума необходимость вмешательства со стороны системы правосудия в отношении несовершеннолетних и уменьшит ущерб, который может быть нанесен каким-либо вмешательством.

Такие меры заботы в отношении молодежи, принимаемые до совершения правонарушений, являются основным содержанием политики, направленной на устранение необходимости применения настоящих «Пекинских правил».

Международно-правовая регламентация отправления правосудия в отношении несовершеннолетних является важным аспектом комплексной защиты прав и интересов детей, особенно тех, которые вовлечены в судебные процессы.

Эта тема затрагивает принципы и стандарты, которые диктуют процедуры, гарантии и особенности системы судебного разбирательства, применяемые к несовершеннолетним лицам. Международно-правовая регламентация также устанавливает некоторые общие принципы и стандарты, которые должны соблюдаться в судебных процессах с несовершеннолетними.

Например, принцип неприменности (или преимущественного рассмотрения дел несовершеннолетних), согласно которому дела, касающиеся несовершеннолетних, должны рассматриваться с особым приоритетом и без необоснованных задержек.

Другой важный принцип – принцип наилучшего интереса ребенка. Согласно этому принципу, решения, касающиеся несовершеннолетних в контексте судебного процесса, должны быть основаны на том, что считается наилучшим для ребенка с учетом его интересов в долгосрочной перспективе.

Стремление установить справедливый и эффективный международный правовой режим для несовершеннолетних в судебных процедурах продолжается. Многие страны работают над усовершенствованием своих национальных законодательств и процедур, чтобы соответствовать международным стандартам и гарантировать права и интересы несовершеннолетних лиц, находящихся в судебных процессах.

Библиографический список:

1. Прокументов Л.М. Уголовно-правовая охрана и ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета. 2017. 308 с.
2. Авдеев В.А., Шумакова Е.В. Регламентация принципа гуманизма в уголовном законе и его реализация на правоприменительном уровне // *Oeconomia et Jus*. 2023. № 2. С. 54-63.
3. Латыпова Э.Ю., Нечаева Е.В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2019. №3 (37). С. 355-360.
4. Хабибуллин Н.Э., Талан М.В. Личность виновного в преступлении как критерий индивидуализации наказания при его назначении // *Вестник экономики, права и социологии*. 2022. № 2. С. 82-86.
5. Дрёмова Р.А., Тензина Я.Д., Яковлева П.Э. Проявление подросткового конформизма // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 3-6. С. 1-4.

References:

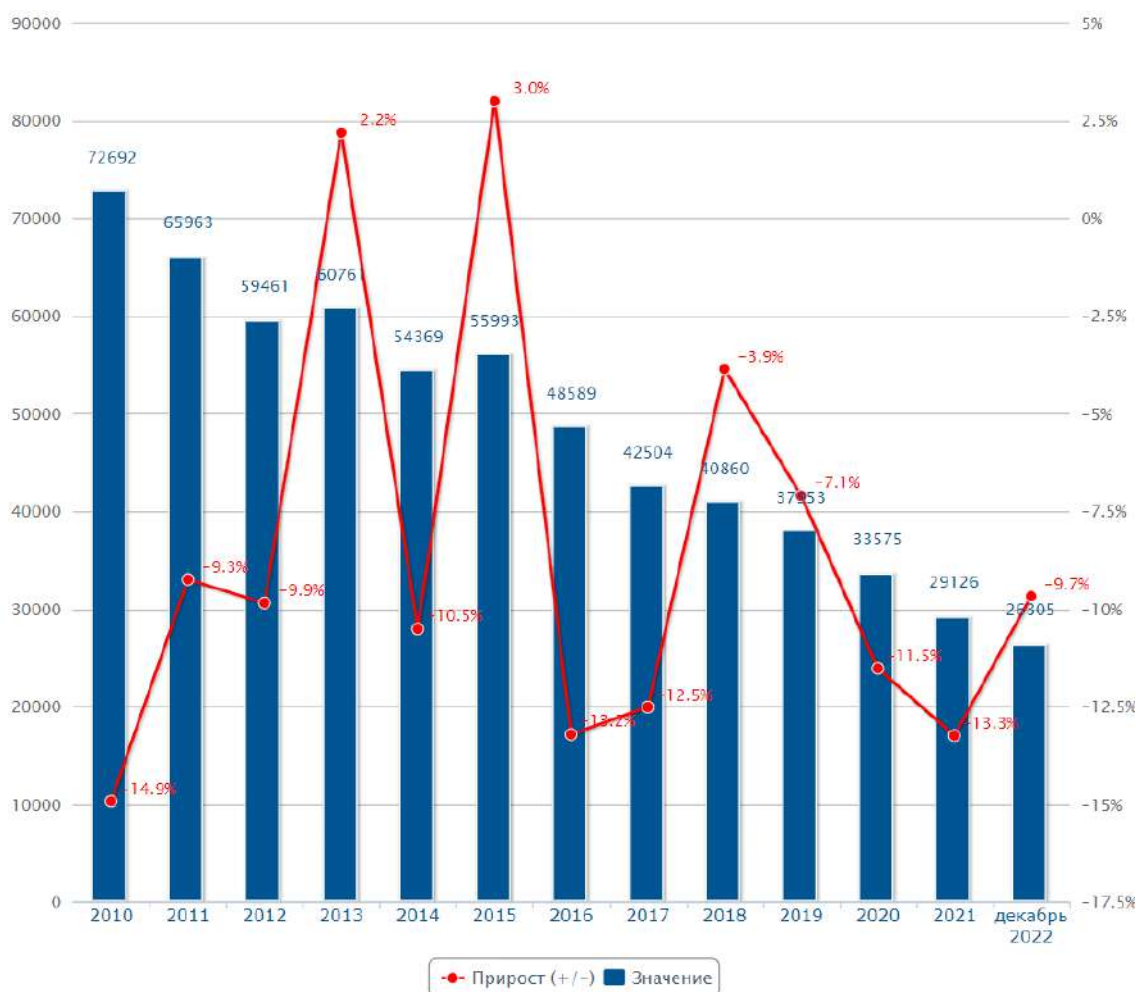
1. Prokumentov L.M. (2017). Criminal legal protection and responsibility of minors in the Russian Federation. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University. p. 308
2. Avdeyev V.A., Shumakova Ye.V. (2023). Regulation of the principle of humanism in criminal law and its implementation at the law enforcement level. *Oeconomia et Jus*. 2. pp. 54-63
3. Latypova E.IU., Nechaeva E.V. (2019). Controversial issues of the content of the principle of humanism in criminal law. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 3 (37). pp. 355-360
4. Khabibullin N.E., Talan M.V. (2022). The personality of the perpetrator of a crime as a criterion for the individualization of punishment when assigning it. *The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2. pp. 82-86
5. Dromova R.A., Tensina YA.D., Yakovleva P.E. (2016). Manifestation of teenage conformity. *Current problems in the humanities and natural sciences*. 3-6. pp. 1-4
6. Chukanova E.S. (2022). Criminal liability of minors: main stages of historical development of

6. Чуканова Е.С. Уголовная ответственность несовершеннолетних: основные этапы исторического развития отечественного законодательства // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 1-4.
7. Алиев Я.Л., Павлик Е.М., Георгиева П.А. Предупреждение преступности несовершеннолетних // Вестник ННГУ. 2021. № 6. С. 65-69.
8. Блинов А.Г. Понятие несовершеннолетнего в уголовном праве и его возрастные параметры // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 96-102.
- domestic legislation. Russian Journal of Criminal Law. 19, pp. 1-4.
7. Aliyev YA.L., Pavlik E.M., Georgiyeva P.A. (2021). Juvenile Delinquency Prevention. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 6. pp. 65-69
8. Blinov A.G. (2023). The concept of a minor in criminal law and its age parameters. Legal policy and legal life. 1. pp. 96-102

Диаграмма 1.

Количество выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступления за период с 2010 по декабрь 2022 г.

УДК 347.918
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_76

Вострикова Анастасия Михайловна

vostrikova.anastasia2001@yandex.ru
Студент Института прокуратуры Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Руф Владислав Сергеевич

rufvlad-1988@yandex.ru
Студент Института прокуратуры Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Кожевина Елена Викторовна

Доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, кандидат юридических наук

О некоторых особенностях исполнения решений международных коммерческих арбитражей на территории Российской Федерации

Вострикова А.М., Руф В. С. / О некоторых особенностях исполнения решений международных коммерческих арбитражей на территории Российской Федерации // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 4. С. 76–81. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_76

Аннотация:

В связи с активной глобализацией и стремительными изменениями, в том числе, в профессиональной коммерческой деятельности, отношения экономического характера субъектов частного права зачастую все чаще осложняются иностранным элементом и приобретают принцип трансграничности. И в новых реалиях одной из правовых форм урегулирования споров является международный коммерческий арбитраж, который берет на себя роль независимого от национальной юрисдикции беспристрастного суда, способного разрешить правовой спор на основании установленных обычаями делового оборота или сторонами правилами. Тем не менее настолько широкая автономия воли сторон и порождает главную проблему осуществления международного коммерческого арбитража – недостаточную обеспеченность исполнения вынесенных по итогам рассмотрения трансграничных коммерческих споров решений. Эта проблема вызывает в международной юридической среде довольно острую критику такой формы разрешения споров, однако она представляется достаточно перспективной, о чем свидетельствуют попытки многих развитых государств создать национальную правовую базу исполнения решений международных арбитражей. Так и в Российской Федерации был принят Закон РФ от 07.07.1993 года № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», который развивает положения международных актов, посвященных коммерческому арбитражу в том числе в сфере обеспечения принудительного исполнения их решений на территории государства.

УДК 347.918
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_76

Anastasia M. Vostrikova

vostrikova.anastasia2001@yandex.ru
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev Institute of Public Prosecutor's Office, Student

Vladislav S. Ruf

rufvlad-1988@yandex.ru
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev Institute of Public Prosecutor's Office, Student

Academic Supervisor:

Elena V. Kozhevina

Assistant professor of Civil Law department Ural State Law University, Candidate of Juridical Sciences

On Some Features of the Execution of Decisions of International Commercial Arbitration in the Territory of the Russian Federation

Anastasia M. Vostrikova, Vladislav S. Ruf / On some features of the execution of decisions of international commercial arbitration in the territory of the Russian Federation // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 4. P. 76–81. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_76

Abstract:

Due to the active globalization and rapid changes, including in professional commercial activities, the relations of the economic nature of private law subjects are often increasingly complicated by a foreign element and acquire the principle of cross-border. And in the new realities, one of the legal forms of dispute settlement is international commercial arbitration, which assumes the role of an impartial court independent of national jurisdiction, capable of resolving a legal dispute on the basis of special rules established by business customs or by the parties. Nevertheless, such a feature of international commercial arbitration gives rise to the main problem of its implementation – insufficient security for the execution of decisions made following the consideration of cross-border commercial disputes. This problem causes quite sharp criticism of this form of dispute resolution in the international legal environment, but it seems to be quite promising, as evidenced by the attempts of many developed states to create a national legal framework for the enforcement of international arbitration decisions. Similarly, the Russian Federation adopted the Law of the Russian Federation dated 07.07.1993 No. 5338-1 «On International Commercial Arbitration», which develops the provisions of international acts on commercial arbitration, including in the field of enforcement of their decisions on the territory of the state. The paper considers the basic principles and procedure for the functioning of international commercial arbitration established by supranational legal acts, including the New York Convention of 1958. The norms of

В работе рассмотрены основные принципы и порядок функционирования международного коммерческого арбитража, установленные наднациональными правовыми актами, в том числе Нью-Йоркской конвенцией 1958 года. Проанализированы нормы российского законодательства, посвященные принудительному исполнению решений международных арбитражных судов. Представлены выводы о проблемах и особенностях их исполнения на территории Российской Федерации.

Ключевые слова:

Нью-Йоркская конвенция 1958 года, международный коммерческий арбитраж, коммерческий арбитраж, арбитражное соглашение, принцип автономности, принцип международного правоприменения.

the Russian legislation devoted to the enforcement of decisions of international arbitration courts are analyzed. Conclusions about the problems and peculiarities of their implementation in the territory of the Russian Federation are presented.

Keywords:

New York Convention of 1958, international commercial arbitration, commercial arbitration, arbitration agreement, the principle of autonomy, the principle of international law enforcement.

В условиях глобализации, интеграции экономик стран мира правовые системы также претерпевают изменения. Современные условия развития общества требуют объединения и развития международных правоотношений. По этим и многим другим причинам, в последнее время, происходит развитие международного арбитража – системы, способной разрешать экономические конфликты, возникающие между индивидуумами, носящие по своей природе международный характер.

В юридической науке мнения относительно существования международного коммерческого арбитража различаются. Например, не так давно зарубежные правоведы Хорст Эйденмюллер и Файдон Варезис в своей работе «Что такое Арбитраж? Искусственный интеллект и исчезающий человеческий арбитр» отметили следующее: «Арбитраж имеет образ старомодного и скрытного процесса – самозванные джентльмены, встречающиеся в модных местах, чтобы выслушать аргументы по сложным делам после обмена грузовиками документов» [2].

Следует отметить, что в настоящее время международный коммерческий арбитраж только начинает набирать обороты, вследствие чего неизменным остается вопрос об исполнении решений арбитражей. Как отмечает британский юрист Нейл Эндрюс: ««Проарбитражные» настроения усиливаются; но пока слишком рано говорить о том, что они стали доминирующей судебной позицией» [1, с. 11].

В связи с этим остро стоит вопрос исполнения решений международных коммерческих арбитражей (далее – МКА), поскольку неэффективность данного института сведет к нулю весь процесс судебного разбирательства и создаст преграду к действительной защите и восстановлению прав лиц.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей исполнения решений МКА, необходимо рассмотреть, что из себя представляет данный вид разрешения споров. В зарубежной теории выделяют три столпа международного коммерческого арбитража, которые, по сути, отграничивают данную систему, и от национальной системы арбитражей, и от системы иных международных судов. Помимо этого, эти базовые принципы определяют некоторые особенности исполнения решений арбитражей, и именно поэтому необходимо уделить внимание их рассмотрению.

Почти любой коммерческий арбитраж предполагает наличие арбитражного соглашения (исключения возникают в тех случаях, когда арбитраж является обязательным, то есть за исключением других форм разрешения споров, в соответствии с национальным законодательством или, когда возможность обращения в арбитраж возникает на основании Договора). Данное утверждение можно сделать на основе анализа законодательства России и зарубежных стран: в Российской Федерации вопросы международного арбитража и арбитражного соглашения, в

частности, регулируются Законом Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 30.12.2021) «О международном коммерческом арбитраже» (далее – Закон РФ от 07.07.1993 года № 5338-1 «О МКА»), в Англии существует «Закон об арбитраже», изданный в 1996 году и т.д. Таким образом, наличие договоренности и арбитражного соглашения – первый фундаментальный элемент арбитража. Он должен включать предварительное арбитражное соглашение, в котором следует ссылка на арбитраж или включить условие обращения в арбитраж при наступлении событий, определенных договором. Именно соглашение определяет объем полномочий суда, что, в свою очередь, может оказать влияние на решение, которое суд сможет вынести. Понятие договоренности особенно заметно в «Законе об арбитраже» 1996 года (раздел 1(b)): «Стороны должны свободно договариваться о том, как разрешаются их споры, при условии соблюдения только тех гарантий, которые необходимы для сохранения общественных интересов». Указанная норма также ясно дает понять, что есть вопросы, выходящие за рамки договорного регулирования. Это так называемые «не подлежащие обсуждению» обязательные нормы, перечисленные в Приложении 1 к «Закону об арбитраже» 1996 года.

Вторым фундаментальным элементом арбитража является автономность, независимость арбитражного процесса. Арбитражный процесс должен быть в значительной степени свободен от произвольного судебного вмешательства. Как отмечает Нейл Эндрюс основными проявлениями автономности арбитража являются [1, с. 11]:

А) поддержка арбитражного процесса национальной судебной системой: суды оказывают поддержку системе арбитража, но они не должны чрезмерно вмешиваться в арбитражные процессы;

Б) компетенция по определению юрисдикции: арбитражные суды обладают возможностью выносить предварительное определение собственной юрисдикции. Данное проявление означает, что суд сообщит сторонам, обратившимся за разрешением спора, в каких пределах возможно разрешить спор, какие нормы права подлежат применению, в какой срок будет разрешен спор и другие вопросы;

В) процесс проходит в режиме конфиденциальности: суды приводят в исполнение согласованный сторонами статус конфиденциальности: это распространяется как на процесс, так и на его участников, доказательства, а также арбитражное решение. Указанное означает, что при рассмотрении спора не могут присутствовать СМИ, слушатели. Необходимость конфиденциальности объясняется тем, что довольно часто имеют место секреты производства, коммерческая тайна и другие охраняемые сведения;

Г) окончательность принятого решения: арбитражные решения не подлежат обжалованию по существу дела или по вопросам иностранного права. Однако стоит отметить, что, например, в Англии существует ограниченная возможность рассмотрения апелляции Высоким судом по какому-либо пункту английского права (для рассмотрения раздела 69 «Закона об арбитраже» 1996 года).

Третий столп имеет решающее значение при рассмотрении исследуемого вопроса, поскольку именно он говорит об исполнимости решений международных арбитражей – это принцип международного правоприменения. Нью-Йоркская конвенция 1958 г. (далее – Конвенция) представляет определяющее значение для международного сообщества в области исполнения арбитражных решений. В отсутствие спонтанного исполнения арбитражного решения Нью-Йоркская конвенция усиливает позиции истца, позволяя этой стороне добиваться принудительного исполнения решения в иностранном государстве (отличном от места, где было вынесено арбитражное решение).

Относительно применения Конвенции неоднозначно высказываются и некоторые российские юристы, например, О.В. Муратова и А.И. Шукина: «Данный документ, содержащий всего 16 статей (5 страниц текста), сыграл большую роль в том, чтобы арбитраж стал безальтернативным средством разрешения международных коммерческих споров» [4, с. 140].

Однако, как отмечают правоведы существует проблема того, что судьи не обращаются к источникам, толкующим указанную Конвенцию, что, в свою очередь, создает преграды для правильного применения ее норм. Неприменение положений Конвенции и актов ее истолковывающих негативно сказывается на практике арбитражных судов: появляются «неправильные» прецеденты, искажается механизм работы международных коммерческих арбитражей.

Стоит отметить, что по общему правилу признается добровольность исполнения решений международных коммерческих арбитражей, однако на практике довольно часто возникает проблема «когда сторона, против которой вынесено решение, уклоняется от его добровольного исполнения». В данном случае возникает вопрос о принятии решения и приведении его в исполнение, возможно даже в принудительном порядке [5, с. 216].

В такой ситуации возникает исключение из принципа добровольности исполнения решения (существование принципа добровольности выводится из первого столпа международного арбитража – наличия арбитражного соглашения, при котором стороны добровольно выбирают арбитраж в качестве урегулирования возможных споров в будущем).

Говоря о принудительном исполнении, следует отметить важную взаимосвязь между третьим основополагающим элементом – международным правоприменением, и первым элементом – соглашением. Конвенция разрешает суду, осуществляющему исполнение, отказать в признании или приведении в исполнение решения, если арбитражный суд не соблюдает согласованные пределы арбитражной оговорки вследствие того, что суд ошибочно присвоил себе юрисдикцию, или обращение в указанный суд противоречило арбитражному соглашению сторон, или предполагаемая сторона на самом деле не является стороной арбитражной оговорки, или условия оговорки были неправильно применены. Таким образом, Нью-Йоркская Конвенция 1958 г. устанавливает четкие основания для отказа в признании решения МКА.

Создание механизма признания и исполнения решений МКА является вопросом национального права. В российском законодательстве данный вопрос регулируется Законом РФ от 07.07.1993 года № 5338-1 «О МКА». Указанный акт применяется к признанию и исполнению решений МКА, а также к заключению арбитражных соглашений.

При анализе статей 35 и 36 указанного закона, можно говорить о том, что на территории Российской Федерации исполняются решения международных коммерческих арбитражей, кроме тех, по которым есть основания для отказа в признании, а также те, по которым инициирована процедура обжалования или отмены.

Статья 36 Закона РФ от 07.07.1993 года № 5338-1 «О МКА» практически дословно повторяет нормы Нью-Йоркской конвенции 1958 г. Однако последний акт содержит в себе общие основания для отказа в исполнении арбитражного решения. По аналогии российский законодатель установил те основания, по которым может быть отказано в признании решения арбитража, и которое не удастся привести в исполнение. Отказ в признании решения арбитража – относится к компетенции государственного суда.

Создание именно такого механизма правового регулирования можно объяснить следующим: при отказе проигравшей стороны добровольно исполнять решение арбитража, противоположная сторона имеет право обратиться в Арбитражный Суд Российской Федерации, где истребуется исполнение. В данном случае необходимо уточнить, что национальный суд не пересматривает дело арбитража по существу, а лишь осуществляет выдачу экзекватуры, вследствие этого мы можем говорить о том, что суд не принимает решения по делу [3, с. 17].

Если суд выносит решение в пользу стороны-победителя (т. е. осуществляет выдачу экзекватуры), арбитражное решение приобретает юридическую силу на территории России, а заявившему лицу выдается исполнительный лист, на основании которого решение принудительно приводится в исполнение. Таким образом, введение именно в национальное законодательство оснований для отказа в признании решения является обоснованным, поскольку государственные суды решают вопрос о возможности признания и приведения в исполнение арбитражных решений.

Перечисленные в ст. 36 Закона РФ от 07.07.1993 года № 5338-1 «О МКА» основания для отказа в признании решения условно можно разделить на следующие группы: нарушения при составлении арбитражного соглашения; нарушения оговорок, предусмотренных в арбитражном соглашении; нарушения процедуры уведомления стороны; противоречие принятого решения публичному порядку и федеральному законодательству Российской Федерации, регулиющему существо спора.

На основании вышеприведенных норм можно вывести несколько особенностей признания и исполнения решений на территории Российской Федерации. Почти все основания признания, за исключением последней группы, должны быть подкреплены доказательствами и представляться конкретной стороной дела. Данное утверждение следует из п. 1 ст. 36 Закона РФ от 07.07.1993 года № 5338-1 «О МКА»: по просьбе стороны, против которой оно направлено, если эта сторона представит компетентному суду, в котором испрашивается признание или приведение в исполнение, доказательства, подтверждающие наличие основания для отказа в признании и исполнении решения.

На основании указанной нормы можно, во-первых, говорить о том, что подать возражение о признании и исполнении решения МКА может только та сторона, в отношении которой (против которой) вынесено решение. Иные заинтересованные лица не вправе подавать подобные прошения.

Во-вторых, на основании обсуждаемого положения можно сделать вывод о том, что суд не вправе самостоятельно осуществлять сбор доказательств. Доказательства, также как и подача возражения о признании решения подается стороной, потерпевшей поражение. Именно на это лицо возлагается обязанность доказать, например, отсутствие у него правоспособности на момент заключения арбитражного соглашения или наличие иных обстоятельств, на которые сторона ссылается в обоснование своей позиции.

Таким образом, существуют отдельные особенности признания и исполнения решения международного коммерческого арбитража в российской правовой системе: 1) возможность подать возражение на признание решения имеется только у стороны, против которой оно направлено; 2) представление доказательств возможно только стороной, подающей возражение против признания решения (отсутствие у суда права самостоятельно осуществить сбор доказательств).

На наш взгляд, установление таких особенностей в отечественном законодательстве справедливо, поскольку позволяет суду с учетом международных и на-

циональных принципов справедливого разрешения споров установить возможность исполнения решения МКА на территории России и по своей сути не создает преград для претворения данной процедуры в жизнь.

Библиографический список:

1. *Neil Andrews*. Arbitration and Contract Law // Springer International Publishing Switzerland. 2016. 342 p.
2. *Eidenmueller Horst G. M., Varesis Faidon*. What is an Arbitration? Artificial Intelligence and the Vanishing Human Arbitrator. URL: <https://ssrn.com/abstract=3629145> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3629145> (дата обращения: 30.06.2023).
3. *Бабаева Н. Р.* Условия признания и исполнения решения иностранного суда на территории РФ // *Science Time*. 2020. № 5 (77). С. 15-19.
4. *Муратова О. В., Шукин А. И.* Проблемы признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных (третейских) решений // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2019. № 2. С. 140-145.
5. *Кравцов С. А.* Общая характеристика признания и исполнения решений международного коммерческого арбитража // *Правоприменение*. 2017. № 2. С. 212-218.

References:

1. *Neil Andrews*. (2016). Arbitration and Contract Law. Springer International Publishing Switzerland. 342 p
2. *Eidenmueller Horst G. M., Varesis Faidon*. (2020). What is an Arbitration? Artificial Intelligence and the Vanishing Human Arbitrator. // URL: <https://ssrn.com/abstract=3629145> (accessed 30 June, 2023).
3. *Babaeva N. R.* (2020). Conditions for recognition and enforcement of a foreign court decision on the territory of the Russian Federation. *Science Time*. 5 (77). pp. 15-19
4. *Muratova O. V., Shchukin A. I.* (2019). Problems of recognition and enforcement of decisions of foreign courts and foreign arbitration (arbitration) decisions. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2. pp. 140-145
5. *Kravtsov S. A.* (2017). General characteristics of recognition and enforcement of decisions of international commercial arbitration. *Law enforcement*. 2. pp. 212-218

УДК 347
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_82

Власова Ольга Михайловна

omv1801@mail.ru
Студент Института права и предпринимательства
Уральского государственного юридического
университета им. В.Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Туктамышев Владислав Дмитриевич

Преподаватель кафедры гражданского процесса
Уральского государственного юридического
университета им. В. Ф. Яковлева

Медиация как форма защиты гражданских прав: преимущества и недостатки

Власова О.М. / Медиация как форма защиты гражданских прав: преимущества и недостатки // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 4. С. 82–86. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_82

Аннотация:

Медиация является одной из внеюрисдикционных форм защиты прав, однако в Российской Федерации её нельзя назвать распространённой. Несмотря на то, что корни этого института уходят ещё в Древнюю Грецию и Рим, а в зарубежных государствах как англо-саксонской системы, так и романо-германской медиация применяется уже многие годы, в отечественном законодательстве такая примирительная процедура считается новой. Её непопулярность кроется не только в относительной новизне для нашей страны, но и в ряде недостатков процедуры. В статье рассматриваются следующие вопросы: отличие «посредничества» и «медиации»; разграничение частной и публичной моделей медиации; сделан вывод о том, какая из данных моделей закреплена в законе о медиации, и какая из них наиболее эффективна для урегулирования спора между сторонами; проведён анализ принципов медиации. Автором рассмотрены преимущества и недостатки процедуры. К преимуществам относятся доступность, конфиденциальность, сохранение партнёрских отношений, а также добровольное обращение к медиатору. В качестве недостатков определяются: отсутствие единой централизованной системы медиации, несовершенные требования к медиаторам и недоверие общества к несудебной форме разрешения спора. Кроме того, рассмотрены предложения по необходимости более строгой регламентации законодательства в части требований к медиаторам, поскольку он является ключевой фигурой при урегулировании спора. Корректировка существенных недостатков медиации повысит качество медиативных услуг, а также может стать началом к её популяризации среди сторон спора. Повсеместное распространение медиации способствует разгрузке судебной системы.

Ключевые слова:

медиация, разрешение споров, ADR, внесудебное разбирательство, медиативное соглашение.

УДК 347
DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_82

Olga M. Vlasova

omv1801@mail.ru
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of Law and Business, Student

Academic Supervisor:

Vladislav D. Tuktamyshev

Lecturer of Civil Procedure department
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Mediation as a Form of Civil Rights Protection: Pros and Cons

Olga M. Vlasova / Mediation as a form of civil rights protection: pros and cons // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 4. P. 82–86. DOI 10.34076/2658_512X_2023_4_82

Abstract:

Mediation is one of the non-jurisdictional forms of protection of rights, but it cannot be called widespread in the Russian Federation. Despite the fact that the roots of this institution go back to Ancient Greece and Rome, and in foreign countries both the Anglo-Saxon system and the Romano-German mediation has been used for many years, in domestic legislation such a conciliation procedure is considered new. Its unpopularity lies not only in its relative novelty for our country, but also in a number of shortcomings of the procedure. The article discusses the following issues: the difference between «conciliation» and «mediation»; the distinction between private and public mediation models; the conclusion is made about which of these models is enshrined in the law on mediation, and which of them is the most effective for resolving a dispute between the parties; the analysis of the principles of mediation is carried out. The author considers the advantages and disadvantages of the procedure. Benefits include accessibility, confidentiality, maintaining partnerships, and voluntarily contacting a mediator. The disadvantages are identified as the lack of a unified centralized mediation system, imperfect requirements for mediators and public distrust of the non-judicial form of dispute resolution. In addition, proposals were considered on the need for stricter regulation of legislation regarding the requirements of the mediator, since he is a key figure in the settlement of the dispute. Correcting significant shortcomings of mediation will improve the quality of mediation services, and may also be the beginning of its popularization among the parties to the dispute. The widespread spread of mediation will contribute to the unloading of the court apparatus.

Keywords:

mediation, dispute resolution, ADR, out-of-court proceedings, mediation agreement.

Стороны в гражданском процессе всё чаще прибегают к процедуре медиации как к одной из форм защиты гражданских прав [1, с. 11]. Данная тенденция позволяет разгрузить аппарат суда, который из-за нехватки кадров превращается в «конвейер»¹. Более того, благодаря индивидуальному подходу к каждому делу медиация способствует более эффективному разрешению споров.

Институт медиации является новым в российском законодательстве. Однако исторически схожие примирительные процедуры являются более ранними в сравнении с юрисдикционными. Так, известны случаи обращения к посредникам в Древней Греции и Риме [2], а об арбитраже писал ещё Аристотель² [3, с. 201]. Медиация известна многим правовым порядкам, она довольно распространена в США, Великобритании, Франции и Германии [4, с. 59].

Стоит разграничить «посредничество» и «медиацию». Посредничество по отношению к медиации является родовым понятием [5, с. 22]. Данная точка зрения отражена и в Пояснительной записке к Проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур»³. Посредником может выступать лицо, которое заинтересовано в исходе спора, в случае с медиацией примирителем должно быть третье лицо, не имеющие заинтересованности в споре.

Загайнова С.К. определяет медиацию как особым образом организованные переговоры с участием специального субъекта – медиатора, который содействует устранению разногласий и достижению соглашения, отвечающего интересам сторон правового спора [6, с. 349]. Указанное определение не единственное, однако, несмотря на различные позиции, исследователи сошлись во мнении, что главные признаки медиации – это урегулирование споров специальным субъектом, а также учёт интересов каждой из сторон. Как отмечала Шамликашвили Ц.А., президент Центра медиации и права: «Результат медиации – это не компромисс, ведь при компромиссе каждый должен уступить, от чего-то отказаться. А здесь, наоборот, каждый получает то, что ему необходимо» [7, с. 18].

Важно рассматривать медиацию не только как способ снижения судебной нагрузки, но и как возможность выбора сторонами более эффективного способа урегулирования спора [8, с. 5-6].

Необходимо отметить, что медиацию разграничивают на частную и публичную. Первая модель установлена Федеральным законом «О процедуре медиации»⁴, вторая – рассматривается как одна из дополнительных профессиональных компетенций лиц, реализующих юрисдикционную деятельность и соответственно регламентируется отраслевым законодательством. Именно Закон о медиации поспособствовал созданию отдельной процедуры, которая по своей сути является внеюрисдикционной. Законодатель признает за процедурой медиации статус законного способа урегулирования правовых споров, существующего на-

1 ВШЭ: из-за нехватки судей правосудие превращается в конвейерное производство // URL: https://doctor.gambler.ru/news/39640130/?utm_content=doctor_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 13.12.2022).

2 «Арбитр тяготеет к справедливости, судья к закону; арбитраж создан, чтобы справедливость могла быть реализована».

3 Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» // Вестник гражданского процесса. 2012. № 6. С. 200–204.

4 Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140445> (дата обращения: 13.12.2022).

ряду с судебным порядком, процедурой разрешения споров в третейском суде, в комиссиях по трудовым спорам, нотариальной процедурой [9, с.5].

Публичная (интегративная) модель медиации не выделяется в отечественном законодательстве, однако она применяется внутри судебных споров или в нотариате. По мнению автора, частная модель является более эффективной, поскольку законодатель предоставляет сторонам возможность решить конфликт и сохранить партнерские отношения. Свобода в выборе медиатора тоже способствует прийти к компромиссу в споре.

Закон о медиации регламентирует принципы указанной процедуры: добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора. В доктрине данные принципы называют «правовыми». Существуют «внеправовые» принципы, к ним относят: добросовестность сторон конфликта и медиатора, принцип персонификации процедуры и прямого взаимодействия сторон, принцип доверия и стремления к психологическому комфорту во время медиации [10].

Анализ принципов медиации позволяет говорить о преимуществах и недостатках процедуры.

Преимуществом медиации, во-первых, является сотрудничество каждой из сторон, то есть сама процедура направлена на согласование интересов между участниками [11, с. 393-394]. Как отметила Большова А.К. еще в 2006 г.: «Медиация – возможность сохранить отношения на перспективу»⁵.

Во-вторых, участники самостоятельно изъявляют желание на проведение процедуры, а также сами выбирают медиатора, что позволяет достичь наиболее комфортных условий для переговоров. Кроме того, медиатор в процедуре лишь обеспечивает правильность её проведения. Он не наделен полномочиями по вынесению обязательного для сторон решения, тем самым оставаясь нейтральной стороной в конфликте.

Однако из принципа добровольности вытекает и недостаток: многие участники спора не хотят прибегать к медиации, так как считают её бессмысленной. Изначальный скептический настрой к внеюрисдикционным способам защиты мешает популяризации процедуры. Тем не менее исследования показали, что добровольная медиация более эффективна, нежели принудительная⁶.

Добровольным является и исполнение медиативного соглашения. Но неверно будет утверждать, что из-за этого медиация становится менее эффективной. Медиативное соглашение согласно ст. 12 Закона о медиации является гражданско-правовой сделкой, а значит обеспечивается гражданско-правовыми способами защиты. В 2019 году в Закон о медиации были внесены изменения: медиативное соглашение, в случае его нотариального удостоверения, имеет силу исполнительного документа. Однако данное изменение некардинально улучшило ситуацию, поскольку зачастую обращение к нотариусу обходится сторонам дороже, чем судебный спор. На данную проблему обращают внимание особенно в банковской сфере [12].

5 Интернет-интервью с Председателем коллегии посредников по проведению примирительных процедур при Торгово-промышленной палате Российской Федерации заслуженным юристом Российской Федерации А.К. Большовой «Альтернативные способы разрешения споров с участием посредников» // URL: <http://www.garant.ru/action/interview/10264/> (дата обращения 14.12.2022).

6 Концепция проекта и аналитические данные о его реализации доступны на официальном сайте министерства юстиции Онтарио // URL: <http://www.attorneygeneral.jus.gov.on.ca/english/courts/manmed> (дата обращения: 12.12.2023).

В-третьих, одним из преимуществ процедуры является её конфиденциальный характер. Для многих крупных компаний важно сохранить прежде всего репутацию. В открытых судебных заседаниях это сделать намного сложнее, чем при конфиденциальной процедуре медиации.

Также к плюсам медиации относятся: непродолжительность процедуры (максимальный срок: 80 дней), в сравнении с судебными процессами; её финансовая доступность; возможность разгрузить суды; предсказуемое решение, которое может исполнить каждая из сторон.

Непопулярность медиации, в свою очередь, объясняют следующими обстоятельствами: новизна процедуры; низкое правосознание общества, которое с недоверием относится к внеюрисдикционному способу защиты; недостаточное количество специально обученных лиц (медиаторов) [13, с.106-108]; заниженные требования к профессионализму медиаторов.

Доктор юридических наук Худойкина Т.В. к отрицательным моментам медиации относит: (1) отсутствие единой централизованной системы медиации; (2) короткое и дорогое обучение на курсах, неразвитая программа подготовки медиаторов в целом; (3) не структурированность процедуры в Законе; (4) отсутствие порядка отвода и замены медиатора; (5) медиации не встроена в систему правосудия, что вызывает у многих недоверие [14, с. 1-3].

Одним из основных недостатков медиации являются низкие требования к медиатору. Согласно Закону о медиации непрофессиональными медиаторами могут быть лица, достигшие возраста восемнадцати лет, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости. Профессиональным медиатором может стать лицо, достигшее возраста двадцати пяти лет, имеющее высшее образование и получившее дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации. Медиатор – человек, обладающий опытом, позволяющим решить сложные ситуации в экономических, семейных, трудовых и других спорах, поэтому требование о достижении восемнадцатилетнего возраста для такой деятельности выглядит слишком опрометчивым. Кроме того, для решения большинства споров в любом случае необходимо юридическое образование. Безусловно, медиатор не предлагает готовых решений, но он помогает сторонам услышать друг друга, найти вариант, который устроит каждого.

Существенным недостатком является отсутствие требований к организациям, осуществляющих медиацию. Организации могут входить в СРО, но это не является обязательным, что создает ситуацию, в которой медиативной деятельностью могут заниматься некомпетентные лица.

Ряд авторов относят к недостаткам поверхностное регулирование процедуры [13, с.106-108]. Данное замечание представляется не совсем верным. Особенностью внеюрисдикционных процедур является «слабое» регулирование законодателем. Диспозитивность медиации отличает её от строго регламентированного судебного разбирательства и является скорее плюсом для сторон, чем минусом.

Таким образом, медиация – институт, который способствует эффективному урегулированию споров. Однако ряд недостатков не позволяет процедуре стать повсеместной. Для популяризации медиации и мирного разрешения конфликтов необходимо доработать законодательную базу в части требований к медиатору и способствовать доверию граждан к внеюрисдикционным формам защиты.

Библиографический список:

1. Воложанин В. П. Основные проблемы защиты гражданских прав в несудебном порядке: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. доктора юрид. наук. Свердловск, 1975. 34 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/355358> (дата обращения: 12.12.2023).
2. Соломатина Е.П. Античная традиция опосредниках и посредничестве в Древней Греции // АМА. 2013. №16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antichnaya-traditsiya-o-posrednikah-i-posrednichestve-v-drevney-gretsii> (дата обращения: 10.12.2022).
3. Аристотель. Риторика // Аристотель. Риторика / Пер. с древнегр. и примеч. О.П. Цыбенко; Под ред. О.А. Сычева, И.В. Пешкова. Поэтика / Пер. В.Г. Апфельрота; Под ред. Ф.А. Петровского. - М.: Лабиринт, 2000. 412 с.
4. Елисеева Т.С. Зарубежный опыт правового регулирования процедуры альтернативного разрешения споров // Юридический мир. 2015. № 6. 59 – 62 с.
5. Аболонин В.О. Развитие примирительных процедур в рамках саморегулируемых организаций // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 9. 24 с.
6. Гражданский процесс: учебник для студентов юридических высших учебных заведений / Уральский гос. юрид. ун-т ; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. В. Янков. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2021. 721 с.
7. Хорошавкина А.В. Медиация: проигравших нет! [Интервью с Ц.А. Шамликашвили] // Главная книга. 2011. № 3. С. 16 -19.
8. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. // Серия «Библиотека медиатора». Кн. 2. - М.: Инфотропик, 2011. 304 с.
9. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (постатейный) // В.О. Аболонин, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др.; отв. ред. С.К. Загайнова, В.В. Янков. - М.: Инфотропик Медиа, 2012. 272 с.
10. Шумова К. А. Внеправовые принципы медиации, имеющие правовое значение, и их законодательное закрепление // Юридическая техника. 2015. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnepravovye-printsipy-mediatsii-imeyushchie-pravovoe-znachenie-i-ih-zakonodatelnoe-zakreplenie> (дата обращения: 20.12.2022).
11. Мурадова А.Р. Институт медиации в Российской Федерации // Молодёжь XXI века: шаг в будущее: материалы XXII региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2021. С. 393–394.
12. Арзуманова Л. Л., Мачкова Т. В., Шолленберг А. Д. Нотариальное удостоверение медиативных соглашений в банковской сфере // Актуальные проблемы российского права. 2022. №6 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/notarialnoe-udostoverenie-mediativnyh-soglasheniy-v-bankovskoy-sfere> (дата обращения: 12.12.2023).
13. Фирсова А.А. Проблемы и перспективы развития института медиации в России // Современный юрист. 2016. №1. С. 103 -112.
14. Худойкина Т.В. Проблемы развития медиации в России // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. 3 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-mediatsii-v-rossii-1> (дата обращения: 23.12.2023).

References:

1. Volozhanin V. P. (1974). The main problems of civil rights protection in a non-judicial manner. Sverdlovsk. p.34. URL: <https://www.prlib.ru/item/355358> (accessed: 12 December, 2023)
2. Solomatina E.P. (2013). The ancient tradition of intermediaries and mediation in Ancient Greece. Moscow: AMA. 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antichnaya-traditsiya-o-posrednikah-i-posrednichestve-v-drevney-gretsii> (accessed: 10 December, 2022).
3. Aristotel (2000). Retorika. Moscow: labirint. p. 412.
4. Eliseeva T.S. (2015). Foreign experience of legal regulation of alternative dispute resolution procedure. The legal world. 62. pp.59-62.
5. Abolonin V.O. (2009). Development of conciliation procedures within the framework of self-regulating organizations. Arbitration and civil proceedings. 9. p. 24
6. Yarkov V.V. (2021). Civil procedure: textbook for law students of higher educational institutions. Moscow: The Statute. p. 721. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1859244> (accessed: 13 December, 2022).
7. Khoroshavkina A.V. (2011). Mediation: there are no losers! The main book. 3. pp. 16-19.
8. Kalashnikova S.I. (2011). Mediation in the field of civil jurisdiction. / The Mediator Library Series. Moscow: Infotropics. p. 304
9. Yarkov V.V. (ed.) (2012). Commentary on the Federal Law «On Alternative Dispute Settlement Procedure with the Participation of an Intermediary (Mediation Procedure)» (article-by-article). Moscow: Infotropics. p. 272
10. Shumova K. A. (2015) Non-legal principles of mediation that have legal significance and their legislative consolidation. Legal Technology. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnepravovye-printsipy-mediatsii-imeyushchie-pravovoe-znachenie-i-ih-zakonodatelnoe-zakreplenie> (accessed: 20 December, 2022).
11. Muradova A.R. (2021). Institute of Mediation In The Russian Federation/ Youth of the XXI century: a step into the future. Materials of the XXII regional scientific and practical conference. Blagoveshchenskiy. pp.393-394
12. Arzumanova L. L., Markova T. V., Schellenberg A.D. Notarization of mediation agreements in the banking sector. Actual problems of Russian law. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/notarialnoe-udostoverenie-mediativnyh-soglasheniy-v-bankovskoy-sfere> (accessed: 12 December 2023).
13. Firsova A.A. (2016). Problems and prospects of development of the Institute of mediation in Russia. A modern lawyer. 1. pp. 103-112
14. Khudoikina T.V. (2017). Problems of mediation development in Russia. Gaps in Russian legislation. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-mediatsii-v-rossii-1> (accessed 23 December 2023).